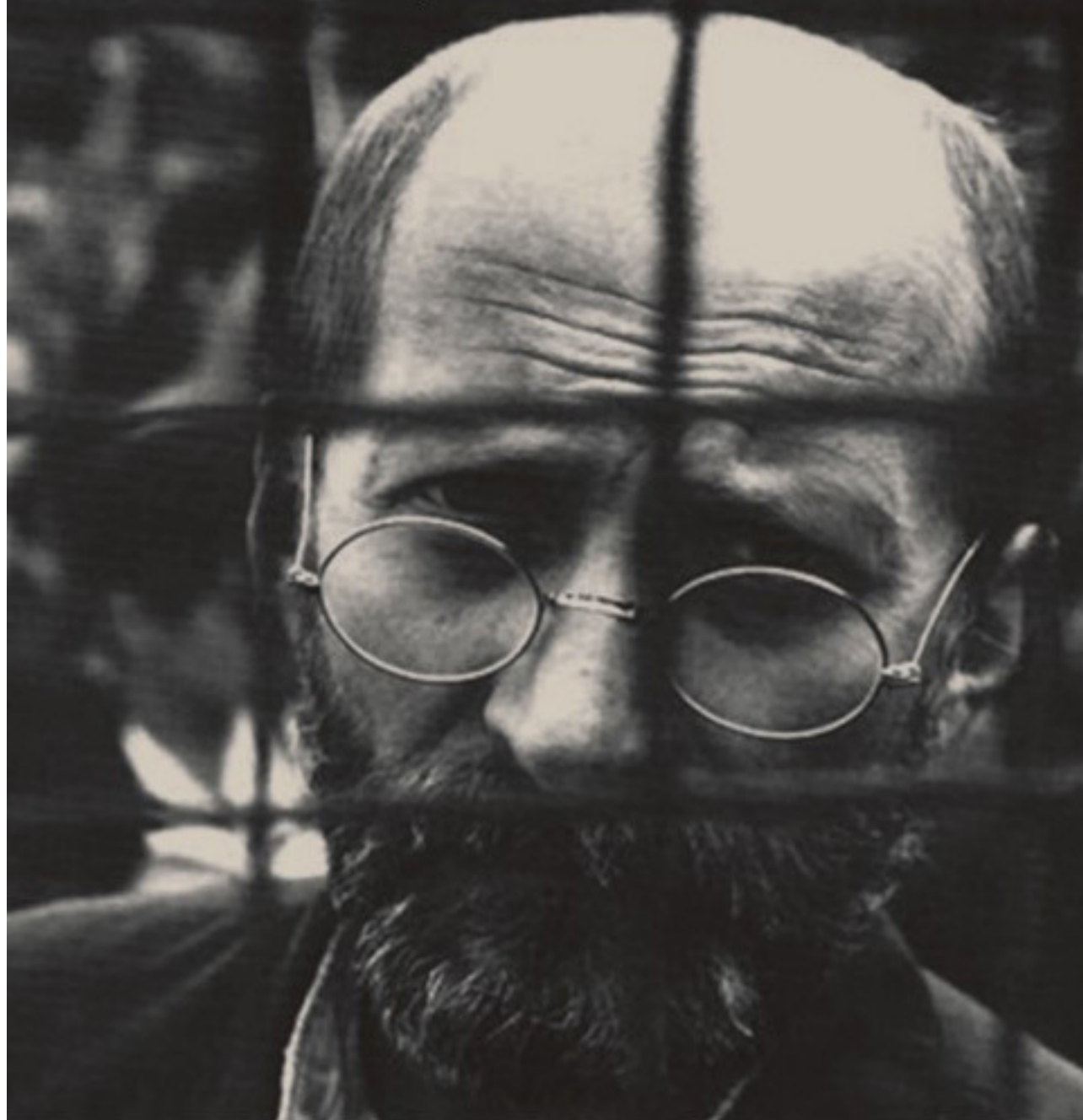

ТРЕБЛИНКА

И с с л е д о в а н и я
В о с п о м и н а н и я
Д о к у м е н т ы

Военно-исторические книги издательства «Яуза»

Коллектив авторов

**Треблинка. Исследования.
Воспоминания. Документы**

«Яуза»

2021

УДК 93/94
ББК 63.3(2)622

Коллектив авторов

Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы / Коллектив авторов — «Яуза», 2021 — (Военно-исторические книги издательства «Яуза»)

ISBN 978-5-00155-343-4

Лагерь смерти Треблинка. Примерно за год с лета 1942 года здесь умертвили более 800 тыс. евреев и несколько тысяч цыган – мужчин, женщин, детей и стариков, депортированных с оккупированных территорий Польши, Советского Союза, Чехии, Греции, а также других стран Европы. Для уничтожения эшелона в 20 товарных вагонов требовалось всего несколько часов. Трупный запах распространялся на десятки километров в округе. Среди прочих здесь обрели покой известный педагог Януш Корчак со своими воспитанниками, сестры Зигмунда Фрейда и любовь молодости А. П. Чехова Евдокия Эфрос. 2 августа 1943 года в лагере смерти Треблинка вспыхнуло восстание, ставшее одним из символов сопротивления нацистской политике геноцида. А рядом находился одноименный трудовой лагерь, где на благо экономики Рейха в ужаснейших условиях в течении трех лет трудились поляки и евреи. Вы держите в руках первую научную книгу на русском языке, которая посвящена этому «конвейеру смерти». Ее основу составили ранее не публиковавшиеся материалы советских следственных органов. Собранные к осени 1944 года, они позволили в деталях узнать, что происходило в треблинских лагерях. Эти документированные свидетельства дополняются воспоминаниями выживших узников, переведенными с польского и иврита, а также исследовательскими статьями. Они системно излагают историю лагеря смерти, раскрывают преступления, совершенные советскими коллаборационистами, а также опровергают попытки отрицателей Холокоста приуменьшить масштаб нацистских преступлений в Треблинке.

Книга издана Российским военно-историческим обществом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00155-343-4

© Коллектив авторов, 2021
© Яуза, 2021

Содержание

Введение	7
Исследования	10
Треблинка. Краткая история	10
Треблинские лагеря в контексте нацистской политики уничтожения	10
Лагерь смерти Треблинка: создание и первые месяцы функционирования	14
«Производственный кризис» и преобразование лагеря смерти	15
Из гетто – в газовую камеру: террор и ложная надежда	21
Утилизация трупов	26
Экономика лагеря смерти: «мир охраны» и «мир заключенных»	27
Тотальность террора и практики сопротивления	31
Восстание 2 августа 1943 г.	34
Постепенная ликвидация треблинских лагерей	41
Лагерь смерти Треблинка глазами вахманов-травниковцев (по материалам следственных дел)	44
Распорядок работы вахманов в Треблинке	45
Сбор и доставка в лагеря смерти	46
Разгрузка	47
«Лазарет»	48
«Душегубка»	49
Все ли вахманы участвовали в расстрелах?	51
Мародеры	51
Побеги вахманов из лагеря смерти Треблинка в 1942–1943 гг.	52
Колонисты-охранники лагеря смерти	54
Возмездие	55
Документальные приложения	56
Треблинка и отрицание холокоста	70
Воспоминания	82
Янкель Верник. Год в Треблинке	82
Год в Треблинке	84
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы

© Группа авторов, 2021

© Российское военно-историческое общество, 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

Введение

Вы держите в руках книгу, которая тематически и логически продолжает сборники о лагерях смерти, подготовленные Российским военно-историческим обществом совместно с Научно-просветительным центром «Холокост», – «Собибор. Взгляд по обе стороны колючей проволоки» (2019 г.) и «Майданек. Исследования. Документы. Воспоминания» (2020 г.). Как и в предыдущих изданиях, мы стремились представить на суд читателей ранее не публиковавшиеся на русском языке или вообще не введенные в научный оборот документы и воспоминания, предварив их рядом исследовательских статей, которые позволили бы даже неподготовленному читателю воспринять эти источники.

Несомненно, в последние годы в России, как и во многих других странах, нарастает общественный и политический интерес к теме нацистских преступлений, что неудивительно: «война на уничтожение», которую гитлеровская Германия начала против СССР, привела к широкомасштабному террору на оккупированных территориях и многомиллионным жертвам. В течение долгого времени эта тема была «закована» в ряд порой весьма узких формулировок и символов, и только сейчас, с нарастающим валом научных исследований и документальных публикаций, мы начинаем осмысливать трагедию тех лет во всей полноте и подчас противоречивости. На общественном уровне одна из ключевых сложностей заключается в том, как совместить память о разных жертвах гитлеровской политики уничтожения так, чтобы не потерять уникальность трагедий, но при этом подчеркнуть определенную общность страданий и избежать «конкуренции жертв». Блокада как крупнейшее военное преступление в мировой истории, Холокост, террор на оккупированных территориях (наиболее яркий образ – сожженные деревни), реализация программы «Т-4» (убийство лиц с физическими или ментальными «отклонениями»), преследование убежденных коммунистов, сторонников и представителей советской власти, истребление цыган, геноцидальная политика в отношении советских военнопленных – все эти и многие другие сюжеты являются содержанием того, что сегодня принято называть нацистской политикой уничтожения. Какие-то аспекты более-менее известны простому обывателю, другие совершенно неизвестны, соответственно, и коллективному разговору о них предстоит преодолеть еще много преград. Не берясь предлагать скорых рецептов, мы полагаем важным указать на принципиальную разницу между «взглядом снизу» – попытками выяснить, кто больше страдал (такая постановка вопроса морально сомнительна), и «взглядом сверху», т. е. пониманием отличий в политиках уничтожения, которые осуществлялись нацистской Германией и многими ее союзниками. Однако последнее однозначно невозможно без развития историографии и насыщения книжных полок магазинов и книголюбов качественными изданиями.

До сих пор наблюдается определенный парадокс: многие сюжеты нацистских злодеяний могут быть хорошо известны отечественной публике, однако собственно научные исследования на русском языке отсутствуют. До сегодняшнего дня это утверждение было верным и относительно Треблинки: этот лагерь смерти, описанный В. С. Гроссманом еще в 1944 г., к сожалению, не привлекал интереса отечественных исследователей, а многочисленные документы, хранящиеся в российских архивах, были малоизвестны. Вероятно, отчасти подобное объясняется тем, что эта история не распознавалась как связанная с прошлым нашей страны. В отличие, например, от Аушвица или Собибора. В действительности это не совсем так. Убийства в Треблинке являются одним из ключевых событий Холокоста как наиболее последовательного и масштабного геноцида в мировой истории. А он затронул практически все европейские страны и Советский Союз в первую очередь: из примерно 6 млн убитых евреев около 2,7–2,8 млн были жителями СССР. Если давление на евреев и их преследование нацисты осуществляли с самого прихода к власти, то именно с нападением на Советский Союз произошло качественное изме-

нение политики в сторону тотального уничтожения. Создание лагерей в рамках «Операции Рейнхард», включая Треблинку, оказалось следующим этапом, мотивированным тем, чтобы массовые убийства приняли более организованный, ресурсоемкий и менее травматичный для самих убийц характер. Хотя основная масса убитых в Треблинке евреев жила на бывших польских территориях (к слову, в недалеком прошлом – в Российской империи), ряд транспортов прибыл и с западных окраин Советского Союза – Гродно, Сопоткина и др. Любопытно, что и среди депортируемых с западного направления евреев могли быть русские эмигранты. Так, считается, что в Треблинке была убита Евдокия Эфрос (Коновицер), возлюбленная писателя А. П. Чехова. И, наконец, именно Красная Армия освободила ту территорию, где находилась Треблинка, а следственные органы провели расследование, собрав целый комплекс источников об истории этого «конвейера смерти», который, к сожалению, не был предан огласке.

Настоящий сборник разделен на несколько частей. В первой объединены исследовательские материалы. Статья К. А. Пахалюка и М. Ю. Эдельштейна посвящена Треблинке в целом, ее цель – последовательно изложить историю лагеря, систематизируя оценки и достижения современной историографии. Безусловно, Треблинка является одним из наиболее ярких примеров именно нацистских преступлений, однако далеко не все те, кто отправлял невинных жертв в газовые камеры, были гражданами Третьего рейха. Израильский историк А. И. Шнеер подробнее остановился на этих людях – вахманах-«травниковцах». Это преимущественно бывшие советские военнопленные, которые перешли на службу к противнику и играли одну из ключевых ролей в функционировании конвейеров уничтожения в лагерях. Поскольку Треблинка неразрывно связана с мемориализацией Холокоста, то ее история порой оказывается предметом весьма политизированных дискуссий, активными участниками которых являются отрицатели Холокоста. Исследователь С. В. Романов подробно разбирает и опровергает «аргументы», нацеленные на отрицание или преуменьшение нацистских злодеяний в Треблинке.

Во второй блок мы включили мемуары двух узников Треблинки. Впервые на русском языке публикуются воспоминания Янкеля Верника, написанные еще в годы войны и широко ходившие в польском подполье. Не будет преувеличением сказать, что речь идет об одном из ключевых источников, повлиявших на всю последующую историографию Холокоста. Также мы отдали предпочтение мемуарам и другого узника – Самуэля Вилленберга. Опубликованные в середине 1980-х гг., они затем были переведены на многие языки мира (этот перевод является десятым) и заняли, как и скульптурные работы мемуариста, важное место в транснациональной культуре памяти о Холокосте.

В третью часть мы выделили комплекс документов, который в августе – октябре 1944 г. был создан советскими следственными органами. Эти источники в полной мере никогда ранее не публиковались – лишь отдельные отрывки использовались некоторыми исследователями. Речь идет прежде всего о свидетельских показаниях или протоколах допросов 35 бывших узников лагерей Треблинки или местных жителей, которые являлись непосредственными свидетелями творимых здесь преступлений. Следующая за ними подборка документов отражает основные этапы работы советских следственных органов по расследованию нацистских преступлений в Треблинке.

В заключение хотелось бы выразить признательность и благодарность Аде Вилленберг (Израиль), вдове С. Вилленберга, за предоставленные к публикации материалы и помощь в подготовке перевода воспоминаний ее мужа. Отдельно стоит отметить труд тех, кто помогал в расшифровке архивных документов: Софьи Высоцкой, Арины Зотовой, Дарьи Даниловой, Дарьи Смирновой, Инны Кочергиной, Эрны Сарвилиной, Анастасии Терещук, Анны Горской, Татьяны Радайкиной, Бориса Литинского, Романа Жигуна. Также мы не можем забыть Вадима Бродского и Машу Ионину (Израиль), помогавших в работе с иллюстрациями. Без самоотверженного труда всех их вряд ли настоящее издание было бы подготовлено в относительно

короткие сроки. Слова благодарности мы должны высказать и канд. ист. наук Андрею Александровичу Плеханову, оказавшему содействие в доступе к ряду архивных документов.

К. А. Пахалюк, Л. А. Терушкин

Исследования

Треблинка. Краткая история

Пахалюк Константин Александрович,

канд. полит. наук, Российское военно-историческое общество

Эдельштейн Михаил Юрьевич,

старший научный сотрудник МГУ имени М. В. Ломоносова

Если Аушвиц заслуженно называют фабрикой смерти, то лагерь смерти Треблинка – «конвейером, довольно примитивным, но бесперебойным»¹. По крайней мере, именно так охарактеризовал его унтершарфюрер СС Франц Сухомель² в ходе интервью с французским журналистом Клодом Ланцманом. И с этим стоит согласиться. Из всех лагерей смерти, созданных во время «Операции Рейнхард»³, именно Треблинка сегодня наиболее известна широкой публике. Подобное «признание» совершенно заслужено: за 13 месяцев (с перерывами) здесь уничтожили не менее 800 тыс. евреев. Продемонстрировать более высокую результативность превращения людей в трупы удалось только Аушвицу – около 1,1 млн убитых, включая более 900 тыс. евреев⁴. В СССР представления о Треблинке, затерянной в общей истории нацистских преступлений, были закреплены блестящим эссе Василия Гроссмана, написанным «по горячим следам». В контексте современного транснационального нарратива о Холокосте этот лагерь смерти стал одним из ключевых «мест памяти». Последнее обусловлено и тем, что здесь уничтожили большую часть узников Варшавского гетто, судьба которого – другой неотъемлемый элемент сложившегося канона. 2 августа 1943 г. в Треблинке произошло известное восстание, что сделало возможным вписать ее в историю не только уничтожения евреев, но и их сопротивления. Из сотен бежавших узников десятки пережили войну, расселились по всему миру и сумели (к сожалению, далеко не все) поведать свои истории. Этим Треблинка сближается с Собибором, где также случилось восстание 14 октября 1943 г., и отличается от лагерей смерти Белжец и Хелмно: почти никто из побывавших в них в качестве заключенных не выжил, а потому и не оставил свидетельств.

Треблинские лагеря в контексте нацистской политики уничтожения

Не будет преувеличением сказать, что Треблинка знаменует собою одну из вершин гитлеровской политики «окончательного решения еврейского вопроса», названной Холокостом, или

---

¹ Ланцман К. Шоа. М., 2016. С. 106.

² Обратим внимание, что порой его фамилию транскрибируют как Зухомель (Suchomel).

³ Она так называлась с июня 1942 г. в честь убитого подпольщиками главы РСХА Рейнхарда Гейдриха. Стоит отметить, что, хотя в отечественной историографии закрепилось именно такое написание его имени и самой операции, в действительности в документах можно встретить различия – Reinhart, Reinhard и Reinhardt. Последний вариант порою использовался в немецких документах, связанных с самим Р. Гейдрихом, а также часто в ключевой документации, посвященной операции. Соответственно, можно согласиться с аргументацией П. Витте и С. Тайеса, что написание «Reinhardt» является приоритетным. См.: Witte P., Tyas S. A New Document on the Deportation and Murder of Jews during «Einsatz Reinhardt» 1942 // Holocaust and Genocide Studies. 2001. Vol. 15. № 3. P. 474–475. Также: Lehnstaedt S. Der Kern des Holocaust: Belžec, Sobibór, Treblinka und die Aktion Reinhardt. München, 2017; Der Ort des Terrors: Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / Hrsg von W. Benz, B. Distel. München, 2005.

⁴ Полян П. М. Жизнь и смерть в аушвицком аду. М., 2018. С. 32–39; Вахсман Н. История нацистских концлагерей. М., 2018. С. 593.

Шоа (Катастрофа). Естественно, ее история восходит к приходу нацистов к власти в 1933 г., когда те развернули целенаправленную кампанию по политическому, социальному, юридическому и экономическому исключению евреев из жизни немецкого общества⁵. Давление нарастало с каждым годом, разве что 1936 г. – ввиду берлинской Олимпиады – был отмечен его непродолжительным ослаблением. Однако вскоре маховик репрессий разогналсся вновь, и уже 1938 г., по мнению историка Шауля Эша, продемонстрировал серьезный сдвиг в антиеврейской политике, когда получили распространение такие бесчинства, как разрушение синагог, массовые аресты, разгромы магазинов и «ариизация» различных сфер экономики. Усилилось и юридическое давление: закон об именах (евреи, не носившие вошедшие в перечень «еврейские имена», должны были добавить к своим именам «Израиль» или «Сара»), лишение еврейских религиозных общин статуса общественных организаций, обязанность регистрировать все имущество (первый шаг к будущему ограблению), требование иметь при себе удостоверение личности, запреты на практику евреям-юристам и евреям-врачам – все это явным образом свидетельствовало о том, что гитлеровская диктатура всерьез взялась за «решение еврейского вопроса»⁶.

С началом Второй мировой войны на территории оккупированной Польши нацисты перешли к откровенному террору в адрес евреев (их численность составляла примерно 1,5 млн человек), сопровождавшемуся массовыми переселениями и созданием гетто. Параллельно активные репрессии были направлены и против польского населения. В первые месяцы аресты и расстрелы польской интеллигенции и прочих «потенциально опасных элементов» приняли настолько крутой характер, что некоторые поляки считали, будто оккупанты относятся к ним намного хуже, нежели к евреям, которых подвергали «всего лишь» ограблению и изоляции⁷. Естественно, сторонники подобных идей весьма поверхностно понимали происходящее.

Нападение на СССР знаменовало очередной перелом: борьба с «жидо-большевистским государством», о которой трубила германская пропаганда, сопровождалась массовыми расстрелами еврейского населения⁸. Эти акции, исполняемые руками эсэсовцев и местных коллаборационистов, оправдывались как обеспечение безопасности тыла армии и ликвидация враждебных элементов, однако с самого начала выходили далеко за пределы военных задач.

К этому периоду относится и создание трудового лагеря в районе деревни Треблинка. Он был образован в конце лета 1941 г. для эксплуатации гравийного карьера. Его разработка началась еще при польском правительстве, а накануне нападения на СССР немецкие оккупационные власти задумались о наращивании добычи для военных нужд. После формирования советско-германского фронта и превращения этих мест в глубокий тыл было принято решение основать специальную компанию, а в целях снижения издержек – создать трудовой лагерь, куда направлялись бы польские жители за совершенные «преступления».

Сначала Треблинка находилась под управлением крайсгауптмана г. Соколув, а 16 декабря 1941 г. ее передали под юрисдикцию руководителя СС и полиции Варшавы. Первоначально она называлась «исправительно-трудовым лагерем» (*Arbeitserziehungslager*), затем – рабочим лагерем СС и полиции Варшавского округа (*Der SS-und Polizeiführer im Distrikt Warschau Arbeitslager Treblinka*). В исторической литературе нередко можно встретить наименование Треблинка I (понимая под Треблинкой II лагерь смерти).

⁵ См., напр.: Гутман И., Галиль Н. Катастрофа и память о ней. Иерусалим, [б. д.]. С. 16–27; Хавкин Б. Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М., 2018. С. 19–108.

⁶ Эш Ш. От дискриминации к уничтожению. Решающий 1938 год // Яд Вашем: исследования. Вып. 2. Иерусалим, 2010. С. 15–30.

⁷ Kuwalek R. Death Camp in Belzec. Lublin, 2016. P. 17–18.

⁸ См. подробнее: Arad Y. Belzec, Sobibor, Treblinka. The Operation Reinhard Death Camp. Bloomington. 1999. P. 7; Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002; Вахсман Н. Указ. соч. С. 253; Дюков А. Р. За что сражались советские люди? СПб., 2019; Шепелев Г. А. Война и оккупация. Неизвестные фотографии солдат вермахта с захваченной территории СССР и советско-германского фронта. М., 2021. С. 40–83.

Первым и единственным комендантом стал гауптштурм-фюрер СС Теодор фон Эйпен. Администрацию составляли примерно 20 эсэсовцев, а в ноябре 1941 г. им придали до 100 вахманов-«травниковцев». Это были преимущественно бывшие советские военнопленные, перешедшие на сторону врага и прошедшие специальную караульно-охранную подготовку в учебно-тренировочном лагере в местечке Травники⁹. Большинство являлись украинцами, однако также имелись выходцы из Прибалтики (литовцы и латыши) и других районов СССР¹⁰.

Основным контингентом заключенных стали поляки и евреи, совершившие уголовные и экономические преступления, административные проступки (вплоть до проезда на поезде без билета и организации несанкционированных вечеринок) или попавшие сюда в ходе облав. Первоначально это были жители Соколувско-Венгровского повята, затем география узников расширилась, а среди евреев появились выходцы из Франции, Германии и Чехословакии. Все они находились в одинаково тяжелых условиях – с той лишь разницей, что в зависимости от причин ареста узник-поляк мог надеяться на освобождение, а еврей – нет. Так, житель деревни Косув-Ляцки С. Здонек провел здесь весь ноябрь 1941 г. за то, что не сумел сдать требуемое количество продовольствия оккупационным властям. Позднее он рассказывал о постоянных издевательствах и избиениях, причем отмечал, что с особой жестокостью нацисты относились к заключенным-евреям: «Однажды на моих глазах привели пять евреев и заставили их пролезть в узкий проход колючей проволоки, специально сплетенной для этой цели. Евреи застре-вали в проходе и не могли пролезть, тогда немцы избивали их палками. Так они убили всех пятерых»¹¹.

О жестоком отношении к узникам свидетельствовал и диспетчер железнодорожной станции Треблинка, участник польского подполья Ф. Зомбецкий: «Зимой 1941 года я видел, как со ст[анции] Малкия шла группа заключенных по направлению в лагерь. Сзади себя они тащили за ноги обессиливших людей, одежда на них была порвана, и их тащили, по существу, голыми по снегу. Очень часто можно было видеть, как заключенные зимой ходили на работу босыми, без обуви и были очень легко одеты. <...> Немцы и вахманы, охранявшие заключенных, были всегда пьяны. Мне известно, что они заставляли есть людей рвоту, т. е. то, что они, будучи пьяными, вырыгали на землю»¹².

Сам трудовой лагерь Треблинка, обнесенный двухметровым ограждением из колючей проволокой, имевший сторожевые башни и входные ворота на северо-востоке с надписью «Arbeit macht frei», был разбит на административно-экономическую и тюремную зоны, причем в последней со временем женщины, мужчины-поляки и мужчины-евреи были отделены друг от друга. Средняя численность заключенных одновременно составляла около 1,2–1,5 тыс. человек, 800–900 из них постоянно трудились либо в гравийном карьере, либо на станции Малкия, где грузили гравий в вагоны. Постепенно география труда расширялась и включала в себя осушение болот, работы на других станциях, строительство дорог, лесозаготовку и пр. Непосредственно в «трудовой» Треблинке находились столярные и слесарные мастерские, портные, прачечная, кухня, пекарня и другие учреждения.

К работе в карьере и обслуживанию лагеря нацисты также привлекали вольнонаемных рабочих, в основном жителей близлежащих деревень. Это способствовало распространению рассказов о тяжелом положении заключенных, а потому поддерживало обстановку страха. Например, житель деревни Вулька-Окронглик Станислав Крым, работавший по найму в песчаном карьере, передавал в 1944 г. советским следователям следующие сведения: «Все заключенные-поляки, исключая немногих, были истощены, едва передвигали ноги. Оказать им помощь,

⁹ См.: Шнейер А. И. Профессия – смерть. М., 2019.

¹⁰ Тем не менее узники называли всех вахманов «украинцами»; под влиянием мемуаров бывших заключенных это некорректное обозначение закрепилось и в западной историографии.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 20.

¹² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 80.

передать что-либо запрещалось под страхом смерти. Многие заключенные-поляки умирали от голода, болезней. Многих немцы расстреливали. Мой дом расположен от места расстрела в 200–250 метрах. Много раз видел, когда немцы вели партии на расстрел заключенных-поляков»¹³.

История этого трудового лагеря, возможно, и не привлекла бы широкого внимания сегодня, если бы рядом нацисты не построили одноименный лагерь смерти. Его появление стало прямым следствием принятия решения о том, что все евреи Европы подлежат уничтожению. Дата, когда А. Гитлер отдал соответствующий приказ, точно не известна. Считается, что проработка вопроса началась в августе 1941 г. В конце сентября – начале октября глава Генерал-губернаторства (в него были сведены те польские земли, которые не присоединили непосредственно к Германии, а также некоторые районы, находившиеся в составе СССР) Ганс Франк посетил ставку фюрера. Вероятно, именно тогда было решено превратить подведомственную ему территорию в место тотального уничтожения, а массовые убийства с лета 1942 г. получили кодовое название «Операция Рейнхард» («Aktion Reinhardt»).

Проведение операции поручили руководителю полиции и СС в Люблинском округе бригадефюреру СС Одило Глобочнику (в этом вопросе он подчинялся лично Г. Гиммлеру), при нем был создан специальный штаб во главе со штурмбаннфюрером СС Германом Хёфле. В него входили примерно 450 человек, причем ключевую роль играли около сотни специалистов – «ветеранов» только что закрывшейся программы «Т-4» (Aktion T4), в ходе которой в 1939–1941 гг. нацисты уничтожали людей с врожденными физическими и ментальными отклонениями – словом, всех, кого они считали «портящими» генофонд нации. Опыт по их – преимущественно немцев – умерщвлению, в том числе с использованием газа, оказался востребован для проведения в жизнь «окончательного решения еврейского вопроса»¹⁴.

Формирование штаба Г. Хёфле началось осенью 1941 г. В ноябрь началась подготовка к строительству лагеря смерти в Белжеце, а в конце года – в Собиборе. Уже в начале декабря начал функционировать лагерь смерти Хелмно, не подчинявшийся О. Глобочнику: здесь убивали «лишних» (т. е. нетрудоспособных) евреев Лодзинского гетто. 20 января 1942 г. состоялось известное совещание в Ванзее (так называемая «Ванзейская конференция»), на котором ответственные сотрудники различных ведомств согласовали основные параметры реализации уничтожения евреев¹⁵. В середине марта 1942 г. «двери открыл» Белжец. В это же время началось создание лагеря смерти Собибор, первая небольшая группа евреев прибыла еще в апреле, а с 3 мая начался постоянный прием эшелонов с обреченными на скорую смерть¹⁶. Треблинка стала третьим таким лагерем. Нужно особо отметить, что все эти «центры смерти» не являлись классическими эсэсовскими концлагерями, хотя организационно в той или иной мере наследовали им, и административно не подчинялись отделу D Главного административно-хозяйственного управления РСХА, который и ведал основной концлагерной системой. В случае «Операции Рейнхард» речь идет о создании весьма специфических и, стоит сказать, беспрецедентных в мировой истории учреждений.

---

¹³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 28.

¹⁴ Arad Y. Op. cit. P. 17.

¹⁵ Topographie des Terrors. Gestapo, SS und Reichsicherheitshauptamt auf dem «Prinz-Albert-Gelände» Eine Dokumentation / Hrsg. von R. Ruerup. Berlin, 1989. S. 144.

¹⁶ Blatt T. Sobibor. The Forgotten Revolt. Issaquah, 2004. P. 23.

Лагерь смерти Треблинка: создание и первые месяцы функционирования

Выбор места строительства обуславливался относительной близостью к Варшаве (80 км), наличием железнодорожной ветки Варшава – Белосток, а также трудового лагеря, заключенные из которого использовались на строительстве. К работам привлекались также евреи из окрестностей и Варшавского гетто. Непосредственно местность, где создавался лагерь смерти, была открытой, песчаной, вокруг росли небольшие рощи. Будущий центр уничтожения располагался примерно в 2 км от трудового лагеря, в 1 км от деревни Вулька-Окронглик и в 4 км от станции Треблинка. Строительство началось в мае и стало результатом визита Г. Гиммлера в Варшаву, который состоялся 19 апреля¹⁷. Подряд был отдан компании «Шенбронн», но на месте трудились в основном подневольные рабочие – поляки и евреи под руководством оберштурмфюрера СС Рихарда Томаллы, уже имевшего опыт создания инфраструктуры Белжеца и Собибора. Иногда его ошибочно называют первым комендантом Треблинки.

Один из привлеченных к строительству польских узников трудового лагеря Юзеф Сопило свидетельствовал в августе 1944 г., что возведение лагеря смерти началось с огораживания местности и проведения отдельной железнодорожной ветки от станции Треблинка. Тогда же заложили фундаменты будущих газовых камер, однако заканчивали их уже еврейские заключенные¹⁸. Местная жительница Геня Марчинякувна¹⁹ вспоминала, что вместе с подругой была нанята в качестве повара и прибыла на место строительства лагеря смерти 28 мая 1942 г. По ее словам, на тот момент здесь трудились 50 поляков и 150 евреев (вскоре к ним добавили еще 150 евреев из г. Венгрува, а потом – еще 300), был построен только один барак, еще один строился: «Все же рабочие-евреи спали в сарае, прямо на песке, потому что пола фактически никакого не было. 50 поляков-рабочих на ночь отпускали по домам. Все они были жителями ближайших деревень»²⁰.

Нацисты ночевали в трудовом лагере. По мере строительства бараков и эсэсовцы, и вахманы перебирались на новое место. При скудном пайке рабочие трудились по 11–12 часов в день, подвергаясь постоянным издевательствам и избиениям. «Условия работы поляков на строительстве лагеря были ужасные. Работа была очень тяжелая, а кормили очень плохо. Избивали плетьюми и палками очень ужасно. Если поляк заболел, то его бросали на землю за уборной, и никто к нему не смел подходить. Где эти больные, как правило, и умирали, так как пищи им никакой не давали», – вспоминал Ю. Сопило²¹. Схожим образом говорила о событиях июня 1942 г. и Г. Марчинякувна: «Всех же тех, которые теряли в лагере последние силы и были лишены возможности проделывать работу, немцы расстреливали. В конце июня месяца 1942 года я сама видела, как немцы увели в лес на расстрел около 100 потерявших трудоспособность евреев»²².

Сам лагерь схематически во многом повторял Собибор²³ и представлял собой неправильный прямоугольник примерно 400 на 600 метров, окруженный колючей проволокой высотой 3 метра и закамуфлированный ветвями деревьев. По углам возвышались четыре вышки, а пятая

¹⁷ Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Belzec, Sobibor, Treblinka. Holocaust Denial and Operation Reinhard. A Critique of the Falsehoods of Mattogno, Graf and Kues. Holocaust Controversies, 2011. P. 295. URL: <https://archive.org/details/BelzecSobiborTreblinka.HolocaustDenialAndOperationReinhard.ACritique> (дата обращения: 04.05.2020).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 120.

¹⁹ Женский вариант фамилии Марчиняк для незамужней женщины; «дочь Марчиняка».

²⁰ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 42 об.

²¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 121.

²² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 44 об.

²³ Arad Y. Op. cit. P. 37.

находилась на южной стороне. Треблинка делилась на несколько частей: «нижний лагерь», состоявший из жилой части для эсэсовцев и охранников-«травниковцев» (бараки, санитарная часть, мастерские и пр.) и зоны приема обреченных (здесь же были бараки для сортировки вещей и проживания узников, обслуживавших процесс приемки смертников и их ограбления)²⁴, и «верхний лагерь», он же зона уничтожения, полностью изолированная от остальной части территория примерно 200 на 250 метров с газовыми камерами и ямами для трупов. Отсутствие крематориев не должно смущать – их не было ни в одном из основных лагерей «Операции Рейнхард». Бараки для немцев и охраны находились на северо-западе. Поезд с отправляемыми на смерть проезжал через ворота в северо-западной части лагеря и прибывал на специальную платформу в юго-западной части.

Треблинка, официально именовавшаяся «СС-зондеркомандой Треблинка», возводилась в спешке. Ее первым комендантом стал 31-летний врач, оберштурмфюрер СС Ирмфрид Эберль. Выходец из Австрии, он вступил в НСДАП еще в 1931 г., вскоре стал доктором медицины, однако ввиду нацистских убеждений был вынужден эмигрировать в Германию. В рамках программы «Т-4» был директором Центра эвтаназии в Бранденбурге, в 1942 г. – на аналогичной должности в Бернбурге, откуда и перешел в Треблинку. Изначально он планировал начать массовое уничтожение 11 июля, однако по прибытии на место стройки убедился в том, что лагерная инфраструктура далека от завершения. В письмах домой И. Эберль сообщал о высоком темпе строительства, жаловался на отсутствие времени, чтобы все успеть, и на тяжелые условия работы – тоску по дому, вшей и недостаток сна (на который ночью оставалось 3–4 часа)²⁵.

В отличие от того же Собибора строительство Треблинки затянулось. Если в Белжеце и Собиборе работа газовых камер изначально апробировалась на небольшой группе евреев, то здесь они заработали сразу же с регулярной подачей эшелонов. Первый поезд прибыл 23 июля, что случайным образом совпало с Девятым ава – траурной датой в иудейском календаре, когда, по преданию, были разрушены Первый и Второй храмы. Депортированные были евреями из Варшавского гетто. Так началось его уничтожение – ежедневно сюда направлялся эшелон примерно в 5 тыс. человек, т. е. более многочисленные партии обреченных, нежели в то время принимали Собибор или Белжец²⁶. Постепенно количество депортируемых росло, а поезда прибывали и из других районов Генерал-губернаторства.

Однако слабо развитая инфраструктура лагеря вскоре не выдержала растущей нагрузки. И. Эберль – то ли из тщеславия, то ли из стремления выслужиться – требовал все больше и больше эшелонов, но депортируемых едва успевали убивать, а трупы – хоронить. Газовые камеры работали с перебоями, перевозить трупы в специальные ямы-могилы на тележках оказалось неэффективным. Как позднее вспоминал Ф. Сухомель, из-за сложившейся ситуации комендант позвонил в Люблин, где размещался штаб «Операции Рейнхард», и потребовал приостановить депортации²⁷.

«Производственный кризис» и преобразование лагеря смерти

19 августа Треблинку посетил гауптштурмфюрер СС Кристиан Вирт, в начале месяца назначенный инспектором «Операции Рейнхард». Сопровождавший его обершарфюрер СС Йозеф Оберхаузер позднее вспоминал: «В Треблинке все находилось в состоянии хаоса. Лагерь

---

²⁴ В исторической литературе иногда его называют «лагерем I» – по аналогии с Собибором.

²⁵ Webb Ch., *Chocholaty M. The Treblinka Death Camp. History, Biographies, Remembrance.* Stuttgart, 2014. P. 22.

²⁶ Muehlenkamp R. 22 July 1942 // Holocaust Controversies. 2012. 23 July. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2012/07/22-july-1942.html>; Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Op. cit. P. 298.

²⁷ Ланцман К. Указ. соч. С. 94.

был перегружен. За пределами лагеря находился поезд с депортируемыми, он не мог разгрузиться из-за отсутствия свободного места. Многие трупы евреев валялись по всему лагерю. Эти тела уже вздулись. Я точно помню множество тел, лежавших недалеко от ограды. Они были застрелены охранниками с вышек»²⁸.

Эсэсовцы, прибывшие на службу в Треблинку в начале двадцатых чисел августа, в послевоенных свидетельствах также не скупилась на оценки увиденного, хотя, вероятно, могли и сгущать краски, дабы подчеркнуть те «сложные условия», в которых приходилось работать, и тем самым оправдать меры по наведению порядка. Так, будущий комендант Ф. Штангль рассказывал, что, выйдя из машины, он по колено увяз в разбросанных вокруг деньгах. Охрана вместо того, чтобы обеспечивать порядок, забавлялась, стреляя по узникам, а вахманы-транниковцы устраивали пьяные оргии с молодыми еврейскими девушками. Ф. Сухомель к новому месту службы добрался 20 августа. Он также подтверждал, что Треблинка функционировала на пределе возможностей, а в прибывавших поездах большая часть узников умирала в дороге – кто от вскрытых вен, а кто от ужасных условий депортации. Из-за низкой пропускной способности газовых камер многие евреи по несколько дней ожидали, пока не придет их очередь вдохнуть угарный газ. Поскольку на тот момент через станцию Треблинка проходили и другие поезда, включая военные эшелоны, происходящее отразилось в дневниках Хуберта Пфуха, немецкого солдата, направлявшегося в августе 1942 г. на советский фронт: «По пути в Треблинку, где находится еврейский “лагерь-вошебойка”, мы догоняем поезд. Трупный запах стоит в воздухе, да такой, что нас тошнит. Мы снова находимся у еврейского транспорта, где еще сильнее звучат крики дать воды; охранники все еще без разбора стреляют по евреям. Здесь собрали 300 000 и ежедневно отравляют газом 10 000–15 000 и сжигают. Любые комментарии об этом совершенно лишни. В гетто нашли оружие и такова была ответная мера»²⁹. Эти свидетельства дополняются показаниями заключенного еврея А. Гольдфарба, эшелон с которым прибыл на станцию Треблинка утром 19 августа. Из 20 вагонов, отцепленных для доставки в лагерь смерти, «в 9 вагонах по 50–100 человек умерли в пути. В остальных 11 вагонах от удушья умерли почти все. Многие, правда, трупы имели следы огнестрельных ранений – это работа жандармов в пути»³⁰.

После посещения лагеря К. Вирт вернулся в Варшаву, где инициировал совещание с участием бригадефюрера СС Фердинанда фон Замерн-Франкенега и О. Глобонника. Последний решил лично приехать в Треблинку и, оценив происходящее (правда, не заходя на территорию, поскольку считал это ниже своего достоинства), снял И. Эберля с должности. Поскольку они были земляками, коменданта не отправили под суд. Подачу поездов приостановили с 28 августа по 2 сентября включительно. В принципе, уже в августе стала очевидна нехватка мощностей для реализации политики уничтожения евреев, а потому с сентября часть депортируемых начали отправлять в концентрационный лагерь Люблин (Майданек), который теперь выполнял функции лагеря смерти (устройство газовых камер в нем пришлось на конец августа – сентябрь 1942 г.). В это же время в Аушвице началось размещение заказов на строительство основного комплекса крематориев с большими газовыми камерами, но которые с середины 1943 г., по мере сворачивания «Операции Рейнхард», позволили именно этому лагерю стать ключевым центром уничтожения³¹.

Вторая половина августа – сентябрь оказались временем «нормализации» ситуации в Треблинке и превращения ее в отлаженный конвейер. Хотя комендантом тогда формально

---

²⁸ Webb Ch., Chocholaty M. Op. cit. P. 41–42.

²⁹ Цит. по: Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. Band 9. Polen: Generalgouvernement August 1941–1945. / Hrsg. Von K.-P. Friedrich. München, 2013. S. 319. Авторы благодарят С. В. Романова за помощь в уточнении цитаты.

³⁰ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 29 об.

³¹ Полян П. М. Указ. соч. С. 52.

являлся Ф. Штангль, основные заслуги принадлежали К. Вирту. Он установил жесточайший режим террора не только в отношении узников, но также эсэсовцев и вахманов. Прежде всего началась очистка территории от трупов. Как свидетельствовал Ф. Сухомель, «люди мерли как мухи, и трупов было столько, что мы не знали, куда их девать, и сваливали прямо у газовых камер, где они оставались по нескольку дней. Под грудой тел образовывалась настоящая клоака – кишашая червями лужа крови вперемешку с дерьмом глубиной сантиметров в десять. Никто не хотел убирать трупы. Евреи предпочитали расстрел подобной работе... <...> И вот Вирт сам пришел туда с несколькими немцами... и приказал нарезать длинных ремней, которыми обвязывали тела жертв и тащили в ямы». Непосредственно в расчистке, по его словам, принимали участие не только евреи, но и немцы: «В подобных случаях немцы не боялись замарать руки»³². По всей видимости, к работе по переноске трупов среди прочих был привлечен и депортированный в Треблинку в эти дни Янкель Верник, который спустя несколько лет вспоминал: «Трупы лежали довольно долго и начинали разлагаться. Этот запах распространялся в воздухе, черви разъедали несчастных. Часто случалось так, что руки или ноги, которые мы обвязывали, чтобы волочить труп, отваливались от туловища» (с. 163)³³.

Одновременно принимались решения системного характера. Не будет преувеличением сказать, что именно при К. Вирте сложился управленческий аппарат Треблинки. Комендантом стал 34-летний гауптштурмфюрер Франц Штангль, который, как и И. Эберль, был выходцем из Австрии. В юности он работал на текстильной фабрике, с 1931 г. – в полиции, примкнул к правым организациям, в 1938 г. вступил в НСДАП. В 1940 г. его перевели в Берлин, по линии СС он руководил программой «Т-4». С началом «Операции Рейнхард» его перевели в Генерал-губернаторство, назначили комендантом Собибора, а затем отправили использовать полученный опыт в Треблинку. Он часто присутствовал при разгрузке эшелонов обреченных на смерть, однако редко контактировал с самими заключенными.

Одной из ключевых фигур в Треблинке стал 28-летний унтерштурмфюрер Курт Франц, которого многие узники и считали комендантом. Выходец из Дюссельдорфа, он в молодости учился на мясника, а затем на повара. После нескольких неудачных экзаменов пошел на службу в СС. Будучи участником программы «Т-4», он работал поваром в центрах эвтаназии, весной 1942 г. его перевели в Белжец на аналогичную работу. Здесь он получил звание обершарфюрера СС и прошел караульную подготовку. В конце августа 1942 г. одним из первых был переведен К. Виртом в Треблинку, где сначала возглавлял вахманов, а затем стал заместителем коменданта, занимая должность, по функционалу аналогичную шуцхафтлагерфюреру в обычных концлагерях СС. К. Франц ежедневно находился на территории лагеря, руководя работой всего персонала. За красивое лицо, лишённое каких-либо эмоций, он получил от заключенных прозвище Лялька, или Кукла. Отличался крайней жестокостью и садистскими наклонностями. Известность получила его собака Барри, которая по приказу набрасывалась на заключенных. Как свидетельствовал А. Гольдфарб, «он любил в нашем присутствии, натравливая собаку на кого-либо из нас, покрикивать: “Человек, куси собаку”. Человеком он считал в этом случае собаку»³⁴. Схожие свидетельства оставил и другой узник – М. Коритницкий: «Верным и постоянным спутником Курта была преогромнейшая собака по имени “Бари”. Собака эта, видимо, прошла длительную школу дрессировки. Стоило Курту указать на кого-либо из работающих пальцем и сказать при этом: “Он не хочет работать”, как собака подбегала к этому человеку и норовила всегда ухватить за половой орган. Это всегда заканчивалось тем, что израненного человека относят в амбулаторию, а затем истребляют»³⁵.

³² Ланцман К. Указ. соч. С. 95–96.

³³ Здесь и далее при цитировании воспоминаний, опубликованных в настоящем издании, указывается только номер страницы. Ссылки на свидетельские показания приводятся по архивным документам.

³⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 35 об.

³⁵ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 57 об. – 58.

Всего в «СС-зондеркоманде Треблинка» служили несколько десятков эсэсовцев. Во главе «лазарета» (так называлось в лагере место для расстрелов; подробнее см. ниже) был поставлен 38-летний унтершарфюрер Вилли Ментц. Член НСДАП с 1932 г., бывший полицейский и участник программы «Т-4», он был назначен на эту должность лично К. Виртом, который собственноручно показывал, как расстреливать узников. Начальником «нижнего лагеря» стал 35-летний обершарфюрер СС (под другим данным – гауптшарфюрер) Фриц Кюттнер. Член нацистской партии с 1932 г. и бывший тюремный надзиратель, он запомнился жестокостью по отношению к узникам. Зону уничтожения возглавил 41-летний шарфюрер СС Генрих Маттес. Бывший медбрат, член партии с 1937 г. и участник программы «Т-4», он был переведен в Треблинку с советско-германского фронта. Его фактическим заместителем и руководителем работы крематориев был 34-летний шарфюрер СС Карл Пётцингер, также обладавший опытом убийства «физически неполноценных» людей. Должность штабшарфюрера СС (старший унтер-офицер, занимающийся преимущественно административной работой) сохранил 45-летний унтершарфюрер СС Отто Штади, бывший военный медик, ветеран Первой мировой и программы «Т-4». Как мы видим, все они были людьми среднего возраста (за исключением К. Франца), без высшего образования, убежденные нацисты, с предыдущим опытом выполнения «грязной работы» и в большинстве своем еще до войны служившие в силовых структурах. Для всех из них служба у нацистов стала социальным лифтом³⁶.

Кроме того, при К. Вирте был отлажен конвейерный процесс приема и уничтожения узников, который принципиально не менялся до конца существования лагеря. Эшелон, обычно состоявший из 60 вагонов (до 200 узников в каждом), прибывал на станцию Треблинка. От него последовательно отцепляли по 20 вагонов, и специальный локомотив отвозил их непосредственно в лагерь смерти. Остальные оставались на станции; на рампе и на крышах вагонов стояли вахманы, готовые стрелять в каждого, кто попытался бы бежать. Для приема заключенных построили некое подобие станции: перрон (рампа) и барак для раздевания, который мог восприниматься как станционное здание. Охранники-вахманы, сопровождавшие эшелон, как правило, не допускались внутрь. Точно так же и толкавший вагоны локомотив находился в конце эшелона, так что по прибытии машинист оставался за пределами лагеря.

Непосредственно на рампе находились не только эсэсовцы (примерно 3–5 человек) с вахманами (около десятка), но и бригада евреев-заключенных с синими повязками («синие»). Они организовывали разгрузку. Всех обреченных выгоняли из вагонов и отправляли на открытую площадку, где заставляли оставлять все вещи, включая одежду. Все делалось максимально быстро, чтобы никто не мог опомниться. Измученные тяжелым переездом, страдавшие от голода, жажды и неизвестности депортируемые оказывались в совершенно новой ситуации. Как вспоминал позднее Ф. Сухомель, «с момента приезда или даже с момента отправки – из Варшавы и других мест – людей постоянно били. Били сильно – сильнее, чем в Треблинке, я вам ручаюсь. Потом – транспортировка в поезде: всю дорогу – на ногах, никакой гигиены, ни воды, ничего, кошмар. Потом открывались двери и начиналось! <...> Снова гонка. Град ударов кнутом. У эсэсовца Кюттнера был кнут величиной с него самого, не меньше! Женщины налево! Мужчины направо! Удары снова и снова!»³⁷

³⁶ Как писал социолог М. Манн, изучавший облик нацистских преступников, «собранные данные еще раз подтверждают изначальный тезис: люди, совершившие бесчеловечные преступления, вышли из социальных слоев, поддерживавших нацизм. Лишь немногие пришли из сельского хозяйства и промышленности. <...> В значительно большем количестве пополняли ряды работники строительной промышленности, сферы обслуживания и государственные служащие. <...> Самыми беспощадными военными преступниками среди лагерной охраны и полиции безопасности были этнические немцы, жившие на аннексированных территориях и в угрожаемых приграничных зонах. <...> Многие преступники сформировали свои взгляды в институциональных и профессиональных субкультурах, где полицейское насилие, дискриминационные законы, расовый отбор считались панацеей от всех болезней общества задолго до геноцида». Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М., 2016. С. 424–425.

³⁷ Ланцман К. Указ. соч. С. 208–209.

Старики, дети и больные евреи могли замедлять общее движение, а потому для них был устроен «лазарет»: специальная команда евреев, носившая повязки с красным крестом, отводила или относила их по направлению к забору из колючей проволоки, замаскированной ветвями деревьев, с развевающимся флагом Красного Креста. Обреченных проводили по извилистому коридору к огромным ямам с горящим внизу костром, ставили или усаживали на длинный помост около склона и убивали выстрелом. Это называлось «дать каждому по пилюле». Здесь же в ямах одновременно сжигали разный мусор, а также убивали обслуживавших лагерь евреев. Для улучшения горения трупы поливали бензином. В итоге костры горели чуть ли не постоянно. Расстрел производили либо дежурившие вахманы, либо ответственные за «лазарет» нацисты – его начальник В. Ментц (прозванный Франкенштейном), сменивший его позднее шарфюрер Аугуст Мите (имел кличку Ангел смерти), а также унтершарфюрер Макс Мёллер (Американец).

Основную же массу депортируемых ждали газовые камеры. От женских бараков начиналась дорога в газовые камеры, так называемая «дорога на небеса», или трубка (Schlauch). Последняя метафора, вошедшая в язык эсэсовцев, была неслучайной, поскольку этот путь был огорожен 2-метровым забором из колючей проволоки. Вплетенные хвойные ветки не позволяли обреченным ничего видеть за ним. Общая длина пути составляла около 350 метров, ширина – 5 метров. На входе стоял указатель «К душевым». Примерно 30 метров узники шли на восток, затем, миновав небольшую группу деревьев и повернув почти что на 90 градусов, выходили к газовым камерам³⁸.

При их строительстве летом 1942 г. был учтен менее удачный опыт деревянных газовых камер Белжеца и Собибора³⁹. В Треблинке это было кирпичное здание, по левой стороне длинного коридора находились специальные комнаты, где и убивали людей. Поскольку свидетели не имели возможности точно измерить их, то показания относительно размеров различаются: например, Р. Глацар и Я. Верник говорили, что камеры были 5 × 5 метров и примерно 2 метра высотой, а вахман Н. Шалаев называл размер 4 × 4 метра⁴⁰. Двери герметично закрывались. В конце здания располагалось специальное машинное отделение – мотор от советского танка. Он же использовался и для освещения. Его запускали служившие здесь вахманы. По трубам газ подавался внутрь камер. Требовалось минут 20–30, чтобы узники умерли. В каждой камере были две двери. Через одну запускали еще живых людей, через другую, открывавшуюся снизу вверх и располагавшуюся с внешней стороны здания, вытаскивали трупы. Их хоронили в специально вырытой яме. Для утрамбовки использовался бульдозер. Как вспоминал А. Гольдфарб, привлекавшийся к разгрузке трупов, «каждая из этих камер была исключительно плотно загромождена трупами. Как в самих камерах, так и от трупов отдавало запахом отработанных газов от горючей смеси. Из ноздрей у большей части были заметны следы обильных кровавых выделений»⁴¹.

С процессом уничтожения связано еще одно нововведение К. Вирта и нового коменданта Ф. Штангля. Ввиду нехватки мощностей последовал приказ построить новые газовые камеры, которые были закончены к концу сентября. Их устройством занимались заключенные-евреи под руководством унтершарфюрера Эрвина Ламберта и прибывшего вместе с К. Виртом гауптшарфюрера Лоренца Хакенхольта. Стоит отметить, что в это время депортации также продолжались, а потому, как свидетельствовал Я. Верник, обреченные на смерть шли в газовые камеры на глазах строительной бригады. Более того, порой ее членов привлекали и к переноске трупов в ямы (с. 160–171).

---

³⁸ Webb Ch., Chocholaty M. Op. cit. P. 25.

³⁹ Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Op. cit. P. 295.

⁴⁰ Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Op. cit. P. 295, 296.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 31 об.

Новое массивное одноэтажное кирпичное здание располагалось в нескольких десятках метров от старого. Внутри в центре находился коридор, освещавшийся через окна в крыше; по обе стороны располагались газовые камеры с цементным полом, оштукатуренными стенами и, как свидетельствовал А. Гольдфарб, специальным окном сверху для выхода газа. Новые газовые камеры были большего размера, однако ввиду объективных причин узники приводили разные цифры, например, А. Гольдфарб свидетельствовал о том, что каждая газовая камера была 6 × 6 метров и 2 метра высотой, Я. Верник – 5 × 5 метров и 1,9 метра высотой (с. 167), а другой узник, Х. Райхман, – 7 × 7 метров⁴². По сравнению со старыми газовыми камерами их пропускная способность увеличилась. Как издевка на крыше здания при входе располагалась массивная Звезда Давида, выполненная из дерева⁴³. Входная дверь внутрь здания представляла собой тяжелый темно-красный занавес, взятый из какой-то синагоги, с надписью на иврите «Это врата, через которые должны пройти все праведники»⁴⁴. Как свидетельствовал А. Гольдфарб, «вход в само здание несколько напоминал религиозное учреждение: сверху на крыше установлен знак Давида – шестиконечная звезда, по бокам своеобразный алтарь. Все это было украшено цветами. Так что с внешней стороны никто не мог бы догадаться, что это столь заманчивое учреждение – душегубка»⁴⁵.

Свидетельские показания о количестве новых газовых камер расходятся, одни говорили, что с каждой стороны было по 3 камеры (Э. Ламберт), другие – по 4 камеры (Ф. Сухомель и Г. Маттес, вахман П. Лелеко), третьи – по 5 камер (вахман Д. Коротких, узники Я. Верник и Э. Розенберг). Различия в показаниях эсэсовцев и вахманов объясняются тем, что многие из них служили в разных лагерях смерти и спустя годы естественным образом путались в числах. В то время как выжившие узники, работавшие при процессе убийства газом, говорили именно о 10 камерах. Согласно послевоенным показаниям Г. Маттеса в каждой камере могли поместиться до 300 человек. Последних вахманы уже заталкивали внутрь. Затем двери закрывались и подавался газ: от мотора он проходил по трубам и попадал в камеру. Примерно за 30 минут все были мертвы. По аналогии с предыдущими газовыми камерами трупы доставались с противоположной стороны. Изначально до ям их отвозили на вагонетках, однако затем стали использовать кожаные ремни, которыми обвязывали трупы, или носилки, их таскали заключенные-евреи из похоронной команды. Перед этим специальная группа евреев осматривала рты убитых в поисках золотых зубов.

Как правило, уничтожение происходило посредством угарного газа от танкового мотора, однако, возможно, первое время его мощностей не хватало обслуживать одновременно все камеры. Происходили определенные сбои, а потому, как писал Я. Верник, «несчастные мучились целыми часами, не погибая. Сам сатана не придумал бы более ужасных мучений» (с. 175). Вероятно, в связи с этим, согласно показаниям А. Гольдфарба, «к зданию срочно подвезли значительное количество хлорной извести. Определенное количество хлорной извести оставляли в смоченном состоянии в камере, которую герметически закрывали. Этот процесс отравления находящихся в камере людей был несравненно более длительным, тем самым более мучительным. 24 часа людей содержали в камерах, и то некоторые иногда оставались живыми»⁴⁶. Этот метод убийств не подтверждается показаниями вахманов или эсэсовцев, однако о нем упоминают и некоторые другие узники.

⁴² *Rajchman Ch.* Treblinka. A Survivor's Memory 1942–1943. London, 2009. P. 57.

⁴³ Эсэсовцы называли здание с газовыми камерами *Judenstaat*, «еврейское государство» (*Kohn S.* The Treblinka Revolt // *The Death Camp Treblinka: A Documentary* / Ed. by Alexander Donat. New York, 1979. P. 228).

⁴⁴ *Webb Ch., Chocholaty M.* Op. cit. P. 56.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 32 об. – 33.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 33 об.

Из гетто – в газовую камеру: террор и ложная надежда

Эсэсовцы делали все, чтобы весь процесс уничтожения сопровождался режимом секретности. Понимая, что информация все равно просачивается, они расставляли те или иные знаки, которые позволяли бы обреченным сохранять иллюзии. Весьма искусно комбинируя террор и ложную надежду, нацисты организовывали методичные депортации, параллельно обвиняя евреев в том, что, дескать, те сами идут на собственное заклятие.

Депортации, как правило, начинались с облав и насилия, однако параллельно людям говорили, что они отправляются жить в трудовое поселение на Украине. Если польских и советских евреев доставляли в товарных вагонах, то депортируемых из стран Западной Европы – в комфортабельных поездах с билетами на руках. Насколько люди осознавали свою участь – сложный вопрос. Например, уже 23 июля 1942 г., т. е. в день прибытия первого эшелона из Варшавского гетто, покончил с собой глава юденрата Адам Черняков. Он хорошо понимал, что именно означает «эвакуация на восток», а потому предпочел расстаться с жизнью, нежели содействовать нацистам в истреблении своего народа.

Достаточно быстро до Варшавы дошли слухи о том, что творится в Треблинке. Для их проверки в августе по заданию Бунда за одним из поездов последовал подросток Залман Фридрих: он добрался до Соколув-Подляски, где от железнодорожных рабочих узнал, что здесь путь раздваивается и одна ветка ведет к Треблинке. Наблюдая за движением составов с депортируемыми, Залман обратил внимание, что обратно они возвращаются пустыми, причем никакого подвоза продовольствия не осуществляется. Вскоре на рыночной площади он столкнулся с двумя бежавшими из Треблинки евреями, которые подтвердили наихудшие опасения⁴⁷. Позднее в Варшаве ходили слухи, будто из евреев здесь делают мыло и удобрение⁴⁸. Регулярность депортаций в Треблинку привела к активизации подполья Варшавского гетто и появлению тех структур, которые в дальнейшем, в апреле 1943 г., подняли восстание. При его подготовке также использовались отсылки к тому, что творилось в этом центре уничтожения. Так, в январе 1943 г. подпольная Еврейская боевая организация выпустила прокламацию, обращенную к обитателям Варшавского гетто и призывавшую к восстанию. Начиналась она со слов, что в Треблинке за полгода были уничтожены 300 тыс. евреев⁴⁹. Точно так же слухи об этом месте уничтожения распространялись и в других гетто, особенно в тех, которые находились поблизости. Так, историк М. Дин утверждает, что благодаря этим рассказам уже в сентябре 1942 г. при ликвидации гетто в деревне Сточек-Венгровский многие его обитатели спрятались и сумели избежать гибели⁵⁰.

Перевозка в переполненных товарных вагонах была подлинным испытанием. Жара, толкучка, невозможность даже присесть, спертый воздух, жажда – вот типичные описания происходящего. Сопровождавшие поезда вахманы могли беспричинно стрелять по вагонам, что уж говорить о расстрелах тех, кто пытался высунуться или пролезть в небольшое окошечко, заделанное колючей проволокой. Далеко не все доживали до Треблинки, а воля прибывших зачастую была подавлена. Случались и совершенно дикие истории. Например, Г. Марчинякувна передавала рассказ еврейки Чеси из Варшавы: «Воды трое суток им ни разу не давали. Оправлялись там, в вагоне. Дети умирали. Одного умершего ребенка пришлось после особого разрешения немцев выбросить на ходу из вагона. Чеся дошла из-за отсутствия воды до такого состо-

---

⁴⁷ Webb Ch., Chocholaty M. Op. cit. P. 181.

⁴⁸ Фэрридер Д. Добровольный узник. М., 2021. С. 228.

⁴⁹ Bartrop R. Resisting the Holocaust. Upstanders, Partisans, and Survivors. Santa-Barbara, 2016. P. 366.

⁵⁰ Dean M. Editor's introduction // Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. 2. Part A. Bloomington, Indianapolis, 2012. P. XLV.

яния иступления, что перегрызла сама кровеносный сосуд и пила свою кровь»⁵¹. Иногда за водой пытались отправить детей: они могли протиснуться через маленькое окошко в вагонах. А. Гольдфарб, прибывший в составе эшелона из Менджице на станцию Треблинка 18 августа 1942 г., свидетельствовал, что одному мальчику таким образом удалось принести воды, однако во время второй ходки его застрелили⁵². Для экипажей поездов, как правило, поляков, также не было секретом, кого и для чего они перевозят. Машинист Хенрик Гавковски в интервью К. Ланцману вспоминал, что крики людей были хорошо слышны, это производило удручающее впечатление, а потому в качестве бонуса немцы выдавали машинистам водку⁵³.

Показания станционных рабочих Л. Пухавы и Ф. Зомбецкого ярким образом свидетельствуют, что депортации не проходили гладко. Кто-то, особенно в первое время, сохранял иллюзии и даже пытался спросить у поляков, где находится то ли город, то ли колония Треблинка. Однако в дальнейшем евреи из Польши, как правило, знали, что их ожидает, в то время как депортируемые из Западной Европы пребывали в неведении. Как рассказывал Л. Пухава, «из других же стран, по всему было видно, люди не знали о том, что им предстоит. <...> Можно было даже видеть, как вагон занимает лишь одна семья. Это было, правда, очень редко, немцы этим достигали определенной цели: давали возможность увозить с собой побольше вещей, которые впоследствии отбирались в лагере»⁵⁴. Те, кто понимал, что их ожидает, пытались бежать: выламывать окна и доски вагона, выпрыгивая на ходу.

Сохранились истории и о попытках массовых побегов из эшелонов. Одну из них приводил Ф. Зомбецкий: «В августе или в сентябре 1942 года эшелон с прибывшими людьми прибыл на ст[анцию] Треблинка. Прибыл вечером, и лагерь этот эшелон не принимал до утра следующего дня. Ночью заключенные в нескольких вагонах разорвали проволоку, которой были запутаны окна в вагонах, и пытались бежать, но пьяные вахманы открыли стрельбу и многих убили. Все пути железной дороги станции были завалены трупами. На другой день потребовалось три платформы, чтобы увезти эти трупы»⁵⁵. О попытке массового бегства из эшелона, перевозящего евреев с оккупированных территорий СССР, в июле 1943 г. рассказывал другой местный житель – К. Скаржинский: «Из всех вагонов были слышны душераздирающие крики “Воды!”». Население деревни пыталось передать воду, но вахманы открыли стрельбу. В это время находившиеся в вагонах люди – мужчины, женщины и дети – стали ломать стены вагонов и выпрыгивать из вагонов. Вахманы подняли страшную стрельбу по беззащитным, умирающим от жажды людям. 100 человек было в тот день убито. Из вагонов, кроме того, выбросили 4 трупа детей, умерших от удушья, потому что никаких следов огнестрельного ранения не было. <...> В нашем селе все 100 убитых евреев были похоронены местным населением дер[евни] Вулька. Я тоже принимал участие в похоронах»⁵⁶. Те, кому удавалось бежать по мере следования эшелона, могли выжить только при поддержке местного населения, в то время как польские крестьяне нередко передавали польской полиции или немцам бежавших евреев⁵⁷.

Естественно, что по прибытии в лагерь многие обреченные, особенно из числа польских евреев, уже расставались с иллюзиями. Как вспоминал А. Бомба, «некоторые в толпе понимали, что происходит, предчувствовали, что их не оставят в живых. Они пятились, отступали

⁵¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 45 об.

⁵² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 28–37.

⁵³ Webb Ch., *Chocholaty M.* Op. cit. P. 186.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 95, 96.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 82 об. – 83.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 103 об. – 104.

⁵⁷ См., напр.: Engelking B. *Murdering and Denouncing Jews in the Polish Countryside, 1942–1945* // *East European Politics and Societies*. 2011. Vol. 25. № 3. P. 433–456. Среди прочего она приводит случай, когда поляк в первой половине 1943 г. задержал молодую женщину, бежавшую с поезда в Треблинку. Он передал ее в руки немцев, и она была расстреляна. На суде в 1951 г. он заявил, будто не видел ничего плохого в своем поступке, поскольку якобы не мог предугадать таких последствий. Суд оправдал его.

назад, отказывались идти дальше: они уже знали, куда их ведут, что находится за теми большими воротами. Слезы, крики, вопли. То, что там происходило, не описать словами... Их мольбы и крики стояли у меня в ушах днем и ночью, не выходили из головы»⁵⁸. С. Райзман, прибывший в Треблинку в конце сентября 1942 г., позднее свидетельствовал, что только ее первый вид не оставлял никаких надежд: «Уже тогда для всех нас создавшаяся ситуация стала ясной. Горы личных вещей у барачников, непрерывающийся гул экскаватора, трупный тяжелый запах, исходящий из другой части лагеря, – все это говорило с достаточной убедительностью об одном: нам предстоит умереть. Каждого из нас одолевало одно желание: умереть как можно быстрее»⁵⁹.

Однако необходимость поддержания порядка заставляла нацистов продолжать прибегать к смеси жестокости и иллюзий, причем последних было достаточно для того, чтобы те, кто хотел обмануться, мог сделать это. Евреям, встречавшим обреченных, запрещалось говорить о конечном предназначении лагеря, причем их присутствие вселяло надежду на относительно благополучный исход. Как отмечалось выше, «лазарет» и обслуживавшие его евреи были отмечены знаками Красного Креста. С депортированными из Западной Европы нацисты могли проявлять и определенную вежливость.

Постепенно расширялся комплекс имитаций, которые должны были давать ложную надежду. При раздевании деньги и драгоценности предлагалось сдавать в специальную кассу. Я. Ц. Домб, депортированный в конце сентября, вспоминал, что «посреди площадки был колодезь, а за ним стоял большой широкий щит, на котором было написано: “Варшавяне, идите до бани. Получите новое белье, приготовьте документы, деньги и ценности и сдайте их в кассу. После бани вы их получите назад”»⁶⁰. В декабре 1942 г. – январе 1943 г. по приказу Ф. Штангля была преобразована рампа, ставшая теперь напоминать фальшивую станцию. Пространство было размечено различными указателями: «Станция получила название “Obermeidan” (“Обермайдан”). Были вывешены транспаранты “Белосток”, “Волковыск”, демонстрируя тем самым транзитный характер станции Обермайдан. Кроме того, была вывеска “Касса”, над ней укреплены типичные станционные часы. Все это было бутафорией. Никакого отношения ни к Белостоку, ни к Волковыску эта станция не имела. Касса бездействовала»⁶¹, – таким образом описывал новый вид станции М. Коритницкий.

Естественно, все это воздействовало исключительно в условиях спешки, когда депортируемые не имели времени и сил четко осознать происходящее. Поверхностной имитации оказывалось достаточно для тех, кто хотел обмануться. Причем по мере продвижения к газовой камере террор в отношении обреченных нарастал. Т. Гринберг в показаниях сентября 1944 г. весьма подробно свидетельствовал об этом: «Во время раздевания СС-овец унтершарфюрер Сухомель торопил людей, говоря, что в бане вода остынет, при этом говоря, что мыло и полотенца выдадут в бане. Когда люди разделлись, их группу в пять-шесть тысяч от раздевалок по коридору гнали к “бане”. И если в момент раздевания вахманы, подгоняя людей, избивали их плетками, то в момент, когда гнали людей в “баню”, начинались настоящие зверства. Вдоль проволочного коридора, ведущего к бане, стояли вахманы-украинцы с плетками в руках и беспощадно избивали женщин, детей и мужчин, проходивших мимо, и в этот момент над лагерем разносились непрерывные крики и плач женщин и детей, которые, обезумев от страха и боли, сами бежали в “баню”, не зная, что их там ждет»⁶². Голых людей подвергали осмотрам в поисках спрятанных драгоценностей, а у входа в газовые камеры вахманы могли проявлять уже откоро-

---

⁵⁸ Ланцман К. Указ. соч. С. 74.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 80–80 об.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 73 об.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 55 об.

⁶² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 68–68 об.

венный садизм. А. Гольдфарб рассказывал об операторе танкового мотора Иване Марченко, отличавшемся особой жестокостью: «Когда я был занят переноской трупов из камер к яме, предстала страшная картина изуверченных людей. Кроме того, что люди отравлялись в этих камерах газами, у многих из них оказались отрезанными уши, носы, другие органы и тела, у женщин – груди. Так утонченный способ отравления газами дополнялся физическими предсмертными мучениями из-за наносимого им членовредительства»⁶³.

Практически на каждом этапе депортаций (организация групп для отправки, выгрузка на станции, раздевание, вход в газовые камеры, утилизация трупов) нацисты задействовали евреев, что не просто было вынужденной технической мерой, но и имело в глазах эсэсовцев особый извращенный смысл, представляя прямым доказательством того, что они, евреи, действительно принадлежат к «низшей расе», раз убивают соплеменников. Я. Верник пересказывал слова К. Франца: «Искусством немцев, говорит он, является то, что они в состоянии владеть собой в любой ситуации. Потому немцы так руководят выселением, что евреи сами набиваются в вагоны, не представляя, что их ожидает» (с. 164).

Описывая процесс депортаций и уничтожения евреев, мы не должны забывать, что этот поток не был стабилен все время существования Треблинки. Именно из-за того, что выжившие узники экстраполировали данные периода максимальной «загрузки» на все время существования лагеря смерти, уже осенью 1944 г. в советских документах шла речь о якобы 3 млн уничтоженных евреев. В действительности пик депортаций пришелся на 1942 г. Согласно телеграмме Г. Хёфле, отправленной 11 января 1943 г. штаурбаннфюреру СС А. Эйхману в Берлин, всего за 1942 г. в четырех лагерях смерти – Белжец, Собибор, Треблинка и Майданек – были убиты 1 274 166 евреев. Из них 713 555 пришлось на Треблинку (435,5 тыс. – на Белжец, чуть более 101,3 тыс. – на Собибор, а также 24,7 тыс. – на Майданек)⁶⁴. Эта телеграмма, перехваченная британцами и обнаруженная лишь в начале 2000-х гг., подтвердила более ранние оценки историков, сделанные на основе альтернативных источников – документов Германской имперской железной дороги, *Reichsbahn*, и ее подразделения в Генерал-губернаторстве – *Ostbahn*. Также альтернативную регистрацию эшелонов вел Ф. Зомбецкий, участник польского националистического подполья, который работал на станции Треблинка все время существования этих лагерей. Однако к точности его показаний стоит относиться с долей сомнения: после освобождения этих мест Красной армией он, как и некоторые узники, говорил про 3 млн убитых, а в послевоенные годы – про 1,2 млн.

Тем самым не будет преувеличением сказать, что в 1942 г. именно Треблинка была ключевым местом уничтожения евреев. Как уже отмечалось выше, изначально сюда отправлялись евреи из Варшавского гетто. К 22 сентября, т. е. к моменту завершения первой массовой «акции по переселению», здесь были уничтожены до 320 тыс. человек. В первые три недели существования лагеря ежедневно сюда привозили от 5 тыс. до 7,5 тыс. обреченных на смерть. С 5 августа начались депортации из округа Радом, с 19 августа – из других частей Генерал-губернаторства. С 29 августа по 2 сентября ввиду реорганизации депортации были временно прекращены, а потом возобновлены с новым размахом. Впрочем, ежедневное количество опять колебалось: например, 6 сентября привезли 13,5 тыс. евреев из Варшавского гетто, а 12 сентября – «всего» 4,8 тыс. С сентября начались депортации из Ченстоховского гетто, с ноября прибывали поезда из Белостока, Гродно, Друсининская и других территорий Генерал-губернаторства. В октябре в Треблинку направляли эшелоны из Терезиенштадтского гетто, где содержались в основном чешские и немецкие евреи. В середине и конце октября несколько составов прибыли из восточных районов Третьего рейха.

---

⁶³ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 232 – 32 об.

⁶⁴ Witte P., Tyas S. Op. cit. P. 470.

Однако с середины декабря 1942 г. депортации примерно на месяц оказались остановлены. Из-за сложной ситуации под Сталинградом немецкое военное командование нуждалось в дополнительных железных дорогах и вагонах. Узнав об этом заранее, Г. Гиммлер добился от ОКВ и министерства транспорта предоставления нескольких поездов, которые позволили бы продолжить уничтожение евреев. Так, во второй половине декабря 1942 г. в Треблинку прибыли 10 тыс. обреченных⁶⁵. В 1943 г. она уже не знала столь массовых депортаций. 18 января началась «вторая акция» по уничтожению Варшавского гетто, однако из-за оказанного сопротивления вывезти удалось только до 8 тыс. евреев. В феврале прибыли несколько эшелонов из Белостокского и Гродненского гетто. В марте стали привозить евреев с территорий, оккупированных германскими и болгарскими войсками (собственно болгарские евреи не были переданы в руки нацистов), а также из некоторых территорий бывшей Польши. В апреле – из Варшавского и Венгровского гетто.

Таким образом, постепенно Треблинка уступила свое место в «лидерстве» среди «фабрик смерти». Изначально это являлось отголоском событий под Сталинградом, затем – в самой Варшаве. По мере «окончательного решения еврейского вопроса» на территории Генерал-губернаторства количество обреченных на смерть уменьшалось, а в ряде случаев оставшихся было экономичнее отправлять в другие центры уничтожения. Так, например, в Майданеке пик депортаций пришелся на весну – начало лета 1943 г. ввиду массовых акций в округе Замосць. По мере сворачивания «Операции Рейнхард» увеличивалась и роль Аушвица как центра уничтожения. Его комендант Р. Хёсс постепенно выигрывал у О. Глобачника право именоваться «главным палачом». Более того, победы Красной Армии требовали от Германии мобилизации трудовых ресурсов, а потому нацисты не могли позволить себе столь активно расточать «полезных евреев», как раньше.

В итоге общее количество убитых сложно подсчитать. Первоначально со слов узников говорилось про 3 млн убитых, что явно преувеличено. Польский судья Здислав Лукашкевич, сразу после войны изучавший тему лагерей смерти, писал, что жертв было не меньше 780 тыс. В приговоре Дюссельдорфского процесса 1965 г. упоминалось о минимум 700 тыс. убитых⁶⁶. Современные подсчеты также ориентировочны, однако часто встречается цифра от 850 тыс. (М. Гилберт и И. Арад) до 870 тыс. (Музей Яд Вашем) и 925 тыс. (Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне)⁶⁷. Непосредственно на территории Музея Треблинка указывается, что здесь были убиты не менее 800 тыс.⁶⁸ Среди жертв лагеря, имевших известность, можно назвать педагога Януша Корчака⁶⁹ со своими воспитанниками, сестер основателя психоанализа Зигмунда Фрейда⁷⁰, музыканта Симона Пульмана, дочь изобретателя эсперанто Софью Заменгоф, возлюбленную молодого А. П. Чехова Евдокию Эфрос. Среди прочих убитых были известный публицист и член сопротивления Мотя Добин, польско-еврейская поэтесса Францишка Арнштайнова, еврейский религиозный философ Гилель Цейтлин, поэт и издатель Арон Любошицкий, сотрудник Я. Корчака Стефания Вильчинская.

Обратим внимание, что, хотя лагерь смерти Треблинка и создавался для уничтожения евреев, те не были единственной этнической группой. Считается, что здесь были также убиты

⁶⁵ Witte P., Tyas S. Op. cit. P. 472–473.

⁶⁶ Treblinka-Prozess – Urteil. LG Dusseldorf vom 3.9.1965, 8 I Ks 2/64 // Pratique de l'Histoire et Devoiements Negationnistes. URL: <https://phdn.org/archives/holocaust-history.org/german-trials/treblinka-urteil> (дата обращения: 17.11.2020).

⁶⁷ Treblinka // Holocaust Encyclopedia. The US Holocaust Memorial Museum. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/treblinka> (дата обращения: 04.11.2020).

⁶⁸ Treblinka II – Number of victims // Museum Treblinka. URL: <https://muzeumtreblinka.eu/en/informacje/number-of-victims/> (дата обращения: 04.11.2020).

⁶⁹ Его образ вынесен на обложку настоящего издания.

⁷⁰ Tögel C. Bahnstation Treblinka. Zum Schicksal von Sigmund Freuds Schwester Rosa Graf // Freud-Biographik. URL: <http://www.freud-biographik.de/trebl.htm> (дата обращения: 04.11.2020).

до 2 тыс. цыган, включая выходцев из Бессарабии. Они уничтожались в газовых камерах наравне с остальными⁷¹.

Утилизация трупов

Одновременно возможность неудачного течения войны требовала от нацистов мер по сокрытию преступлений. Еще летом 1942 г. началась «акция 1005», в ходе которой места массовых расстрелов раскапывались, а трупы сжигались. Теперь реализация этих мер интенсифицировалась. Обратим внимание, что лагерь смерти Белжец был закрыт в середине декабря 1942 г., поскольку после уничтожения не менее 440 тыс. человек здесь не осталось места для захоронений. Еще полгода ушло на утилизацию трупов. В Треблинке к этому же времени, как указывалось выше, были убиты и погребены более 700 тыс. евреев, т. е. почти в 2 раза больше. По мере захоронения в специальных ямах трупы обливались хлорированной известью, однако это не могло предотвратить ни разложения, ни ужасного запаха. С. Вилленберг приводил рассказ заключенных «зондеркоммандо»⁷²: «Между слоями трупов – хлор. Спустя некоторое время он вызывает брожение, и через верхние слои газ выходит наружу. Эсэсовцы веселятся, посылая заключенных во рвы, где те тонут в разложившемся мясе» (с. 235). Ужасающий трупный запах стоял не только во всем лагере, но и в округе. Дошло до того, что в конце октября он вызвал беспокойство даже у военной комендатуры г. Остров, в 20 км от Треблинка. Военные докладывали, что трупы евреев захоронены не должным образом⁷³.

Согласно свидетельству М. Коритницкого процесс сжигания начался уже в конце ноября 1942 г., однако, видимо, речь шла о недавно убитых. Я. Верник утверждал, что выкапывание «старых трупов» началось в первые месяцы 1943 г. С. Вилленберг связывал это непосредственно с последствиями мартовского визита в Треблинку высокопоставленного нациста, принятого за Г. Гиммлера (возможно, это был А. Эйхман). Изначально в специально вырытой яме были установлены рельсы, на которые выкладывали трупы. Они сжигались с помощью дров, бензина и специальных мехов, позволявших подавать воздух. Однако такая технология была малоэффективной. Тогда, по свидетельству Я. Верника, решили прибегнуть к методу соревнования между группами заключенных, занимающихся утилизацией тел: «На специальных табличках ежедневно записывали количество сожженных. Но результаты все же были неважные. Трупы обливались бензином и сжигались. Это стоило дорого, а результат был слабый. Мужчины почти не горели. <...> Это было ужасное зрелище. Самое ужасное, что человеческие глаза когда-либо видели. Когда сжигали беременных женщин, то живот лопался, ребенок вываливался и таким образом горел на трупе матери» (с. 182–183).

Подобные соревнования также мало помогали делу, поэтому основной способ избавления от трупов оказался следующим: решили сжигать на поверхности земли, дабы обеспечить поступление кислорода. На специальных бетонированных столбах крепили железные рельсы, получалась металлическая решетка. Сверху клали трупы, причем женщин и детей старались поместить сбоку или сверху, так как они горели лучше. А. Гольдфарб свидетельствовал, что «таких печей после его отъезда на моих глазах выстроили 5 больших и одну маленькую. Располагали их у ям»⁷⁴. Для раскопки ям использовался специальный экскаватор. Эта картина не ускользнула от глаз обитателей «нижнего лагеря». Как вспоминал С. Вилленберг, «по всему лагерю стал распространяться смрад от гниющих и горящих трупов; бульдозер не прекращал

---

⁷¹ Webb Ch., Chocholaty M. Op. cit. P. 192–193. Также описание убийства цыган см. у Я. Верника, с. 180, 194.

⁷² Здесь и далее вслед за П. М. Поляном мы используем именно такое написание – «зондеркоммандо» – при обращении к узникам, которые обслуживали собственно крематории. Его аргументацию см.: Полян П. М. Указ. соч. С. 6, 46–47.

⁷³ Muehlenkamp R. A document that forced Mattogno to claim «forgery» // Holocaust Controversies. 2016. 27 Jan. <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2016/01/a-document-that-forced-mattogno-to.html> (дата обращения: 04.11.2020).

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 35.

работу, мы видели части человеческих тел, летевших в воздухе. Из зубов бульдозера⁷⁵ свисали струны, которые на самом деле были кишками человеческих тел» (с. 298). После утилизации ¾ захоронений, по словам Я. Верника, нацисты устроили праздник: «Ковш экскаватора, выкапывающего наших братьев, перестал работать, его перевернули и подняли вверх, теперь он выглядел как башня, которая гордо стремится в небо. Они стреляли в воздух, после чего началось пиршество. Пили, шутили, забавлялись. Нам тоже кое-что досталось – несколько дней отдыха» (с. 195).

Естественно, весь этот процесс заметания следов был хорошо виден местным жителям. Так, заключенный трудовой Треблинка Ю. Лукашек свидетельствовал: «Наш лагерь находился в двух километрах от еврейского, тем не менее запах был невыносим»⁷⁶. Узник В. Шейнберг подтверждал: «Над лагерем почти в течение года стояли столбы черного дыма. Ночью зарево печей было видно за десятки километров. Кругом стоял невыносимый запах горелого мяса и запах разложившихся трупов, который шел от могил при их раскопке». А местный житель К. Скаржинский вообще заявлял, что при сильном ветре запах гари можно было почувствовать и за 30 км⁷⁷.

Для утилизации пепла с весны 1943 г. и далее в течение года регулярно привлекались местные жители, которые рассыпали его по полям, а также по дороге, идущей в трудовой лагерь Треблинка. Как вспоминал К. Скаржинский, «зола эта, по рассказам заключенных евреев, подвозилась от печей к ограде лагеря на вагонах и здесь сбрасывалась. Крестьяне, в числе которых был и я, развозили и разбрасывали золу по шоссеной дороге <...> Зола бросалась на мощеное шоссе, соединяющее лагеря № 1 и № 2 (3 километра). Затем железными катками перемалывали и накатывали. Крупные куски шлака, где были заметны человеческие кости, зарывали в землю. Попадали[сь] золотые зубы, золотые доллары, монеты царской чеканки, бриллианты, которые вахманы, разгребая пепел, добывали себе»⁷⁸.

Экономика лагеря смерти: «мир охраны» и «мир заключенных»

Уничтожение евреев не являлось единственной задачей Треблинка, поскольку нацисты были заинтересованы не только в их убийстве, но и ограблении. Соответственно, все вещи, остававшиеся от депортируемых, надлежало привести в порядок, отсортировать и загрузить в вагоны для отправки либо в Люблин (куда стекалось все награбленное в Треблинке, Белжеце и Собиборе), либо непосредственно в Берлин. Приказ от 26 сентября 1942 г., выпущенный Главным административно-хозяйственным управлением СС, регламентировал порядок ограбления: деньги клались на специальные счета СС в Рейхсбанке; мужская одежда частично передавалась военным, частично – Совету по делам фольксдойче, туда же отдавали женскую одежду (а чистые шелковые вещи надлежало сдавать министерству экономики), различные личные вещи и постельное белье. Очки предназначались медицинским учреждениям⁷⁹. И хотя благодаря тотальной коррупции эсэсовские чины активно наживались на гибели миллионов, выгоду от этого получали десятки, если не сотни тысяч человек (не забудем о распределении среди местных жителей имущества депортируемых).

Преимущественно для реализации этих экономических целей в «нижнем лагере» и находились оставленные временно в живых евреи. Именно на них и были возложены основные труды по обслуживанию Треблинка. Распорядок дня был нормированным и принципиально

⁷⁵ Так в переводе и оригинале мемуаров на иврите. Вероятно, имеется в виду экскаватор.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 26.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 16.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 16.

⁷⁹ Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Op. cit. P. 309.

мало чем отличался от прочих лагерей смерти или концлагерей. В 6 утра подъем, проверка на плацу, завтрак, затем рабочий день с перерывом на обед, вечернее построение, ужин и отбой. На ночь барак закрывался, разрешался только выход в туалет. Впрочем, «завтрак», «обед» и «ужин» имели, скорее, символическое название: утром заключенные получали примерно литр «кофе» (грязной воды), на обед – жидкий суп с неочищенным картофелем (некоторые свидетели говорили, что еще им давали кусок конского мяса), на ужин – тот же суп. На день заключенные могли получать еще и 200 граммов хлеба. В некоторых случаях рацион мог варьироваться. Например, Я. Верник вспоминал, что, работая в конце августа 1942 г. в соседнем лесу, он получал на обед суп, кашу и заплесневевший хлеб (с. 164). Весной 1943 г. во время приемки транспортов из оккупированной Греции заключенным вдобавок выдавали сигареты из личных вещей убитых.

Наилучшее положение занимали так называемые «придворные евреи» (Hofjuden; в Европе Нового времени так называли еврейских финансистов, приближенных к монархам), состоявшие из наиболее квалифицированных работников (плотники, строители, художники и пр.). Они носили желтые нарукавные повязки, жили в отдельном бараке и имели лучшее питание. Наиболее привилегированными были «золотые евреи», ювелиры, занимавшиеся разбором драгоценных вещей. Как правило, «придворные евреи» работали в таких бригадах, как «бригада дорожного строительства» (Strassenbaukommando), «бригада укладки кирпича» (Mauerkommando), «строительная бригада» (Baukommando). Непосредственно высадкой депортируемых занималась «станционная бригада» (Bahnhofskommando), или «синие», как упоминалось выше. На площади приемки работала «транспортная бригада» (Transportkommando), которая помогала депортируемым раздеться и отправиться в сторону газовых камер. Члены этой бригады носили красные нарукавные повязки. Наиболее многочисленной, до 100 человек, была «вещевая бригада» (Lumpenkommando), занимавшаяся сортировкой оставленных на площади приемки вещей. Члены «лесной бригады» (Waldkommando) работали за пределами лагеря. Они обеспечивали древесиной работу кухонь. С начала 1943 г. их численность увеличилась, так как лес был необходим и для сжигания выкопанных трупов. Также в лесу работала «камуфляжная бригада» (Tarnungskommando), которая собирала ветки для ограды. В дальнейшем стали появляться и другие команды и бригады, например, бригада сортировки бутылок и пр. Примерно такой же принцип организации был и в «верхнем лагере». Наиболее крупной была бригада по переноске трупов, которая перетаскивала тела отравленных газом из камер в ямы. Меньше людей работало в специальной команде дантистов: эти евреи осматривали убитых на предмет золотых зубов.

Несомненно, экономика лагеря держалась на сортировке вещей, а также изъятии денег и драгоценностей. О стремлении выжать из убиваемых все ярким образом свидетельствует процедура обривания женщин. Еще 6 августа 1942 г. глава отдела D Главного административно-хозяйственного управления СС Р. Глюкс разослал по всем лагерям указание собирать волосы заключенных, которые затем превращались в промышленный войлок или пряжу для изготовления носков для экипажей подводных лодок или войлочной обуви для служащих железных дорог⁸⁰. Треблинка как один из наи более «производительных» лагерей СС (пусть и не находящийся в непосредственном подчинении отдела D) не осталась в стороне. Стрижкой занималась специальная команда. По свидетельству А. Бомбы, прибывшего в Треблинку в конце сентября 1942 г. и примерно спустя месяц записанного в парикмахеры, дней десять эта работа выполнялась прямо в газовых камерах. Тем самым маскировалось и предназначение этих помещений: женщины должны были думать, будто им предстоит только стрижка. Их уса-

---

⁸⁰ Romanov S. Nazi shrunk heads, human skin lampshades, human soap, textiles from human hair? Sorting out the truth from the legends. // Holocaust Controversies 2017. 12 Nov. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2017/11/nazi-shrunk-heads-human-skin.html> (дата обращения: 04.10.2020).

живали на длинные скамейки, а парикмахеры ножницами срезали волосы. По свидетельству А. Бомбы, на каждую уходило 1–2 минуты⁸¹. В дальнейшем этот процесс был перемещен в барак для раздевания.

Инфраструктура лагеря постоянно совершенствовалась⁸². Так, в «верхнем лагере» она была направлена на то, чтобы обеспечить автономию его работы: осенью 1942 г. южнее газовых камер был построен барак для узников, рядом расположились туалет, прачечная и кухня, включая бараки для работавших там женщин и охраны. Между обеими частями лагеря насыпали высокий земляной вал, окончательно скрывавший «зону уничтожения» от лишних глаз. Затем весной 1943 г. охрану этой зоны еще более усилили. Как свидетельствовал Я. Верник, немцы увеличили количество постов, протянули специальный телефонный провод, а затем руками узников возвели четыре сторожевые вышки наподобие тех, что существовали в Майданеке (с. 186–187). В итоге с весны 1943 г. положение узников, находившихся в этой части Треблинки, стало даже лучше: «Пища в нашем лагере улучшилась. Каждую неделю была баня – и даже давали чистое белье. Потому что привели женщин и устроили прачечную» (с. 188). Равным образом заключенные «зоны уничтожения» пользовались большей свободой. Так, Я. Верник свидетельствовал, что им во время работы даже разрешалось курить.

Эволюция «нижнего лагеря», наоборот, шла в направлении традиционного концлагеря, т. е. ужесточения дисциплины. Во время строительства блокгауза Я. Верник впервые за некоторое время побывал в этой зоне и был удивлен: «Лагерь № 1 я не узнал, когда пришел, – чистота и твердая дисциплина. Все дрожали при появлении немца или украинца. С нами не только не говорили, но и боялись на нас смотреть» (с. 189). Ужесточение порядков С. Вилленберг связывал с приездом «Гиммлера»: именно тогда их переселили в новые, больше похожие на казармы бараки, начали брить волосы, присвоили персональные номера, а комендант Ф. Штангль даже зачитал приказ, согласно которому, как в традиционных концлагерях, вводилась дифференцированная система наказаний за различные виды проступков (с. 293–294).

Попутно обратим внимание, что, судя по сохранившимся свидетельским показаниям и воспоминаниям, на февраль–март пришелся ряд визитов высокопоставленных лиц. Так, заключенные Александр Кудлик и Танхум Гринберг свидетельствовали, что в эти месяцы лагерь посетил рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который прибыл на машинах в сопровождении примерно 20 человек, осмотрел «лазарет» и зону уничтожения, а затем уехал. Сохранившиеся его служебные дневники не позволяют подтвердить эти свидетельства. Вероятно, речь идет об аберрации памяти и узники спутали рейхсфюрера СС с оберштурмбаннфюрером СС А. Эйхманом, который руководил процессом депортации евреев в лагерь смерти. О его визите позднее рассказывал К. Франц, отмечая, что тот побледнел, увидев процесс «газаций»⁸³.

Постепенно инфраструктура «нижнего лагеря» также развивалась. Как отмечалось выше, к началу января здесь построили бутафорскую станцию. Временное весеннее затишье было использовано для дела: появились питомник, дом для охраны, главные ворота (их делала команда во главе с Я. Верником), сад для отдыха эсэсовцев (на специальных скамейках они могли насладиться покоем), а также огород (см. с. 196). Кроме того, в «нижнем лагере» появилась и новая центральная дорога, названная в честь старейшего члена «СС-зондеркоманды Треблинка» – улица Курта Зайделя. Ближе к лету увеличили высоту забора, а также устроили специальные противотанковые заграждения.

На фоне отсутствия новых поездов немцы все больше пытались скрасить свой досуг. Из узников был составлен оркестр, который как играл при утренней и вечерней поверках, так и

⁸¹ Ланцман К. Указ. соч. С. 200.

⁸² Для более наглядного понимания развития лагерной инфраструктуры отсылаем к схемам, составленным в 2004 г. П. Лапондером «Лагерь смерти Треблинка. К октябрю 1942 г.» (<http://www.deathcamps.org/treblinka/pic/bmap11.jpg>) и «Лагерь смерти Треблинка. Август 1943 г.» (<http://www.deathcamps.org/treblinka/pic/bmap9.jpg>).

⁸³ Webb Ch., Chocholaty M. Op. cit. P. 81.

давал отдельные представления. Как писал Я. Верник, «в воскресенья происходили по расписанию “спектакли”, на которые приходили немцы и украинцы. В хорах пели женщины. В состав оркестра входило три музыканта, которых заставляли играть при казнях. Во время движения на работу заставляли петь еврейские песни. Для нового спектакля шили новые костюмы, но спектакля не было – помешал наш заговор и запланированный побег» (с. 192).

Здесь стоит отметить, что, несмотря на близость Треблинки к трудовому лагерю, прямой связи между ними не было. Исключение составляли некоторые случаи. Например, Б. Земкевич, находившаяся в трудовой Треблинке в мае – июле 1943 г., рассказывала о том, как из партии в 1 тыс. евреев отобрали наиболее сильных мужчин для работы и порядка 30 красивых женщин для сексуальных утех, а прочих отправили в лагерь смерти⁸⁴. Об эшелоне узников, предназначенных для отравления газом, вспоминал и Я. Верник (с. 198). Известны и обратные случаи, когда из числа отправленных в лагерь смерти отбирали рабочих для Треблинки I. Среди таковых, например, был Вольф Шейнберг (см. его показания, с. 466–477). В начале сентября 1942 г. его депортировали из Варшавы, но на площади приемки лагеря смерти он случайно встретил знакомого, который указал на то, что сейчас немцы отбирают евреев для трудового лагеря. Поскольку нужны были и повара, то В. Шейнберг смог попасть в эту группу и избежать неминуемой гибели.

В то время как в Треблинке II нарастал конвейер убийств, Треблинка I оставалась традиционным трудовым лагерем, где содержали и поляков, и евреев. Жестокая система террора была направлена на извлечение максимальной для нацистов прибыли из подневольного труда. Так, поляк Люциан Пухава, пробывший здесь 7 месяцев в 1943 г., спустя менее чем год рассказывал, что в лагере «делали мебель, выполняли всякие слесарные, кузнечные, портняжные и прочие работы для германской армии или вывозили продукцию в Германию»⁸⁵. Значимую роль лагерь играл в разборке «трофейного» имущества. Как свидетельствовал К. Скаржинский, «систематически в лагерь поступали эшелоны с военным обмундированием и имуществом, главным образом одеждой гражданского населения. Мне приходилось возить это имущество от вагонов в распоряжение лагеря, где десятки людей были заняты его сортировкой. Обращал на себя внимание тот факт, что гражданская одежда и предметы постельной принадлежности преобладали над военной»⁸⁶.

Лагерь постепенно расширялся. По показаниям Тадеуша Каина, к 1943 г. узники жили в 5 бараках, а в течение года были построены еще 8, а также кухня, различные хозяйственные постройки и баня. Положение заключенных также оставалось незавидным. Выжившие заключенные В. Шейнберг и Б. Земкевич приводили два одинаковых случая: однажды комендант Т. ван Эйпен на лошади ворвался в группу женщин-заключенных, многие были убиты или покалечены копытами; в мае или июне 1943 г. он отобрал из числа прибывших евреев 30 красивых девушек, которые затем использовались лагерной охраной для сексуальных утех⁸⁷.

На попытки побега, удавшиеся или нет, немцы отвечали террором против узников. Например, в показаниях В. Шейнберга указывается, что 9 ноября 1942 г. 6 заключенных, отправленных на работу в лес, убили вахмана и бежали. В ответ немцы вывели за пределы лагеря более 100 заключенных и забили их до смерти: «Душераздирающие крики стояли над лагерем, которые не могла заглушить песня, которую пели эсэсовцы и вахманы в момент истребления людей. Я помню несколько слов из этой песни, в переводе на русский язык они значили примерно так: “Пусть еврейская кровь стекает по ножу”»⁸⁸.

---

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 21.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 15.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 102 об.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 21; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 109 об. – 110.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 109 об.

Тотальность террора и практики сопротивления

Несомненно, сам лагерь смерти был системой террора, направленной на то, чтобы подавить и разрушить личность каждого узника, превратив его в послушное орудие. В арсенал методов входили: постоянные и беспричинные избиения, элементы военной дисциплины (утренние и вечерние проверки, муштра, передвижения строем, позднее – под лагерные песни), наказания ударами плетей и расстрелы за провинности (порой они затрагивали и тех, кто не был причастен к нарушению дисциплины), минимальное питание. В целях управления нацисты, как и в других лагерях, выделили группу «привилегированных заключенных» – старосту, капо и фюрарбайтеров, которые составляли так называемое лагерное самоуправление. Также среди заключенных имелись и откровенные шпионы, докладывавшие начальству о происходящем (некоторых из них в воспоминаниях называет Я. Верник, см. с. 172).

Конечно, сама обстановка лагеря смерти гнетущим образом влияла на психику тех, кому временно сохранили жизнь. Первые дни были шоком, ужасной травмой, разрывающей сознание. Невозможность осмысления столь быстрой и неумолимой потери родных – вот о чем свидетельствовали позднее выжившие узники, возвращаясь в те дни, когда эсэсовцы на площади приемки заключенных фактически случайным образом решали, кому жить, а кому сразу умереть. Как вспоминал А. Бомба, «так прошел день: двадцать четыре часа без воды, без всего. Мы не могли ни пить, ни есть: в рот ничего не лезло, не было аппетита. При одной мысли о том, что всего лишь минуту, всего лишь час назад у нас была семья – жена, муж... и вдруг разом все исчезло»⁸⁹.

Некоторые кончали самоубийством после первых дней, другие продолжали цепляться за жизнь. Однако отсутствие надежды превращало ее в существование и фактическое выживание, что означало жить только сегодняшним днем. Сама обстановка лагеря вела к извращенному пониманию жизни. Так, каждый новый эшелон означал не только тысячи отправленных в газовые камеры, но и их вещи и – главное! – продовольствие, которое можно тайком урвать и продлить существование. И одновременно, как признавался Я. Верник, «я научился смотреть на каждого живого как на труп, которым он станет в ближайшем будущем. Я его оценивал своим взглядом, думал о его весе, кто его потащит в могилу и сколько он при этом получит нагаек» (с. 171).

Хотя Треблинка была пространством тотального террора, будет неверным говорить, что он оборачивался тотальным контролем. Прежде всего это связано с тем обстоятельством, что классический концлагерь СС предназначался именно для регулярной эксплуатации и контроля человеческих ресурсов, в то время как усилия членов «СС-зондеркоманды Треблинка» уходили на поддержание конвейера уничтожения и ограбления депортируемых, а узники рассматривались лишь как «живые трупы», чья смерть волею судеб была ненадолго отсрочена. Потому и устройство этого лагеря смерти хоть и было слепком с классического концлагеря, но отличалось в сторону упрощения: здесь отсутствовала разветвленная структура администрации, узники не направлялись на карантин, не сдавались внаем другим предприятиям, не носили одинаковые робы, до определенного времени им не брили голову и не присваивали номера. Как и в Собиборе, заключенные постоянно находились в гражданской одежде, оставшейся от убитых, и могли менять ее по мере надобности. Ночью их хоть и запирали в бараке, они, как показывают воспоминания, пусть и с соблюдением предосторожностей, могли общаться друг с другом.

Другой вопрос связан с питанием. Описанные выше нормы фактически означали голодную мучительную смерть, однако сами узники находили в вещах людей, отправленных в газо-

---

⁸⁹ Ланцман К. Указ. соч. С. 79.

вые камеры, различные съестные припасы, которые официально запрещалось брать, но именно благодаря им оставленные в живых и могли поддерживать свое существование. С. Вилленберг подробно рассказывал, как после отбоя в бараках они ужинали этими продуктами: «Другие, и я в том числе, достали пустые банки из-под консервов, которые использовали здесь как печки. В верхней части банки вырезали три треугольных отверстия и вставляли в ведро свечи, ватные фитили и поджигали их. На эти плитки мы ставили глиняные горшки, которые нам дали старожилы барака, и в них мы варили смесь хлопьев какао, сахара и жира, и это была единственная наша еда в течение этого дня» (с. 218–219). С большой долей вероятности можно предположить, что администрация была в курсе этих альтернативных методов снабжения и не проявляла рвения воспрепятствовать им. Неудивительно, что в начале 1943 г., когда поток поездов прекратился, среди рабочих лагеря начался фактически голод, а ожидание нового эшелона оказалось сопряжено с надеждами его утолить и тем самым выжить.

Хотя «нижний» и «верхний» лагеря были разделены, узники имели возможность взаимодействовать друг с другом. В этом, например, Треблинка отличалась от того же Собибора. Так, Я. Верник, будучи плотником, занял привилегированное положение и мог при выполнении ряда работ перемещаться между обеими зонами. В 1943 г. по мере надобности узников «нижнего лагеря» периодически переводили в «верхний». Также роль связного выполнял пекарь Лейлайзен. Нарастающая коррупция также помогала обходить запреты. Например, С. Вилленберг рассказывал о случае, как под охраной вахмана с песчаного вала спустились несколько заключенных, которые просили еды. За взятку охранник разрешил не только получить продовольствие, но и пообщаться (с. 234).

Как и в концлагерях, администрация поддерживала порядок и непрямыми методами, включая сеть собственных доносчиков. Однако в Треблинке находилась одна группа заключенных – евреи, а потому играть на противопоставлении и натравливании друг на друга различных категорий узников (политические, уголовники, военнопленные и пр.) было невозможным. Управление классическим лагерем СС всегда опиралось на прослойку привилегированных заключенных – различного рода «капо», именно они являлись «глазами и ушами» эсэсовцев, многие проявляли особую прыть в обеспечении порядка, издеваясь над заключенными хуже самих немцев⁹⁰. В Треблинке было все наоборот: практически всю его историю старостой лагеря был Галевский⁹¹, ставший с весны 1943 г. одной из ключевых фигур в подполье. Сложно переоценить ту роль, которую он и его помощники играли в том, чтобы облегчить положение узников. Как свидетельствовал С. Вилленберг, на виду у немцев жестокость фюрарбайтеров нередко была наигранной: они намеренно демонстрировали избиения, дабы имитацией экзекуций удовлетворить эсэсовцев. Более того, чтобы ограничить время пребывания в туалетах, немцы весной 1943 г. поставили следить за этим специального еврея, однако в действительности отхожие места под его присмотром превратились в место встреч и обмена новостями (с. 309).

Без помощи членов «лагерного самоуправления» были невозможны и другие формы взаимной поддержки. Во время эпидемии тифа в зимние месяцы 1943 г. (когда холод и вынужденный голод из-за отсутствия эшелонов дали о себе знать) больных, дабы их не расстреляли, староста Галевский прятал во время работ на складах мехов: «Их скрывали от глаз эсэсовцев, накрывали мехами, и те спали целый день. Товарищи, рискуя жизнью, поили их горячим чаем, который с опаской варили в углах бараков. Некоторые из этих больных преодолели кризис и выздоровели. Место было более-менее безопасное, поскольку немцы сюда не заходили, опасаясь вшей» (с. 265).

---

⁹⁰ См. подробнее: Аристов С. В. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017; Он же. Жизнь вопреки. Стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939–1945 гг.). М., 2018.

⁹¹ Его имя точно не известно (иногда называется Казимиром). Ему было около 43 лет. Он был старшим капо лагеря, но потом заболел тифом и был сменен Раковским. После смерти Раковского Галевского вернули на эту должность.

Потому история лагеря неотделима от истории тех сетей взаимной поддержки, которые возникали между узниками. Так, при прибытии эшелонов Галевский и другие рабочие пытались высматривать знакомых, чтобы спасти им жизнь, устроив на ту или иную нужную должность. Например, С. Райзман говорил о том, что ему спас жизнь Галевский, который убедил лагерное руководство, что тот может выступать в качестве переводчика. Равным образом и С. Вилленберг получил «спасительный совет» от земляка из Ченстоховы.

Конечно, нельзя преувеличивать степень доверия внутри узников. Так, члены подполья постоянно опасались предательства стукачей. Многие завидовали «золотым евреям» из-за их сравнительно привилегированного положения («На них были элегантные пальто и цветные кашнэ (шарфы). Они были больше похожи на банкиров, чем на заключенных», – так описывал их С. Вилленберг (с. 229)). Также противоречивым было и отношение к врачам, которые перед отправкой больных узников в «лазарет» делали им предварительный усыпляющий укол (с. 273–274).

Другими словами, за рамками официального контроля и систематического террора Треблинка представляла собой вполне живое лагерное пространство, чье своеобразие подпитывалось как близостью к самой настоящей фабрике смерти, так и тотальной коррупцией. Поскольку внешняя дисциплина должна была поддерживаться безукоризненно, то повышалась роль «полезных евреев», которые могли бы снабжать покровителей найденным золотом, деньгами, нужными вещами, предметами одежды и пр. То же самое происходило и с вахманами: они могли чуть ли не беспрепятственно убивать евреев, однако общаться с ними запрещалось, равным образом и получение ценных вещей (денег и золота) могло повлечь самые печальные последствия, потому обе стороны предпочитали оставлять сделки в тайне. Как правило, евреи выменивали у охранников продовольствие, а во избежание неожиданного появления немцев покупки могли совершаться и бесконтактным образом. С. Вилленберг рассказывал о сделке с одним вахманом на территории «лазарета»: в обмен на 100 долларов тот указал ему на кучу песка, в которой был зарыт пакет с водкой, хлебом и колбасой. Чтобы достать покупку и пронести ее до барака, пришлось «случайно» на этом месте обронить простыню (с. 232). По его же свидетельству, регулярно сделки между евреями и вахманами происходили через окно уборной. На этом цепочка обмена вовсе не прекращалась, так как сами вахманы состояли в активных экономических отношениях с местным населением. Золото, драгоценности и деньги обменивались на еду, выпивку и сексуальные услуги. Причем последние оказывали не только девушки из местных деревень, но и специально приезжающие проститутки из Варшавы. Впрочем, для самих поляков подобные коррупционные связи могли повлечь наказание, например, заключение в соседний трудовой лагерь⁹².

О том, что коррупция была заметна и могла приводить к достаточно странным спайкам, повествовал С. Вилленберг, рассказывая о пребывании в «камуфляжной бригаде», которая весной и летом 1943 г. собирала в лесу хвойные ветви для ограды. Ее начальник эсэсовец Г. Сидов демонстративно удалялся, после чего вахманы собирали деньги и обменивали их на продукты у поджидавших поляков. Сами они, как и эсэсовец, не оставались внакладе. Даже когда во время отпуска Г. Сидова заменил А. Мите, спекуляции не прекратились (с. 278–281). Эти коррупционные схемы, как ни странно, были производной от системы насилия: каждый член цепочки знал, что в случае разоблачения ему грозит наказание: для евреев – избиения и смерть, для вахманов – выговоры и дисциплинарные взыскания. Меньше всего волновались немцы: ввиду отстраненности Ф. Штангля эсэсовцы могли опасаться разве что молодого К. Франца. Хотя периодически они устраивали «облавы». Например, Я. Верник свидетель-

---

⁹² Обратите внимание, например, на допрос Я. Павловской, опубликованный в настоящем сборнике (с. 489), где свидетельница говорит, как летом 1943 г. якобы из любопытства с сестрой пошла гулять вокруг лагеря смерти, прихватив с собою хлеба.

ствовал, что однажды у «золотых евреев», которых в свою очередь регулярно шантажировали вахманы, провели обыск и нашли значительное количество драгоценностей: «Они не могли признаться, что делали это под давлением, потому что все равно им ничего не помогло бы. Начались пытки. Закончился золотой сон птицы в клетке о свободе. Сейчас им было хуже, чем другим работникам. После этого случая осталась их половина, раньше их было 150» (с. 179).

Все это ярким образом иллюстрирует тот факт, что даже в царстве тотального террора остается пространство для внутреннего сопротивления и выстраивания сетей взаимопомощи. Именно они и стали той почвой, на которой и взросло подполье, поднявшее восстание.

Восстание 2 августа 1943 г.

Отдельные акты сопротивления случались в Треблинке и до восстания 2 августа. Самый известный из них – убийство роттенфюрера Макса Биала (Била)⁹³ 11 сентября 1942 г. Его ударил ножом вернувшийся с работы в лесу 45-летний Меир Берлинер, варшавянин, гражданин Аргентины⁹⁴. После «героической гибели» нациста его имя было присвоено казарме на территории лагеря, где жили эсэсовцы⁹⁵.

Случались и побеги. 25-летний Абрам Кшепицкий в конце августа 1942 г. был депортирован из Варшавы в Треблинку, но через две с половиной недели вместе с тремя другими узниками бежал оттуда. По заданию группы «Онег Шабат»⁹⁶ Рахель Ауэрбах встретила с Кшепицким и записала его рассказ, ставший первым свидетельством о происходящем в Треблинке⁹⁷. Кшепицкий погиб в апреле 1943 г. во время восстания в Варшавском гетто. Известны также другие случаи побегов из Треблинки. Так, чехословацкий предприниматель Оскар Бергер, бежавший в сентябре 1942 г. (возможно, вместе с Кшепицким), в июле 1943 г. был пойман и заключен в Бухенвальд, где дожил до освобождения лагеря. В начале декабря 1942 г. бежали 7 евреев, из них четверо были пойманы. Как вспоминал спустя полтора года А. Гольдфарб, «в декабре месяце 1942 года, когда выпал первый снег, 7 заключенных бежали из лагеря. Четверо из них были задержаны. Франц Курт вызвал вахмана Ивана и в присутствии стоявших у барака рабочих приказал последнему сделать с ними все, что он захочет. Первого убили. Второму Иван вбил гвоздь в голову. Третьему отрезал уши. После этого последних двух и четвертого тут же на виду у всех повесили»⁹⁸. В январе 1943 г. бежали Моше Раппапорт и Якуб Эйсер, оба пережили войну. Побег двух других узников описан Рихардом Глацаром⁹⁹.

Предметные разговоры о восстании начались в Треблинке, по-видимому, в самом начале 1943 г. Это было связано в первую очередь с сокращением потока транспортов. Большая часть польского еврейства была уничтожена, «Операция Рейнхард» подходила к своему естественному концу. Как отмечалось выше, в этом заключался один из множества трагических парадоксов существования узников, отобранных нацистами для работы в лагерях уничтожения, –

---

⁹³ Его фамилия иногда пишется и как Biala, и как Biela.

⁹⁴ Krzepicki A. Eighteen days in Treblinka // The Death Camp Treblinka: A Documentary. P. 127–132.

⁹⁵ О других попытках сопротивления в лагере см., в частности, свидетельства Я. Верника, С. Вилленберга, Т. Гринберга, Я. Домба в настоящем издании (с. 176–177, 186, 239–240, 322–323, 544, 558–559).

⁹⁶ «Онег Шабат» – организация, созданная в Варшавском гетто историком Эммануэлем Рингельблюмом (1900–1944) для сбора документов и свидетельств об уничтожении польского еврейства. После войны часть этого архива была обнаружена и сейчас хранится в Еврейском историческом институте в Варшаве, который носит имя Рингельблюма. С 1997 г. выходит полное издание «Архива Рингельблюма» в 36 томах (электронная версия: <https://cbj.jhi.pl/collections/749436>).

⁹⁷ Krzepicki A. Op. cit. P. 77–145.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 36.

⁹⁹ Глацар Р. Ад за зеленой изгородью. М., 2002. С. 26–27. Журналистка Гитта Серени, неоднократно беседовавшая с Глацаром, считала его «самым надежным свидетелем» среди бывших узников Треблинки (Sereny G. Into That Darkness: From Mercy Killings to Mass Murder. New York et al., 1974. P. 259). В значительной степени разделяя это представление, мы, где это возможно, опираемся в описании событий, связанных с подготовкой и ходом треблинского восстания, в первую очередь именно на показания Глацара.

продолжительность и качество их жизни напрямую зависели от прибытия все новых и новых эшелонов с людьми, обреченными на скорую и мучительную гибель в газовых камерах. Чем меньше депортируемых, тем меньше работы, а потому – и возможность скорой ликвидации за ненадобностью. Р. Глацар вспоминал, что в марте 1943 г., когда вещи со складов были рассортированы и отправлены в Германию, ситуация стала совсем критической: «Все было упаковано и отправлено – мы никогда раньше не видели столько пустого пространства, оно всегда было заполнено. И вдруг все: одежда, часы, очки, обувь, трости, кастрюли, белье, не говоря уже о еде, – все исчезло, и ничего не осталось. Вы не представляете, что мы почувствовали, когда там ничего не оказалось. Ведь это было оправданием наших жизней. Если нечего сортировать, зачем бы им оставлять нас в живых?»¹⁰⁰

Постепенно сформировалась небольшая группа подпольщиков. В нее входили доктор Хоронжицкий из Варшавы¹⁰¹; бывший офицер чехословацкой армии Желомир (Жело) Блох, прибывший из Терезиенштадта и руководивший бригадой, работавшей в сортировочных бараках; капо «лазарета» 50-летний Зеев или Цви Курлянд; агроном Садовиц¹⁰² из Варшавы; Адольф Фрейдман из Лодзи, в возрасте между 30 и 40, работавший в сортировочных бараках, а до войны, по некоторым свидетельствам, живший в Палестине и служивший в Иностранном легионе; и некоторые другие узники. Израильский исследователь Ицхак Арад предполагал, что на этом этапе оргкомитет восстания состоял из 10–15 человек¹⁰³.

Почти все члены подпольного комитета, имена которых нам известны, входили в привилегированную прослойку заключенных и были своего рода лагерной элитой: врач, лечивший эсэсовцев, капо, руководители рабочих бригад. Центральной фигурой в комитете был доктор Хоронжицкий, за военную сторону операции и вообще за практическую организацию отвечал лейтенант Блох. Однако вскоре Ж. Блох и А. Фрейдман были перемещены в «верхний лагерь» (то есть в ту часть лагеря, где находились газовые камеры): в «зондеркоманде» не хватало рабочих рук для раскапывания массовых захоронений и сжигания трупов¹⁰⁴.

Об исключительном значении личности Ж. Блоха для сокамерников писали многие мемуаристы. «В черные моменты отчаяния, когда многие люди теряли всякую надежду на восстание, он не переставал призывать нас пытаться снова и снова», – свидетельствовал Станислав (Шалом) Кон¹⁰⁵. «Он был прирожденным лидером, лучшим из лучших. Вечер, когда его увели, был концом надежды для нас – надолго», – рассказывал Р. Глацар¹⁰⁶.

Первоначальные планы восстания были просты. По вечерам некоторые эсэсовцы приходили в портняжную мастерскую слушать лагерный оркестр. Предполагалось, что подпольщики убьют их, завладеют оружием, переоденутся в немецкую униформу, в темноте уничтожат по одному вахману и возглавят массовый побег. Согласно другому плану предполагалось напасть на эсэсовцев во время обхода бараков, отобрать оружие, атаковать комендатуру и оружейный склад, освободить заключенных «верхнего лагеря», поджечь лагерные строения и бежать. Этот

¹⁰⁰ Sereny G. Op. cit. P. 212.

¹⁰¹ Биографии и личные данные многих подпольщиков до сих пор остаются не до конца проясненными. Так, известно, что доктору Хоронжицкому было 57 лет, он был капитаном польской армии. Но существуют разные сведения о его специализации (то ли ларинголог, то ли дантист) и даже имени: по одним данным, его звали Юлианом, по другим – Элиашем. Впрочем, служивший в Треблинке Ф. Сухомель вспоминал, что Хоронжицкий был крещен (Sereny G. Op. cit. P. 206), так что, возможно, речь идет о двух вариантах его имени – еврейском и христианском.

¹⁰² Встречаются и другие варианты написания его фамилии.

¹⁰³ Arad Y. Op. cit. P. 272.

¹⁰⁴ По словам Глацара, поводом для перевода стало обнаружение эсэсовцами пропажи из сортировочных бараков, за которые отвечал Блох, большой партии верхней одежды.

¹⁰⁵ Webb C., Chocholaty M. Op. cit. P. 100.

¹⁰⁶ Sereny G. Op. cit. P. 210–211.

план не осуществился из-за охватившей Треблинку эпидемии тифа и перевода Ж. Блоха в «верхний лагерь»¹⁰⁷.

Главной задачей подпольщиков стало приобретение оружия. Поскольку в оргкомитет восстания входили руководители сортировочных бригад, деньги у подполья были: узники, занимавшиеся сортировкой вещей и ценностей, прятали от эсэсовцев часть найденного. Кроме того, иногда подпольщики получали золото и драгоценности от так называемых «золотых евреев». Однако все попытки купить либо украсть партию оружия вне лагеря или у охранников закончились неудачно¹⁰⁸.

Более того, одна из таких попыток стоила жизни доктору Хоронжицкому. Апрельским днем 1943 г. он получил крупную сумму денег и собирался спрятать ее, когда в лагерную больницу неожиданно вошел Курт Франц. Он заметил деньги, и Хоронжицкий, поняв, что разоблачен, бросился на него со скальпелем, а когда Францу удалось отразить нападение, принял яд. Так подполье за короткий срок лишилось обоих своих лидеров.

Неудачей закончилась и история с похищением ручных гранат с оружейного склада. Подпольщикам удалось сделать дубликат ключа от складской двери и украсть гранаты. Однако выяснилось, что все похищенные гранаты лишены детонаторов, которые хранились отдельно. Украсть детонаторы у заключенных возможности не было, и гранаты во избежание разоблачения были в тот же день возвращены на склад¹⁰⁹.

Не сумев достать оружие, подпольщики вернулись к мысли о побеге небольшой группы заключенных. В частности, бежать задумал новый лидер подполья, старший капо Б. Раковский. Он договорился с двумя вахманами, которые за взятку согласились вывести ночью его со своими людьми за пределы лагеря. Однако незадолго до намеченной даты К. Франц провел обыск в комнате Б. Раковского и обнаружил деньги, золото и драгоценности, которые тот собирался захватить с собой. Тем же вечером он был расстрелян¹¹⁰.

Проникавшая в лагерь информация о неудачах вермахта на разных фронтах, о поражении под Сталинградом, с одной стороны, пугала узников (в случае отступления эсэсовцы не станут оставлять в живых свидетелей своих преступлений), с другой – подрывала убежденность в непобедимости немцев, заставляла верить, что с ними можно бороться. Столь же двойственное впечатление на заключенных произвели рассказы о восстании в Варшавском гетто (последние эшелоны из Варшавы прибыли в Треблинку в мае). Героизм повстанцев воодушевлял их, но в то же время они чувствовали подавленность из-за свидетельств жестокости нацистов и враждебности, с которой сталкивались за пределами гетто те, кому удалось оттуда бежать.

¹⁰⁷ Глацар Р. Указ. соч. С. 73–87.

¹⁰⁸ В некоторых мемуарах встречаются утверждения, что узникам все же удалось купить у местных жителей несколько пистолетов, впоследствии использованных во время восстания (*Grinberg T. The Revolt in Treblinka // The Death Camp Treblinka: A Documentary. P. 215*), однако их достоверность вызывает сомнения.

¹⁰⁹ Несколько по-иному излагает эту историю Танхум (Тадеуш) Гринберг. Он утверждает, что было похищено 80 гранат, их спрятали в сапожной мастерской. Были намечены дата и время восстания. Повстанцы разбили на десятки, каждая со своим командиром. Предполагалось по сигналу атаковать казармы вахманов и эсэсовский командный пост, одновременно другой группе было поручено поджечь бараки. Члены «камуфляжной бригады», находящиеся на работе в лесу за пределами лагеря, должны были застрелить сопровождающего их эсэсовца, разоружить и убить вахманов. Но за час до намеченного времени начала восстания Раковский (старший капо, возглавивший подполье после гибели Хоронжицкого и перевода в «верхний лагерь» Блоха) показал Гринбергу гранаты, и тот сказал, что в них нет детонаторов. Поняв, что настоящее оружие достать не получится, подпольщики вооружились сапожными ножами («мы заточили их с обеих сторон, пока они не стали выглядеть как настоящие кинжалы») и ножницами. Но многие в лагере возражали против восстания, говоря, что идти в бой с таким оружием значит обрекать всех участников выступления на верную гибель (*Ibid. P. 217–219*).

¹¹⁰ Отношение узников к Раковскому было различным. С. Вилленберг писал, что «его мечтой было большое восстание, захват и разрушение лагеря, уничтожение команды немцев и украинцев, освобождение всех заключенных и бегство в лес, чтобы найти партизан. Вот и была причина для маршей вокруг барака, он хотел приучить нас к долгому изнурительным маршам, заставлял делать различные упражнения с целью подготовить нас и наши тела к тяжелой партизанской жизни» (с. 314). Другие узники Треблинки, однако, отзываются о Раковском не столь восторженно. Р. Глацар, например, описывал его как «крикуна и горлопана» с «большим бабьим лицом» (*Глацар Р. Указ. соч. С. 62*). Возможно, определенную роль в таком несовпадении оценок сыграл тот факт, что Вилленберг, как и Раковский, был уроженцем Польши, а Глацар – Чехословакии.

Приготовления к восстанию возобновились в июле, когда Треблинки достигли новости о поражениях вермахта в Северной Африке и на Восточном фронте, а также о вторжении союзников в Италию. Теперь оргкомитет возглавлял инженер Галевский из Лодзи. Среди других новых подпольщиков были доктор Лейхерт (или Ляйтнер) из Венгрува, заменивший Хоронжицкого, молодой капо из «придворных евреев»¹¹¹ варшавянин по имени Моне́к, бывший лейтенант чехословацкой армии Рудольф Масарек¹¹².

Было решено попытаться вновь украсть оружие со склада. Склад находился рядом с домами, где жили эсэсовцы, поэтому незаметно попасть туда можно было только днем, когда немцы отсутствовали. В случае успеха восстание требовалось поднять немедленно: пропажу оружия могли обнаружить. Кроме того, все понимали, что эсэсовцев и вахманов лучше атаковать в рабочее время, когда они рассредоточены по лагерю. Однако днем не только эсэсовцы и охранники, но и узники работали в разных местах. Поэтому возникла необходимость расширения подпольного комитета – так, чтобы в каждой бригаде была своя «ячейка». В июле подпольная организация насчитывала уже около 60 человек. Тем не менее руководители подполья колебались и откладывали назначение даты восстания.

Тем временем Ж. Блох и А. Фрейдман создали и возглавили подпольный комитет в «верхнем лагере». Как правило, в лагерях уничтожения та часть, где находились газовые камеры, была наглухо изолирована от рабочей зоны. Однако в Треблинке какая-то связь между «верхним» и «нижним» лагерями все же существовала. С. Кон писал о Ж. Блохе, что тот «был душой восстания, и даже когда его перевели в другую бригаду, все планы и проекты все равно посылались ему на утверждение, несмотря на огромный риск»¹¹³. Ж. Блоху и А. Фрейдману удалось наладить связь с «нижним лагерем» через Я. Верника. Представители подполья заверили его в своей поддержке, но от ответа на вопрос о точной дате восстания все же уклонились: «Они утверждали, что нужно держаться, чтобы не потерять надежды, и ждать» (с. 191).

Участники подполья в «верхнем лагере», как и их товарищи в «нижнем», разбились на группы – по пять подпольщиков в каждой из рабочих бригад. Историк И. Арад полагал, что общее число заговорщиков среди членов «зондеркоманды» могло (как и в рабочей зоне) достигать нескольких десятков человек¹¹⁴. Предполагалось, что в момент восстания каждая пятерка нападет на ту группу эсэсовцев и охранников, которая ближе всего к ним (как правило, в рабочее время в этой части лагеря находилось 4–6 немцев и менее 10 вахманов). В качестве орудий подпольщики собирались использовать топоры, вилы, лопаты, а затем вооружиться огнестрельным оружием, отобранном у нацистов.

Но работы по извлечению и сожжению трупов подходили к концу, новые эшелоны приходили крайне редко, а сведений о дате восстания все не поступало. В конце концов подпольная группа «зондеркоманды» передала Галевскому ультиматум: немедленно назначить восстание на первые числа августа. В противном случае подпольщики «верхнего лагеря» угрожали начать действовать самостоятельно. По мнению И. Арада, именно эта настойчивость «группы

---

¹¹¹ «Придворные евреи» пользовались определенными привилегиями, имели доступ в ту часть лагеря, где жили немцы, и слежка за ними была менее пристальной, чем за остальными заключенными. Поэтому связь с *Hofjuden* была очень важна для подпольщиков.

¹¹² 28-летний Масарек был полуевреем, женатым на еврейке, то есть по нацистским законам не имел шансов избежать депортации. Тем не менее в лагере ходили слухи, что он добровольно отправился в Треблинку со своей беременной женой (ее убили сразу по прибытии в лагерь). Кроме того, в Треблинке существовала легенда, что он близкий родственник довоенного чехословацкого президента Томаша Масарика (*Kohn S. Op. cit. P. 228*). Глацар особо подчеркивает роль Масарека в организации восстания, однако, возможно, тут сыграл роль тот же «субэтнический» фактор, что и в случае с Раковским: и Масарек, и Глацар были чехословацкими евреями.

¹¹³ *Kohn S. Op. cit. P. 226*.

¹¹⁴ *Arad Y. Op. cit. P. 279*; ср., однако: «В нашем лагере была небольшая группа, не все оказались способны на борьбу» (*Верник Я. Указ. соч. С. 192*).

Блоха» сыграла решающую роль в том, что подпольщики решились, наконец, на восстание¹¹⁵. Они опасались, что в случае неудачного выступления «зондеркоманды» нацисты уничтожат всех узников Треблинки. Кроме того, Галевскому и его людям также было очевидно, что лагерь вскоре будет закрыт, а заключенные убиты.

Есть и другие версии того, что же послужило решающим толчком к назначению даты восстания. Так, Т. Гринберг упоминал, что нацисты стали привозить в Треблинку большие обтесанные камни – и узники решили, что там будут строить большой крематорий: «По лагерю распространились слухи, что эта печь будет предназначена для поляков, пришло их время, так как евреев в живых почти не осталось. <...> Все сошлись на одном: ни в коем случае мы не позволим соорудить эту печь»¹¹⁶.

В самом конце июля оргкомитет собрался на свое последнее заседание и назначил восстание на понедельник, 2 августа. Понимая, что после побега нацисты организуют погоню и что уходить от преследования легче ночью, руководители подполья решили начать действовать ближе к концу рабочего дня. Относительно намеченного времени в показаниях выживших узников существуют некоторые расхождения: по словам Р. Глацара, восстание было назначено на 16 часов, Т. Гринберг, В. Шнайдман, С. Вилленберг говорят о 16:30, С. Кон – о 17 часах, Я. Верник – о 17:30¹¹⁷.

Согласно С. Кону: «План был убить главных палачей¹¹⁸, обезоружить охранников, перерезать телефонную линию, поджечь и разрушить все здания фабрики смерти. Мы также планировали освободить поляков из рабочего лагеря, расположенного в двух километрах от нашего, вместе с ними бежать в леса и создать сильный партизанский отряд»¹¹⁹. Несколько иные детали плана приводит Т. Гринберг. По его словам, планировалось уничтожить эсэсовцев, переодеться в униформу вахманов, уйти в беловежские леса и присоединиться к какому-то из партизанских отрядов; другая группа заключенных должна была загрузить грузовики едой и оружием и угнать их к партизанам¹²⁰.

Однако восстание началось немного раньше запланированного времени. Почему? На этот вопрос разные мемуаристы также отвечают по-разному. По словам С. Кона, днем стало известно, что работа закончится на час раньше обычного, потому что эсэсовцы и вахманы собрались пойти купаться на Буг; из-за этого начало восстания перенесли на 16 часов. Эту версию отчасти подтверждает и Ф. Штангль, уточняющий, что речь идет о К. Франце, а также трех других эсэсовцах и 16 вахманах¹²¹.

Согласно другим свидетельствам незадолго до намеченного времени начала восстания Ф. Кюттнер поймал двух узников с карманами, полными денег, и начал их избивать. Другие заключенные испугались, что те могут не выдержать избиения и выдать план восстания, поэтому один из подпольщиков подбежал к окну и выстрелил в Ф. Кюттнера из пистолета¹²². Этот выстрел и послужил сигналом к началу восстания¹²³.

¹¹⁵ Arad Y. Op. cit. P. 281–282.

¹¹⁶ Grinberg T. Op. cit. P. 219.

¹¹⁷ Примерно на то же время – и по сходным резонам – два с половиной месяца спустя Александр Печерский и его товарищи назначат восстание в Собиборе. Впрочем, комендант Треблинки Ф. Штангль говорил, что услышал первые выстрелы в два часа, а диспетчер железнодорожной станции Треблинка Ф. Зомбецкий утверждал, что восстание началось около трех.

¹¹⁸ Это были Курт Франц, а также Август Мите и Вилли Ментц, отвечавшие за расстрелы в «лазарете» (Sereny G. Op. cit. P. 236).

¹¹⁹ Kohn S. Op. cit. P. 228.

¹²⁰ Grinberg T. Op. cit. P. 219–220.

¹²¹ Sereny G. Op. cit. P. 238. Курьезно, что Курт Франц, давая показания на процессе Штангля, утверждал, будто чувствовал, что узники что-то затевают, а потому, из симпатии к ним, специально ушел из лагеря сам и увел с собой других людей (Ibid. P. 241).

¹²² См. свидетельства Т. Гринберга (Grinberg T. Op. cit. P. 221), В. Шнайдмана (Webb C., Chocholaty M. Op. cit. P. 107), Р. Глацара (Глацар Р. Указ. соч. С. 146–147). Немного по-другому рассказывает ту же историю эсэсовец Ф. Сухомель (Sereny

По-видимому, непосредственно перед началом восстания подпольщикам все же удалось вынести с оружейного склада несколько винтовок и автомат (Т. Гринберг упоминал еще и два ящика гранат¹²⁴). Впрочем, оружия все равно было недостаточно: «Конечно, лишь немногим из нас повезло получить огнестрельное оружие. Все старшие групп и все капо получили по пистолету»¹²⁵.

Реконструировать сам ход восстания – задача чрезвычайно трудная. Основной источник – воспоминания восставших, однако они полны противоречий. Кроме того, необходимо понимать, что свидетельства бывших узников лагерей уничтожения зачастую выполняли не только мемуарную, но и, так сказать, аутотерапевтическую функцию. Искренняя вера в то, что месть свершилась, в собственную причастность к этой мести, в значительность урона, понесенного палачами, была для многих из этих людей вопросом физического выживания. Отсюда встречающееся у ряда мемуаристов «укрупнение» своей роли в лагерном подполье, в подготовке восстания, а также очевидная гиперболизация при описании событий 2 августа.

Так, во многих источниках говорится, что восставшие перерезали телефонные линии, чтобы руководство лагеря не могло вызвать подмогу. Однако Ф. Штангль рассказывал, что при первых звуках выстрелов позвонил, как того требовала инструкция, начальнику полиции безопасности и сообщил о происходящем. Его версия подтверждается тем, что на помощь треблинскому гарнизону вскоре прибыло подкрепление¹²⁶.

Сомнительны и некоторые частные эпизоды, в частности, тот, о котором рассказал Гитте Серени Берек Ройзман: дежурный вахман по имени Мира «сидел на вышке в одних шортах и загорал. Когда он услышал первые выстрелы из “нижнего лагеря” и осознал, что что-то происходит, он спрыгнул вниз в своих шортах. Я подбежал к нему и сказал: “Мира, беги, русские подходят”. Я забрал у него винтовку, и он не сделал ничего, чтобы помешать мне. “Убегай, – сказал я, – но мне нужна винтовка”. Он убежал»¹²⁷.

Очевидно преувеличенную картину развернувшегося сражения создал С. Кон: «Немцы начали прибывать со всех сторон. Развернулась полномасштабная битва... [которая] продолжалась шесть часов»; восставшие якобы убили эсэсовца Зайделя¹²⁸ и «других нацистских собак», взяли штурмом арсенал и распределили между собой захваченное оружие¹²⁹.

По-видимому, более реалистичное описание короткого боя и массового побега дал Р. Глацар¹³⁰, признававшийся: «Первые минуты [восстания], конечно, были совершенным сумасшествием: взрывались гранаты и бутылки с бензином, повсюду огонь, стрельба. Все настолько сильно отличалось от нашего плана, что мы были в полном замешательстве»¹³¹.

G. Op. cit. P. 240). Характерно, что и Т. Гринберг, и В. Шнайман утверждали, что Ф. Кюттнер был убит. На самом деле он выжил и в конце 1943 г. был переведен в Италию. В самом конце войны или сразу после нее арестован советскими властями, 6 октября 1945 г. приговорен военным трибуналом 8-й гвардейской армии к смертной казни.

¹²³ Вполне возможно, впрочем, что обе изложенные версии не противоречат друг другу. Восстание, первоначально намечавшееся на 16:30–17 часов, было перенесено на более ранний час из-за ухода эсэсовцев и вахманов на Буг, но на деле началось еще раньше из-за истории с Ф. Кюттнером.

¹²⁴ Grinberg T. Op. cit. P. 220; ср.: Kohn S. Op. cit. P. 229.

¹²⁵ Grinberg T. Op. cit. P. 220.

¹²⁶ Впрочем, Ф. Сухомель рассказывал, что в тот день к Ф. Штанглю приехал его старый друг лейтенант Грёйер из «власовской части», стоявшей в Косуве, в шести километрах от Треблинки, и к моменту восстания они оба так напились, что Ф. Штангль был не в силах командовать, а «просто стоял и смотрел на горящие здания» (Serény G. Op. cit. P. 238).

¹²⁷ Serény G. Op. cit. P. 241–242.

¹²⁸ На самом деле во время восстания не погиб никто из эсэсовцев. Достоверно неизвестно также о погибших вахманах. Ф. Сухомель упоминал, что восставшие убили двух узников, известных как доносчики (Serény G. Op. cit. P. 247). Унтершарфюрер Курт Зайдель в конце 1943 г. был переведен в Триест, где пробыл до конца войны; точных сведений о его дальнейшей судьбе не имеется, возможно, он погиб в советском плену.

¹²⁹ Kohn S. Op. cit. P. 229–230. Ср. описание восстания в «верхнем лагере» у Я. Верника (с. 201).

¹³⁰ Глацар Р. Указ. соч. С. 147–149.

¹³¹ Serény G. Op. cit. P. 240.

Так или иначе, достоверно о событиях 2 августа известно немного. Можно с уверенностью утверждать лишь, что в самом начале восстания узникам удалось взорвать огромный бак с бензином, стоявший у гаража, и поджечь значительную часть лагерных строений – как в «нижнем», так и в «верхнем» лагере. Восставшие начали стрелять в сторону эсэсовцев и вахманов, завязалась перестрелка. В лагере на некоторое время воцарился хаос. Охранник Треблинки Федор Федоренко, который был в тот день на дежурстве, показывал в 1978 г. в США на слушаниях по делу о его экстрадиции: «Все полыхало, вокруг стреляли. <...> Выбежал комендант, и с ним один или два немца и мы, вахманы; мы упали на землю и лежали»¹³².

Впрочем, по утверждению коменданта Ф. Штангля, стрельба внутри лагеря продолжалась не более получаса¹³³. Вскоре к эсэсовцам прибыло подкрепление и началось преследование беглецов. «Кругом были сотни солдат <...> которые стреляли во все, что движется», – вспоминал Ф. Зомбецкий¹³⁴.

Все лидеры подполья – Жело Блох, Галевский, Курлянд, Руди Масарек и другие – погибли в ходе восстания. Р. Глацар предполагал, что, возможно, они изначально планировали не бежать, а сражаться до конца (те, «кто был постарше, кого привезли вместе с семьями и кто все это организовал», решили, что «сами не побегут, а освободят <...> тех, кто помоложе»¹³⁵), однако никаких подтверждений у этой версии нет.

Точное число участников восстания, погибших и бежавших неизвестно. И. Арад утверждал, что «население» рабочей зоны за несколько месяцев 1943 г. сократилось с 800–1000 человек до 500–600, что послужило одним из толчков к восстанию. «В лагере № 1 находились 700 работников, а в нашем – 300», – писал Я. Верник про «нижний» и «верхний» лагеря соответственно (с. 192). Ф. Штангль говорил про 840 заключенных в обоих лагерях и сообщал, что к вечеру 2 августа в Треблинке осталось 105 узников (то есть более 700 погибло или бежало). На сайте Музея Треблинки приводится список из 86 узников, выживших в ней¹³⁶. 54 бывших заключенных выступили свидетелями на так называемом первом и втором треблинских процессах в ФРГ в 1964–1965 и 1970 гг.

Немедленно после побега началась погоня, в ходе которой многие беглецы были убиты на месте. Большинство из них стали жертвами эсэсовцев, полицейских и вахманов, однако некоторых убили местные жители: «Крестьяне по-своему помогали евреям. Убегая, мы видели трупы разутых евреев. Крестьяне знали, что у евреев есть деньги, и это было достаточной причиной устраивать засады и убивать евреев»¹³⁷.

В результате восстания была уничтожена – полностью или частично – значительная часть лагерных строений. Работавший в гараже Штанда Лихтблау «со своей цистерной бензина сделал, кажется, больше всех», констатировал, оценивая итоги восстания, Р. Глацар¹³⁸.

Впрочем, восставшим не удалось вывести из строя кирпично-бетонные газовые камеры. Они несильно пострадали от огня и скоро были вновь пущены в ход. Последние газации в

¹³² Webb C., Chocholaty M. Op. cit. P. 109–110.

¹³³ Sereny G. Op. cit. P. 241.

¹³⁴ Sereny G. Op. cit. P. 248.

¹³⁵ Глацар Р. Указ. соч. С. 152.

¹³⁶ Treblinka II – Resistance and uprising // Museum Treblinka. URL: <https://muzeumtreblinka.eu/en/informacje/resistance-and-uprising/> (дата обращения: 12.11.2020).

¹³⁷ Grinberg T. Op. cit. P. 222; ср. мнение Ф. Зомбецкого (Sereny G. Op. cit. P. 248). Вопрос об отношении нееврейского населения Польши к евреям в годы войны является чрезвычайно сложным и болезненным. Как и в случае с беглецами из Собибора, многие бежавшие из Треблинки были спасены местными жителями, тогда как другие – выданы, убиты или ограблены. Любые попытки обобщения в этом вопросе являются, по нашему убеждению, признаком ангажированности и недобросовестности.

¹³⁸ Глацар Р. Указ. соч. С. 151. По-видимому, за поджоги отвечали двое узников, работавших в гараже: один из Польши, другой из Чехословакии. Характерно, что Глацар упоминает только второго (см. также воспоминания С. Вилленберга, с. 342).

Треблинке состоялись 18 и 19 августа, когда были уничтожены пассажиры двух эшелонов, прибывших из Белостока.

Постепенная ликвидация треблинских лагерей

Вскоре после восстания Ф. Штангль покинул должность коменданта и перебрался в Триест вслед за О. Глобочником. Новым – и последним – комендантом стал К. Франц. Последние два поезда с депортируемыми, по 39 вагонов в каждом, прибыли 18 и 19 августа. В них были евреи из Белостокского гетто. Из-за недостатка работающих заключенных за один раз в лагерь смерти подавалось по 10, а не по 20 вагонов.

Сентябрь – октябрь ушли на постепенное уничтожение лагеря: постройки были разобраны, газовые камеры уничтожены, оставшаяся колючая проволока передана в Треблинку I, а бензиновый двигатель вместе с другими металлическими конструкциями 21 октября был отправлен в Люблин. Ф. Зомбецкий видел, как осенью из лагеря вывозили разобранные на части бараки и казармы, доски, кирпичи, емкости с хлорной известью, экскаватор, использовавшийся для раскопок захоронений в «верхнем лагере», – всего более 100 вагонов. Тогда же вывезли фрагменты газовых камер¹³⁹. Частично разобранными оставались пекарня, конюшня и другие постройки. После этого территория бывшего лагеря была вспахана и засеяна люпином и соснами.

21 октября 200 узников Треблинки (те, кто не захотел или не смог бежать 2 августа, а также отобранные из белостокских транспортов) были увезены в Собибор, где приняли участие в работах по ликвидации лагеря, после чего их казнили. Через несколько дней расстреляли (газовых камер в Треблинке уже не было) 25–30 заключенных. Согласно Ф. Зомбецкому 17 ноября последний поезд с материалами покинул Треблинку. Последних оставшихся евреев (ввиду демонтажа бараков они жили в товарных вагонах) расстреляли в конце ноября вместе с несколькими женщинами-украинками, работавшими на кухне. Последним Треблинку покинул К. Франц, в сопровождении эсэсовцев П. Бредова, В. Ментца, А. Мите и А. Ф. Рума он направился в Собибор.

На территории бывшего лагеря остались только цугвахманы Освальд Штребель и Александр Егерь, а также обервахман Николай Демидюк. Штребелю разрешили привезти с Украины семью, Демидюк и Егерь женились на местных жительницах. Все они поселились на небольшой ферме, специально для них построенной. В их обязанности входила прежде всего охрана территории от жителей окрестных деревень, надеявшихся найти там золото и драгоценности. В августе 1944 года, при приближении Красной Армии, Штребель и Демидюк бежали, Егерь был арестован советскими властями¹⁴⁰. После этого на территории Треблинки немедленно начались раскопки и массовое мародерство¹⁴¹.

Обратим внимание, что после ликвидации лагеря смерти «трудовая» Треблинка продолжала свое существование. В середине ноября 1943 г. в лагере разразилась эпидемия тифа, причем заключенных помещали в лазарет, где, правда, никакого лечения не было. Поскольку места для изоляции не хватало, немцы решили 10 декабря расстрелять 106 из 145 рабочих-евреев, оставшихся тогда в лагере. По данным Л. Пухавы, «с 12 ноября до 20 декабря 1943 года в лагере умерло от голода, избиения и непосильного труда 146 человек»¹⁴².

Особой жестокостью в «трудовой» Треблинке отличались вахманы, о зверствах которых рассказывали многие выжившие. Так, Ю. Лукашек свидетельствовал: «Однажды во время

---

¹³⁹ Chrostowski W. Extermination Camp Treblinka. London, 2004. P. 95–96.

¹⁴⁰ Подробнее см. статью Арона Шнеера в настоящем издании (с. 96–97).

¹⁴¹ См.: Гросс Я. Т., Грудзинская-Гросс И. Золотая жатва: О том, что происходило вокруг истребления евреев / пер. с польск. Л. Мосионжника. М., СПб., 2017.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 96, 97.

сильного дождя мы работали на погрузке песка. Вахманы приказали быстро раздеться догола и продолжать работу. Человек 30, в том числе и я, не успели достаточно быстро раздеться, за что всех нас избили палками и лопатами, дав каждому по 15 ударов. Однажды вахман-украинец, узнав адрес моей жены, поехал к ней и хотел изнасиловать ее. Жена моя вырвалась и сбежала. Взбешенный вахман вернулся в лагерь и избил меня палкой за то, что жена “не подчинилась” ему. Он избил меня так сильно, что плевра моя лопнула и я до сих пор серьезно болен»¹⁴³.

Трудовой лагерь Треблинка продолжал существование до самого прихода Красной армии. В марте 1944 г., по показаниям М. Левита, здесь ликвидировали всех малоквалифицированных рабочих. 23 июля ввиду близости советских войск немцы расстреляли оставшихся евреев. Польский узник Тадеуш Каин свидетельствовал, что нацисты убили тогда 500 евреев, а 300 оставшихся поляков 1 августа распустили по домам¹⁴⁴. Для того, чтобы обреченные не убежали, их вывели из бараков и заставили лежать на земле со спущенными штанами (что затрудняло бегство). Людей группами отводили в лес к специальному рву и расстреливали. Поскольку сами вахманы были пьяными, то некоторые выжили: одни, как М. Левит, упали в яму, не получив пули, другие, как Х. Трач, сумели все же бежать в лес. Всего через трудовой лагерь Треблинка прошло более 20 тыс. человек, половина была убита¹⁴⁵.

Первые годы после освобождения территория треблинских лагерей оставалась заброшенной, однако при этом она активно разграблялась местными жителями, которые искали брошенные драгоценности¹⁴⁶. Лишь в 1947 г. периметр бывшего лагеря был обнесен дощатым забором, который охраняли солдаты польской армии. Тогда же создан комитет по увековечению памяти жертв Треблинки. В 1963 г. на территории бывшего лагеря поставили первый памятник. С 1983 г. там существует музей.

Расследование преступлений нацистов в треблинских лагерях началось сразу после прихода Красной армии. С середины августа по начало октября 1944 г. советские следственные органы проводили экзгумации на территории «трудовой» Треблинки, а также опрашивали местных жителей и выживших узников. Собранные материалы подробно описывали происходившее в треблинских лагерях, однако по идеологическим соображениям они так и остались достоянием архивов. Годом позже свое расследование начала Польская главная комиссия по расследованию нацистских преступлений, которой руководил судья З. Лукашкевич.

Однако первый процесс по делу эсэсовца, служившего в Треблинке, состоялся лишь в 1951 г. во Франкфурте-на-Майне. Перед судом предстал унтершарфюрер Йозеф Хиртрайтер. Он был признан виновным в жестоком убийстве двух узников, у которых при обыске нашли деньги, а также в неоднократном убийстве младенцев сразу по их прибытии в лагерь и приговорен к пожизненному заключению. Хиртрайтера освободили по состоянию здоровья в 1977 г., в следующем году он умер.

Системное юридическое преследование персонала лагерей «Операции Рейнхард» началось в Западной Германии в самом конце 1950-х гг. После многолетнего расследования почти одновременно прошли суды над палачами Белжеца (1963–1965), Треблинки (1964–1965) и Собибора (1965–1966). На Треблинском процессе в Дюссельдорфе на скамье подсудимых оказались 10 человек. Четверо из них – Курт Франц, Генрих Маттес, Вилли Ментц, Аугуст Мите – были приговорены к пожизненному заключению. Еще пятеро были приговорены к различным срокам тюремного заключения: Густав Мюнцбергер – к 12 годам, Отто Штади – к 7, Франц

¹⁴³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 26.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 37.

¹⁴⁵ Treblinka I-Labour Camp // Museum Treblinka. URL: <https://muzeumtreblinka.eu/en/informacje/treblinka-i/> (дата обращения: 10.11.2020).

¹⁴⁶ Попытку проанализировать влияние грабежей на развитие местного сообщества см.: Charnysh V., Finkel E. The Death Camp Eldorado: Political and Economic Effects of Mass Violence // American Political Science Review. 2017. Vol. 111. № 4. P. 801–818.

Сухомель – к 6, Эрвин Ламберт – к 4, Альберт Франц Рум – к 3¹⁴⁷. Унтершарфюрер Отто Рихард Хорн, служивший в «верхнем» лагере и отвечавший за уничтожение трупов погибших узников, был оправдан¹⁴⁸.

Во второй половине 1960-х гг. знаменитому «охотнику за нацистами» Симону Визенталю удалось выследить бывшего коменданта Собибора и Треблинки Франца Штангля, после войны бежавшего в Южную Америку. В 1967 г. он был арестован властями Бразилии и экстрадирован в ФРГ. В декабре 1970 г. западногерманский суд приговорил его к пожизненному заключению. Ф. Штангль умер несколько месяцев спустя в тюрьме от сердечного приступа.

В 1978 г. во Флориде начались слушания по делу бывшего треблинского вахмана Федора Федоренко. По итогам длительного разбирательства Федоренко был лишен американского гражданства и в 1984 г. передан советским властям. В СССР он был арестован и в июне 1986 г. на открытом процессе приговорен Крымским областным судом к расстрелу. Обратим внимание, что в СССР десятки вахманов, служивших в т. ч. и в Треблинке, были еще ранее осуждены на различных индивидуальных и коллективных процессах (см. подробнее статью А. И. Шнеера в настоящем издании).

Намного большее внимание привлек другой суд над вахманом, который также обвинялся в совершении преступлений во время службы в Треблинке. Речь об Иване Демьянюке, который, как и Ф. Федоренко, после войны эмигрировал в США и получил американское гражданство. «Дело Демьянюка» растянулось более чем на три десятилетия, затронуло несколько стран и привлекло больше внимания, чем любой другой процесс над нацистскими преступниками после Нюрнберга, за исключением разве что суда над А. Эйхманом. Краткая хронология дела такова. После многолетнего разбирательства в США Демьянюк был в 1986 г. экстрадирован в Израиль, на основании показаний бывших узников Треблинки идентифицирован как известный своей исключительной жестокостью охранник по прозвищу «Иван Грозный» и в 1988 г. приговорен к смертной казни. Пять лет спустя этот вердикт был отменен Верховным судом Израиля: выяснилось, что Иван Грозный – это Иван Марченко, а Демьянюк служил вахманом не в Треблинке, а в Собиборе. Демьянюк вернулся в США, был повторно лишен американского гражданства, передан властям ФРГ и приговорен к пяти годам заключения. Он умер в западногерманском доме престарелых в 2012 г. Парадоксальным образом «медийная репутация» Треблинки в современном мире и ее образ в массовом сознании сформировались в определенной степени благодаря и тому человеку, который, как в конце концов выяснилось, никогда не был в этом лагере уничтожения.

---

¹⁴⁷ Большинство подсудимых, приговоренных к пожизненному заключению или к длительным тюремным срокам, были освобождены до истечения срока наказания. К. Франц официально вышел на свободу в 1993 г. (фактически – еще в конце 1970-х гг.; умер в 1998 г.), В. Ментц – в марте 1978 г. (за три месяца до смерти), А. Мите – в 1985 г. (умер в 1987-м), Г. Мюнцбергер – в 1970 г. (умер в 1977-м), Ф. Сухомель – в конце 1967 г. (прожил еще 12 лет).

¹⁴⁸ Суд признал заслуживающими доверия утверждения О. Хорна, что он пытался добиться перевода из лагеря и что его попытки уклониться от участия в процессе уничтожения евреев могли стать причиной расправы над ним со стороны К. Вирта. Подробнее о Треблинском процессе и других судах над эсэсовцами – участниками «Операции Рейнхард» см.: *Bryant M. S. Eyewitness to Genocide: The Operation Reinhard Death Camp Trials, 1955–1966*. Knoxville, 2014.

Лагерь смерти Треблинка глазами вахманов- травниковцев (по материалам следственных дел)

*Арон Ильич Шнеер,
PhD in history, Израиль*

Во всех лагерях смерти, включая Треблинку, служили выпускники учебного лагеря СС Травники, расположенного неподалеку от Люблина. В августе 1944 г. отделом контрразведки СМЕРШ 65-й армии были арестованы Иван Шевченко, Михаил Полещук-Шкарупа, Павел Козлов, Григорий Сирота, Валентин Рожанский и Никита (Николай) Рекало. Как сказано в деле, «все они служили вахманами в команде СС при лагере смерти Треблинка. Здесь они принимали участие в расстрелах и массовом удушении людей в газовых камерах»¹⁴⁹.

Следователь отдела контрразведки СМЕРШ 65-й армии капитан Филипп Тюттий¹⁵⁰ 8 сентября 1944 г. провел один из первых допросов треблинских убийц. Тогда И. С. Шевченко показал: «Сколько я лично расстрелял человек, точно я сказать не могу, так как не помню, но примерно мною было расстреляно не успевших умереть в душегубке до 50 человек»¹⁵¹. Это именно его, Шевченко, упоминает Василий Гроссман в очерке «Треблинский ад», впервые опубликованном в ноябре 1944 г.: «Мы приехали в Треблинский лагерь в начале сентября 1944 года <...> Я расспрашивал одного из пойманных палачей Ш.»¹⁵². В. Гроссман использовал показания и других арестованных убийц. В ходе следствия обвиняемые называли 180 фамилий вахманов, с которыми они служили в войсках СС в Треблинке и других лагерях¹⁵³. Поиски многих из них затянулись на десятилетия. Их показания также приведены в статье. 21 октября 1944 г. военный трибунал 65-й армии 1-го Белорусского фронта приговорил всех шестерых обвиняемых к расстрелу¹⁵⁴. Это был первый процесс над травниковцами.

В дальнейшем ловили и судили других соучастников массовых убийств. Так, 14 ноября 1944 г. был арестован и допрошен группенвахман СС Павел Лелеко, также служивший в Треблинке. Решением военного трибунала 2-го Белорусского фронта 19 марта 1945 г. его тоже приговорили к расстрелу, который состоялся 7 мая 1945 г.¹⁵⁵ А в конце 1944 г. ОКР СМЕРШ 8-й гвардейской армии арестовал бывшего травниковца М. Л. Кирьянова (Калиновского) за службу в войсках СС вахманом в лагере Треблинка. 21 января 1945 г. военным трибуналом 8-й гвардейской армии он был приговорен к высшей мере наказания. 5 февраля приговор привели в исполнение¹⁵⁶.

Благодаря показаниям арестованных стали известны подробности о происходившем в рабочем лагере Треблинка № 1 и лагере смерти Треблинка № 2. Последний начал свою истребительную работу в июле 1942 г. К этому времени в нем уже находилось сорок травниковцев¹⁵⁷.

¹⁴⁹ Архив Яд Вашем (далее – АЯВ). TR-18/42 (15). Л. 73; TR-18/62 (23). Л. 63.

¹⁵⁰ Тюттий Филипп Иванович, 1910 г. р., в РККА – с 1939 г., сотрудник НКВД. Участник обороны Сталинграда. 18.12.1942 награжден медалью «За боевые заслуги», 27.08.1944 – орденом Отечественной войны II степени, 06.04.1945 – орденом Красной Звезды.

¹⁵¹ АЯВ. TR-18/68 (4). Л. 211.

¹⁵² Гроссман В. Треблинский ад. М., 1945. С. 36; *Он же*. Треблинский ад. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. Повесть. Рассказы. Очерки. М., 1998. С. 396. Военным трибуналом 65-й армии 1-го Белорусского фронта 21 октября (АЯВ. TR-18/42 (15). Л. 78) или 21 ноября 1944 г. И. С. Шевченко был приговорен к расстрелу. См.: АЯВ. TR-18/199. Л. 196.

¹⁵³ АЯВ. TR-18/42 (15). Л. 74–77.

¹⁵⁴ АЯВ. TR-18/42 (15). Л. 77–78.

¹⁵⁵ АЯВ. TR-18/41 (1). Л. 133.

¹⁵⁶ АЯВ. TR-18/42 (3). Л. 237–239.

¹⁵⁷ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 75–86.

Очередное пополнение в количестве 30 вахманов СС прибыло в августе 1942 г.¹⁵⁸ Они доставили еще один эшелон из Варшавского гетто, и их оставили продолжать службу в Треблинке. Прибывших провели по всей территории и вокруг лагеря, показали его. Как отметил один из травниковцев на следствии: «Лагерь к этому времени был полностью оборудован и функционировал»¹⁵⁹.

О конкретной цели лагеря смерти травниковцы неоднократно говорили на допросах. 8 сентября 1944 г. И. С. Шевченко заявил: «Этот лагерь немцами был построен специально для массового истребления еврейского населения и представлял из себя “комбинат смерти”, в который ежедневно прибывали груженные людьми всех возрастов 3–4 эшелона с тысячами человек»¹⁶⁰.

На допросах 13–15 сентября 1945 г. в ОКР СМЕРШ 8-й гвардейской армии на вопрос следователя «Какой национальный состав поступал в лагерь смерти Треблинка?» эсэсовец Фриц Кюттнер, назвавшийся командиром отделения вахманов в Треблинке, ответил: «В лагерь смерти Треблинка поступали исключительно евреи <...> других национальностей в этот лагерь не поступало»¹⁶¹. Важно отметить, что эта особенность была отмечена и в официальном документе – постановлении от 29 марта 1961 г. о привлечении Д. А. Бородина, бывшего вахмана СС, в качестве обвиняемого: «Треблинский лагерь был организован гитлеровскими палачами исключительно для массового уничтожения еврейского населения, доставляемого туда карателями с оккупированных немецкими войсками государств»¹⁶².

Вахманы подчинялись унтерштурмфюреру Курту Францу, заместителю коменданта лагеря. Они размещались в двух бараках в юго-западном углу лагеря, численность составляла примерно от 70 до 120 человек. Командовал ротой немец Фрост, старшиной был унтершарфюрер Отто Штади, его помощником – цугвахман Пильман, немец из России. Рота делилась на 4 взвода. Командиром 1-го взвода был цугвахман Борис Рагоза, украинец, его помощником – Федор Федоренко¹⁶³. Командиром 2-го взвода – цугвахман Александр Егерь, немец из России, командиром 3-го взвода – цугвахман Штрайбер, немец из Днепропетровской области, командиром 4-го взвода – цугвахман Лех, поляк¹⁶⁴. И хотя в воспоминаниях узников и академической литературе вахманов нередко называют обобщающим словом «украинцы», как мы видим, в действительности даже ключевые руководящие должности занимали выходцы из разных этнических групп.

Распорядок работы вахманов в Треблинке

На допросах в сентябре 1961 г. в Киеве Яков Карплюк уточнил функции роты вахманов в Треблинке. Ежедневно один из взводов заступал в караул: нес наружную охрану лагеря на вышках и у проходной. Посты там были трехсменные. Вахманы дежурили на них с личным оружием – немецкими пистолетами-пулеметами и ножевыми штыками в ножнах. В обязанности вахманов входило не допустить побегов обреченных на смерть людей, а также не подпускать к ограде посторонних лиц. Смену часовых производили командиры взводов и их помощники. Они же вместе с немцами часто проверяли, как вахманы несут службу. В ночное время из числа взводов, не попавших в караул, выставлялась охрана к забору из колючей проволоки вокруг бараков рабочих команд, а также назначались патрульные вдоль наружной

¹⁵⁸ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 39.

¹⁵⁹ АЯВ. TR-18/62 (2). Л. 35.

¹⁶⁰ АЯВ. TR-18/62 (17). Л. 70.

¹⁶¹ АЯВ. TR-18/41 (15). Л. 52–53.

¹⁶² АЯВ. TR-18/62 (3). Л. 20.

¹⁶³ Обервахман Федоренко Федор (1907–1987) родился в Крыму. После войны скрывался в Германии, затем в США.

¹⁶⁴ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 50.

ограды лагеря. Вооружены они были личным оружием и имели те же задачи, что и часовые на вышках.

Днем вахманы двух взводов несли службу внутри лагеря около «раздевалок», «душегубки» и «лазарета». Во время прибытия эшелонов с евреями вахманы стояли в оцеплении с тыльной стороны прибывших вагонов, чтобы никто не убежал, помогали «рабочей команде» загонять людей в «раздевалки» и «душегубку», стояли при выгрузке трупов в ямы из газовых камер и пристреливали не успевших умереть людей. Несколько вахманов назначались на дежурство в «лазарет», где ежедневно участвовали в расстрелах. Другие конвоировали группу из «рабочей команды» в лес за ветками и дерном, необходимыми для маскировки происходящего в лагере.

В это время четвертый взвод отдыхал. Его личный состав получал увольнительные в соседние деревни. Однако оставшиеся отдыхать в самом лагере неоднократно привлекались в случае необходимости к исполнению обязанностей на любом объекте, чаще всего во время очередной разгрузки эшелона с обреченными на смерть. Одной из важнейших задач вахманов было предотвращение любых попыток сопротивления¹⁶⁵.

Ежедневно проходила ротация взводов по роду деятельности. Таким образом, каждый вахман через два дня на третий принимал непосредственное участие в истреблении евреев. По словам Шевченко, он «очень часто стоял около прибывших эшелонов в лагерь, груженных людьми, во время их разгрузки, чтобы последние не убежали», помогал «рабочей команде» загонять людей в «раздевалки» и «душегубку»: «Нежелающих идти в “раздевалки” и “душегубку” я очень часто избивал прикладом винтовки. Два-три раза в месяц и больше я бывал при выгрузке из камер “душегубки” трупов в ямы и на костры, где лично добивал выстрелом из винтовки тех людей, что не успели умереть. Сколько я лично расстрелял человек, точно я сказать не могу, так как не помню, да и невозможно это вспомнить, так как истреблять людей приходилось тысячами, но примерно мною было расстреляно не успевших умереть в “душегубке” до 50 человек»¹⁶⁶.

Кроме вахманов, отправленных в Треблинку непосредственно из учебного лагеря СС Травники, некоторых оставляли на службу в лагере после сопровождения ими эшелонов с евреями. Из Варшавского гетто в Треблинку регулярно отправлялись эшелоны. Как отмечено в материалах Главной комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше, «железнодорожные транспорты имели охрану, укомплектованную преимущественно из украинцев и литовцев под командованием эсэсовцев, однако не из лагерного персонала»¹⁶⁷.

Сбор и доставка в лагеря смерти

Что происходило во время погрузки и на пути в лагеря смерти, лучше всего описал П. Лелеко, сопровождавший в августе 1942 г. эшелон с евреями из Варшавского гетто в Треблинку и оставленный на службе в лагере вместе с 30 другими охранявшими транспорт вахманами. 20 февраля 1945 г. на допросе в 4-м отделе ОКР СМЕРШ 2-го Белорусского фронта он показал: «... стали пригонять огромные партии евреев. На рельсах стояло несколько десятков товарных вагонов. По порядку их стали заполнять арестованными. Когда вагон заполнялся, в него входил немец, руководивший погрузкой, и резиновой плеткой с металлическим наконечником начинал хлестать по лицам и телам... Толпа в вагоне начинала кричать, уплотнялась по сторонам, и в свободное место вагона вталкивали еще людей. После этого дверь вагона захлопывалась. Погрузка продолжалось еще около 2 часов. Пытавшихся совершить побег или ока-

---

¹⁶⁵ АЯВ. TR-18/62 (9). Л. 109–110, 122.

¹⁶⁶ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 47–48, 95.

¹⁶⁷ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 225.

зывавших сопротивление охранники расстреливали. Крики и стоны не прекращались за все время погрузки.

«...» Примерно через полчаса после окончания погрузки эшелон, насчитывавший до 60 вагонов, повезли на восток. На остановках, их было около пяти за время пути, мы оцепляли состав, не допуская побегов, и не подпускали к вагонам польское население с целью продажи или передачи заключенным воды или продуктов. «...» Люди в вагоне задыхались от духоты и жажды, возгласы “пить”, “воды”, стоны, крики, вой сошедших с ума людей, вопли смертельно раненых непрерывно неслись из вагонов. Доведенные до отчаяния люди на виду у полицейских пытались вылезать из окон и бежать, но в них стреляли и убивали. «...» один заключенный высунулся из окна, пытаясь совершить побег. Я и другие полицейские стали стрелять в него «...» На одной из остановок молодая женщина с трудом высунулась с ребенком из окна вагона и, держа ребенка впереди себя, стала с громким плачем просить для ребенка глоток воды. Один из немцев выстрелил в нее, женщина была убита, разжала руки, упала в вагон. Ребенок с высоты вагона грохнулся на шпалы. Немец, стрелявший в женщину, подошел к ребенку, истекавшему кровью, и, ухватившись за платице, попытался забросить ребенка в вагон через окно-отдушину. Но не попал. Ребенок стукнулся о стенку вагона и вновь упал на шпалы. Тогда немец взял длинную палку, намотал на нее одежду ребенка и, подняв его, всунул в вагон через отверстие окна. Присутствовавшие при этой сцене немцы и полицейские весело смеялись.

Стрельба по вагонам раздавалась непрерывно. Люди высовывали в щели руки с крупными суммами денег, умоляли дать хотя бы глоток воды. Немцы и полицейские деньги брали, однако воды и не думали приносить. Один немец вынул из ножен шашку. Тихо подошел к вагону, из которого была высунута женская рука с пачкой денег в кулаке, и со всего размаха опустил шашку на руку. Отрубленная почти по локоть рука отлетела в сторону, обрызгав костюм немца кровью. Не обращая на это внимания, он подошел к отрубленной руке, разжал у нее пальцы и, взяв деньги, сунул их в карман. Затем вынул одну кредитку, вытер ею шашку. «...» Я взял у одного заключенного тысячу злотых, но воды ему не принес. Жители пытались передать заключенным воду, но мы их отгоняли, а воду отбирали и выливали на землю»¹⁶⁸.

Описанное происходило со всеми транспортом, шедшими в лагерь смерти. Транспорты, состоявшие из 15–60 вагонов каждый, во время стоянки на конечной станции, в лагере смерти, делились на части в зависимости от количества вагонов. Их обслуживал гарнизон лагеря, т. к. охрана вагонов за проволоку не входила.

По словам цугвахмана Эммануила Шульца, исполнявшего в Треблинке обязанности писаря при штабе, в штаб лагеря из Люблина и Варшавы сообщали, что будет прибытие евреев в Треблинку. Потом эшелоны приходили на станцию Малкиния, и об этом также сообщали. Затем прибывший эшелон частями подавался по ж/д ветке в лагерь. К встрече вагонов с обреченными на смерть людьми по приказу заместителя коменданта лагеря К. Франца выходили вооруженные вахманы, которые по мере подачи вагонов окружали их. На территорию лагеря подавалось не более 8 вагонов. Когда выгрузка людей заканчивалась, то кто-либо из вахманов вместе с немцем проверял, не остался ли кто-либо в вагонах¹⁶⁹.

Разгрузка

Все вахманы, прибывшие на службу в лагерь смерти, проходили на месте инструктаж. Им объясняли, что «с прибытием транспорта с людьми, кто свободны от нарядов, обязаны бегом бежать к железнодорожному полотну, оцеплять его, затем разгружать людей из вагонов,

---

¹⁶⁸ АЯВ. JM-23/505. Л. 563.

¹⁶⁹ АЯВ. TR-18/62 (I). Л. 62–63.

сгонять к баракам – “раздевалкам”, быстрее раздевать их, а затем так же быстро загонять в “баню” – душегубку»¹⁷⁰.

Яков Карплюк, год прослуживший в Треблинке, на допросе 19 сентября 1961 г. в Киеве уточнил, что «часть вахманов, назначенных к дверям душегубки, в раздевалку и на выгрузку вагонов, вместо карабинов брала палки. <...> специально заготовленных для этого палок не было, а каждый вахман доставал себе палку из веток, вплетенных в колючую проволоку по своему усмотрению.

На разгрузочной площадке три-четыре вахмана охраняли тыльную часть вагонов, а остальные стояли перед вагонами. Постоянного закрепления вахманов за постами не было – их расстановка по постам каждый раз менялась. Количество вахманов, выставяемых на отдельных этапах, также менялось в зависимости от наличия в лагере свободных от службы людей <...> Выгрузка людей проводилась повагонно, в ней, кроме вахманов и немцев, участвовали евреи из рабочей команды. Они открывали двери одного вагона и предлагали выходить на площадку. Обычно большинство подчинялось этому требованию, однако некоторые, особенно молодые, очевидно, догадывались о своей участи, отказывались выходить. В таких случаях в вагон заходили вахманы с палками и силой выгоняли сопротивляющихся. В силу характерного запаха разлагающихся и горящих трупов они уже на разгрузочной площадке начинали понимать, что их ожидает. Поднимался шум, крик и плач женщин и детей.

Чтобы избежать организованного сопротивления, когда неизбежно было применение оружия, мы не давали людям опомниться, сразу же окружали всех вышедших из вагона и гнали в раздевалку. Таким же образом разгружались и конвоировались в раздевалку евреи из всех следующих вагонов»¹⁷¹.

Вахманы, которые находились в оцеплении эшелона, после разгрузки людей подтягивались к толпе обреченных, обер-, группен- и цугвахманы, а также немцы заходили в толпу с плетками, а часть вахманов – с палками. Они избивали людей, поскольку те упирались, медлили и не хотели идти, сгоняли их к баракам, а вооруженные вахманы, до этого стоявшие в оцеплении эшелона, охватывали толпу полукругом и, также избивая людей оружием, руками и ногами (пинали), гнали их к месту раздевания. Иногда обреченных таким образом загоняли в бараки, а иногда – лишь на площадь между бараками (раздевалками) и тут же раздевали¹⁷².

В «раздевалку» ни немцы, ни вахманы из-за боязни быть убитыми не заходили, наблюдая за работой «рабочей команды» через закрытые ворота. Так, однажды кто-то из привезенных евреев бросил гранату, взрывом которой был убит один немец и ранен вахман¹⁷³.

«Лазарет»

Однако некоторые из прибывших не доходили до раздевалок. Это инвалиды, больные, старики, малолетние дети без родителей – все те, кто не мог двигаться самостоятельно. Руководство лагерей считало, что эти люди «будут мешать нормальному ритму ликвидации транспорта»¹⁷⁴. Их направляли в «лазарет», подобные которому существовали также и в лагерях смерти Белжец и Собибор, но везде имели свои особенности.

В Треблинке «лазарет» размещался в первой части лагеря. Он представлял собой небольшую площадку, в центре которой находилась яма 6–8 метров в диаметре и около 3 метров глубиной. На дне беспрерывно горел костер, на котором сжигались трупы. Вся площадь «лаза-

---

¹⁷⁰ АЯВ. TR-18/42 (I). Л. 69.

¹⁷¹ АЯВ. TR-18/62 (IX). Л. 120–126.

¹⁷² АЯВ. TR-18/42 (2). Л. 170–171.

¹⁷³ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 45.

¹⁷⁴ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 45.

рета», окруженная высоким забором из колючей проволоки и вплетенных в нее веток, разделялась на две неравные части. Для того, чтобы войти во внутреннюю часть «лазарета», необходимо было пройти будку, на которой висел флаг Красного Креста. Из нее был проход в меньшую часть, в т. н. «приемную», где стояли диваны, обитые плюшем. Здесь отдыхали или зимой грелись люди, обслуживавшие «лазарет». В их число входили: унтершарфюрер Вилли Ментц (немец, его вахманы называли «доктором»), несколько вахманов и пять смертников из «рабочей команды». На рукавах они носили белые повязки с красным крестом. Когда в лагерь вкатывались вагоны, всех людей, не способных передвигаться самостоятельно, эти смертники, словно санитары, на носилках или под руки доставляли к будке в «лазарет», быстро раздевали, по несколько человек подводили к краю ямы и сажали на землю. Сзади подходили В. Ментц и вахманы и по очереди расстреливали из пистолета, автомата или винтовки. Мертвые падали на дно ямы к костру. Когда все доставленные в «лазарет» были убиты, «санитары» спускались и бросали убитых в костер. Ежедневно в «лазарете» расстреливалось не менее 100 человек¹⁷⁵.

Неоднократно в «лазарете» уничтожались «рабочие команды». Они набирались каждые два-три дня и, соответственно, каждые два-три дня поголовно уничтожались. На допросе 21 февраля 1945 г. П. Лелеко показал, что после работы, в 10–11 часов вечера, рабочую команду, насчитывавшую 100–200 человек, занимавшуюся в основном уничтожением трупов, подводили к «лазарету» и по 5 человек расстреливали. Через полтора-два часа сотни людей были мертвы и пылали на костре. Уничтожение рабочих производилось и в том случае, если они в чем-то провинились.

Однажды рабочими был убит немец, особенно издевавшийся над ними. По приказу вахманы казнили 250 человек, «топором или деревянным молотком отрубали или раскалывали головы»¹⁷⁶. В следующий раз, после того, как один из рабочих пытался ударить ножом немца или вахмана, «топорами было зарублено более 50 человек»¹⁷⁷.

Массовые расстрелы проводились и после нападения обреченных евреев на вахманов. Так, однажды обреченные ранили цугвахмана Робертуса и группенвахмана Чернявского, а в другой день в результате взрыва гранаты погиб немецкий офицер. Чем интенсивнее работал лагерь, тем изнурительней работала рабочая команда и быстрее физически изнашивалась. Эти люди расстреливались, а сама рабочая команда обновлялась за счет прибывающих транспортов.

В «лазарете» вахманы дежурили по наряду, т. е. постоянного дежурного из вахманов здесь не было, а ставили одного или другого по приказанию командира взвода¹⁷⁸. П. Лелеко признался, что в «лазарете» он «убил беременную женщину. Неоднократно расстреливал детей. По моим подсчетам, я убил не менее 10 детей до 5-летнего возраста»¹⁷⁹.

«Душегубка»

О работе «душегубки» дал наиболее подробные сведения на допросах 8 и 18 декабря 1950 г. в Воронеже Николай Шалаев. Он и Иван Марченко служили мотористами газовой камеры с июня 1942 г. по июль 1943 г. По словам Н. Шалаева: «Я вместе с Иваном Марченко, двумя немцами и двумя евреями находился при моторе, вырабатывающем отработанный газ, который подавался в камеры “душегубки” <...> это был обыкновенный четырехцилиндровый мотор, работавший на бензине и, по словам немца-моториста, будто бы русской марки. Мотор

---

¹⁷⁵ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 92.

¹⁷⁶ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 93.

¹⁷⁷ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 94.

¹⁷⁸ АЯВ. TR 18/62 (1). Л. 65.

¹⁷⁹ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 95.

был установлен на деревянной раме и пускался, как только люди загонялись в камеры “душегубки”, причем выхлопная труба перекрывалась и открывался вентиль трубы, по которой отработанный газ поступал в “баню”. Этот мотор находился в машинном отделении через стенку от первой камеры»¹⁸⁰. В обязанности Н. Шалаева входило открывать и закрывать вентили, по которым отработанный газ поступал в камеры с обреченными на смерть людьми, запускать мотор, иногда помогать загонять людей в камеры¹⁸¹.

Н. Шалаев и И. Марченко не только «открывали и закрывали вентили». Вот как характеризовали их сотоварищи по преступлениям. Командир 2-го взвода группенвахман СС Александр Егерь на допросе 7 апреля 1948 г. показал: «Я видел лично сам, когда вахман по имени Николай – моторист душегубки (*Егерь говорит о Николае Шалаеве.* – Прим. А. Ш.) дал одному еврею нож и приказал ему самому резать себе горло. Еврей взял нож и стал резать <...>»¹⁸².

Вахман Самуил Прищ на допросе 2 августа 1961 г. свидетельствовал: «Марченко Иван 1917–1918 [г. р.], украинец, вместе в Треблинке с лета 1942 г. <...> прибыл со мной из Травников в группе вахманов, когда еще не производилось массовое уничтожение. В Треблинском лагере был мотористом “душегубки”, заводил мотор. Марченко был вооружен пистолетом, Постоянно участвовал в водворении жертв в “душегубку” и, будучи систематически в нетрезвом состоянии, отличался исключительной жестокостью к жертвам. Это был настоящий палач, выделявшийся еще своим высоким ростом. При его непосредственном участии были уничтожены миллионы жертв. (*Преувеличено, конечно.* – Прим. А. Ш.) <...> Вместе с Марченко массовое уничтожение людей отработанными газами производил Шалаев Николай. <...> Вместе со мной в Треблинке с лета 1942 г. до конца 1943 г. <...> Впервые увидел его, когда началось массовое уничтожение людей в камерах душегубки. Шалаев постоянно был пьян и ходил с собакой. Вооружен пистолетом»¹⁸³. Из допроса Э. Г. Шульца 10 мая 1961 г.: «Марченко <...> Шалаев <...> проявляли большую жестокость в обращении с обреченными людьми, а также личную инициативу в расстрелах»¹⁸⁴.

Сергей Василенко на допросах в сентябре 1961 г. сказал, что евреи из рабочих команд называли И. Марченко «Иван Грозный»: «Он проявлял особое зверство в обращении с людьми в процессе уничтожения, он избивал их с явно выраженным удовольствием, бил чем попало и как хотел <...> Шалаев и Марченко все время находились у газовых камер, там они и жили. В бараки, где проживали мы, вахманы, Шалаев и Марченко приходили очень редко»¹⁸⁵. Это явно указывает на особое положение мотористов, являвшихся, по сути, элитой среди вахманов.

Федор Федоренко на допросах в декабре 1985 г. дополнил характеристику И. Марченко и Н. Шалаева: «Возле входных ворот-дверей “душегубки” люди упирались, сопротивлялись, не хотели заходить внутрь “бани”. Поэтому находившиеся у дверей вахманы-мотористы Николай и Иван проявляли особую активность. <...> Вместе с немцами толкали узников, кричали на них, били палками, просто руками или ногами тех, кто медлил в проходе <...> и таким насильственным путем заталкивали обреченных в газовые камеры. <...> Помню следующие приметы Ивана. Он имел высокий рост, смуглое лицо, имел возраст около 30 лет. Николай среднего роста»¹⁸⁶.

П. Лелеко на допросе 21 февраля 1945 г. сказал, что «в Треблинке, когда обреченные подходили к душегубкам, мотористы Марченко и Шалаев кричали им: “Идите скорее, а то вода остынет”. Немцы и мотористы при этом соревновались в зверствах по отношению к людям, предназначенным к уничтожению. <...> Когда камеры набивались до отказа, немцы или мото-

¹⁸⁰ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 100, 105.

¹⁸¹ АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 106.

¹⁸² АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 128.

¹⁸³ АЯВ. TR-18/62 (15). Л. 107–109.

¹⁸⁴ АЯВ. TR-18/62 (1). Л. 84.

¹⁸⁵ АЯВ. TR-18/62 (6). Л. 83–84, 87.

¹⁸⁶ АЯВ. TR-18/41 (2). Л. 16; TR-18/41 (8). Л. 72.

ристы подходили к двери и плеткой начинали хлестать по обнаженным людям, одновременно натравливали на них собак. Люди уходили в глубь камеры, освобождая место для новых и новых смертников. Такое уплотнение производилось несколько раз, в результате в сравнительно небольшие камеры набивали по 700–800 человек. Когда камеры наполнялись до предела, прямо на головы людей немцы начинали бросать детей, оставленных женщинами либо в раздевалке, либо чаще всего на улице перед душегубкой. Так как потолок в камерах был очень низкий, то брошенные в камеру дети ударялись о потолок и, изуродованные, а иногда с разбитыми головами, падали на головы обреченных людей»¹⁸⁷.

Все ли вахманы участвовали в расстрелах?

Николай Сенник, служивший в Треблинке до осени 1943 г., на допросе 11 марта 1961 г. показал, что среди командного состава и рядовых вахманов этого лагеря смерти не было какого-либо постоянного разделения обязанностей: «Все вахманы, а также командиры взводов принимали непосредственное участие в уничтожении поступающих в лагерь людей, несли охрану лагеря, участвовали в оцеплении и разгрузке прибывших эшелонов со смертниками, загоняли их в “раздевалку” и “душегубку” <...> расстрелы в лагере проводились часто, были для вахманов обычным делом, мы не обращали внимание на то, кто именно участвовал в том или ином расстреле. К тому же, все вахманы были постоянно пьяные, все немцы и вахманы принимали участие в уничтожении <...> вахман не мог уклониться от расстрелов... В этом заключалась наша служба. <...> Помимо расстрелов рабочих команд, расстрелов в “лазарете”, мне, как и другим вахманам, неоднократно приходилось стрелять в прибывших во время разгрузки из вагонов. Они сбивались в кучу и мешали движению других заключенных к раздевалкам и душегубкам. Я не могу конкретизировать подобные факты стрельбы и расстрела <...> в то время для меня и других вахманов и немцев одиночные убийства были обыденным повседневным делом, на это не обращалось внимание. <...> Но я твердо знаю, что за время моей службы в Треблинском лагере смерти все до единого вахманы участвовали в расстрелах, избиениях, удушении людей в газовых камерах, ибо это было нашим повседневным обязательным делом, а людей уничтожалось так много, что увильнуть от этого было невозможно. Я не знаю ни одного случая, чтобы вахман уклонился от расстрелов или других действий, т. к. в условиях Треблинки это исключалось и могло повлечь за собой немедленную смерть»¹⁸⁸.

Мародеры

Все вахманы занимались мародерством и обогащались за счет уничтоженных евреев. Вахманы, находясь на посту у раздевалок и «касс», постоянно забирали себе часть вещей и денег, этому немцы не препятствовали, они следили лишь за тем, чтобы те не присваивали золото и драгоценности. Служивший в Треблинке травниковец И. Куринный на допросе 14 июня 1961 г. показал: «Мои товарищи всегда имели деньги в таком количестве, в каком они нам были необходимы. Брала мы себе только “злотые”, поскольку их охотнее всего принимали от нас местные польские жители»¹⁸⁹.

На допросе 9 апреля 1948 г. Александр Егерь отметил: «Я как командир взвода выделял вахманов своего взвода для производства массовых расстрелов. Некоторые вахманы без моего ведома уходили в “лазарет” и там производили расстрелы с целью грабежа ценных вещей и золота, так как при расстреле заключенных в “лазарете” их через “кассы” не пропускали и цен-

---

¹⁸⁷ АЯВ. JM-23/505. Л. 569.

¹⁸⁸ АЯВ. TR-18/62 (17). Л. 6–10.

¹⁸⁹ АЯВ. TR-18/62 (2). Л. 78–80.

ные вещи оставались при них. Вахманы, расстреливая заключенных, ценные вещи отбирали себе, а затем пропивали в окрестных селах»¹⁹⁰.

Некоторые вахманы жили не только сегодняшним днем, но задумывались и о послевоенном материальном благополучии. Они создавали его себе во время службы в лагерях смерти. Так, на допросе 27 февраля 1947 г. Николай Кулак, найденный и арестованный в Польше, сообщил следователю: находясь «в лагере смерти Треблинка, я набрал себе около 600 тысяч польских злотых, около полкилограмма золотых вещей и монет. На эти средства я проживал со своей женой Высоцкой Ириной в гор[одах] Варшава и Блохах и на них же в Гдыне открыл свой продуктовый магазин»¹⁹¹.

Отличившиеся активностью в уничтожении людей вахманы получали благодарности, отпуска домой, если их семьи проживали на оккупированной немцами территории. Так, например, специальными приказами Штрейбеля в 1942–1943 гг. были вынесены благодарности и отмечены за службу в Белжеце, Собиборе и Треблинке вахманы Федор Яворов и Алексей Милютин¹⁹². За особые заслуги и активную деятельность в окончательном решении еврейского вопроса некоторые награждались специальными медалями. В декабре 1942 г. Александр Егерь, командир взвода в лагере смерти Треблинка, получил серебряную медаль «Знак отличия для восточных народов II класса»¹⁹³.

Группенвахманы В. Чернявский, Ф. Левчишин и роттенвахман С. Василенко были награждены в октябре 1943 г. бронзовой медалью «Знак отличия для восточных народов I класса». Этой же награды удостоились Д. Робертус и В. И. Ялынчук (Еленчук). Кроме того, В. Чернявский, потерявший руку во время взрыва гранаты, брошенной одним из доставленных в Треблинку евреем¹⁹⁴, имел специальный значок за ранение¹⁹⁵.

Вахманов в местах службы посещали их жены. Так, в мае 1942 г. в Треблинку к Ивану Ткачуку приехала в гости жена. В его уголовном деле приведена фотография, на которой он запечатлен в мундире вахмана СС рядом с нею¹⁹⁶. И. Ткачук помнил о сыне и слал ему фотографию, на которой он изображен рядом с мотористом газовой камеры Иваном Марченко. Оба сфотографированы стоящими в вахманской форме, у И. Ткачука правая рука с пистолетом вытянута вперед. Фотография, сделанная в лагере смерти, замечательна трогательной надписью на обороте: «На память дорожному сыну Коле. 15.III.1943 года»¹⁹⁷.

Побеги вахманов из лагеря смерти Треблинка в 1942–1943 гг.

Некоторые из вахманов решались на побег из лагеря смерти Треблинка. Можно выделить несколько категорий сделавших опасный выбор, а также причины, приведшие их к совершению побега.

1. Большинство вахманов вовсе не раскаивались в совершенных ими преступлениях, а просто хотели спасти жизнь и уйти от возмездия. Они уходили, захватив награбленные ценности и деньги, женились на местных женщинах и жили по подложным документам. К этой группе примыкают и те вахманы, кто, получив двух-трехнедельный отпуск домой, не возвращался к месту службы.

---

¹⁹⁰ АЯВ. TR-18/62 (23). Л. 74.

¹⁹¹ АЯВ. TR-18/68 (4). Л. 147.

¹⁹² Black P. Foot Soldiers of the Final Solution: The Trawniki Training Camp and Operation Reinhard // Holocaust and Genocide Studies. 2011. Vol. 25. № 1. P. 39.

¹⁹³ АЯВ. TR-18/41 (14). Л. 92.

¹⁹⁴ АЯВ. TR-18/62 (23). Л. 17, 59, 70.

¹⁹⁵ АЯВ. TR-18/62 (4). Л. 2, 9, 20, 22, 35.

¹⁹⁶ АЯВ. TR-18/62 (6). Л. 13.

¹⁹⁷ АЯВ. TR-18/62 (6). Л. 12, 91–92.

2. Особо многочисленная категория беглецов-дезертиров – это те, кто верно и преданно служил немцам до апреля – мая 1945 г. и бежал словно крыса с тонущего корабля, переодевшись в гражданскую одежду. Они примыкали к многочисленным группам освобожденных военнопленных или оstarбайтеров, выдавая себя за них. К этой же категории относятся и те, кто в апреле – мае 1945 г. вступал в ряды югославских и итальянских партизан.

3. Однако были такие, которые, уже даже став убийцами, готовы были пойти на риск и пытались искупить вину побегом и кровью. Эти вахманы выбирали путь борьбы с немцами, присоединяясь к партизанам. Беглецы тоже боялись наказания, поэтому скрывали службу в лагерях смерти, но они раскаивались в содеянном, хотели отомстить за страдания в лагерях для военнопленных и за совершенные совместно преступления. Таким образом, для большинства вахманов решающим стимулом для трудного выбора: оставаться в рядах убийц и изменников, встать на путь борьбы с немцами или просто бежать и всевозможными способами скрыть сотрудничество с врагом, были победы Красной Армии, особенно после разгрома немцев под Сталинградом в феврале 1943 г.

Одним из первых осенью 1942 г. бежал из Треблинки служивший в лагере со дня его основания вахман Певцов, до войны солист одного из московских театров, попавший в плен в 1941 г.¹⁹⁸ В октябре 1942 г. бежал из Треблинки вахман Михаил Бородин¹⁹⁹.

Роттенвахман СС Сергей Василенко, служивший в Треблинке с июня 1942 г. до осени 1943 г., и обервахман СС Михаил Горбачев, служивший в Треблинке с сентября 1942 г. до марта 1943 г., во время процесса в Киеве на судебном заседании 21 марта 1962 г. показали: «Бежать из Треблинского лагеря смерти было очень трудно. Вахманы Хохлов, Поляков и другие бежали из лагеря, но они были пойманы поляками. Приведены в лагерь. <...> Всех вахманов выстроили возле “лазарета” и всех их расстреляли. <...> Поэтому бежать из лагеря было бесцельно. <...> Поляки выдавали бежавших из Треблинского лагеря вахманов потому, что были запуганы немцами»²⁰⁰.

В феврале 1943 г. из Треблинки бежал вахман Сергей Сергеев, служивший в лагере с августа 1942 г. Он был пойман в лесу и передан гестапо. Вместе с ним бежал и Владимир Хлопячий, который добрался до Варшавы и жил под чужой фамилией²⁰¹.

В июле 1943 г. бежали из Треблинки обервахманы Василий Руденко и Николай Осичанский²⁰². Оба под чужими фамилиями жили в Варшаве. Вахман Алексей Поляков также бежал из Треблинки, однако, по словам его сослуживца Кирьянова, был убит²⁰³. Вахман Талич (Тадич), до войны проживавший в Воронежской области, в июле 1943 г. пытался бежать из Треблинки, но был пойман и расстрелян²⁰⁴. Расстрелы совершались для устрашения других вахманов и подавляли волю к сопротивлению. Однако побеги не прекращались. Тем же летом 1943 г. из Треблинки бежал и вахман Василий Бульченко²⁰⁵.

Об обстоятельствах некоторых побегов известно более подробно. Надо отметить, что ни один из вахманов, совершивших побег не к партизанам, а с целью начать новую жизнь в Польше со своими друзьями, не бежал с пустыми руками. В начале сентября 1943 г. из Треблинки бежал обервахман Павел Лелеко. Его девушка Модеста Боровая, с которой он состоял в интимных отношениях, происходила из деревни Кутаски, что неподалеку от Треблинки. Она

---

¹⁹⁸ АЯВ. JM-23/505. Л. 555.

¹⁹⁹ АЯВ. TR-18/42 (3). Л. 238.

²⁰⁰ АЯВ. TR-18/62 (36). Л. 93, 101–102.

²⁰¹ АЯВ. JM-23/505. Л. 552, 555; TR-18/62 (33). Л. 83, 86–87.

²⁰² АЯВ. JM-23/505. Л. 555–556; TR-18/62 (33). Л. 86.

²⁰³ АЯВ. TR-18/42 (3). Л. 238.

²⁰⁴ АЯВ. TR-18/62 (17). Л. 36.

²⁰⁵ АЯВ. JM-23/505. Л. 552.

раздобыла для возлюбленного фальшивый паспорт на имя Казимира Возняка. За этот документ П. Лелеко заплатил 10 тыс. злотых. По его словам, при побеге из лагеря он взял с собой ценности – 55 руб. золотом, 12 золотых колец, 100 долларов и несколько золотых часов. После побега П. Лелеко вместе с девушкой перебрался в Варшаву, где работал на железной дороге Варшава – Прага до момента ареста²⁰⁶.

В октябре 1943 г. дезертировал из Треблинки и проживал в Варшаве под фамилией Калиновский до своего ареста вахман Михаил Кирьянов²⁰⁷. Вахман Иван Ткачук перед ликвидацией лагеря смерти Треблинка бежал в ноябре 1943 г. в город Люблин, а затем в Гдыню. В феврале 1950 г. он, боясь ареста за службу у немцев, пытался перебраться из Польши в Швецию, но 14 февраля был задержан в порту Гдыня на борту шведского парохода и передан польскими властями командованию Советской Армии²⁰⁸.

Колонисты-охранники лагеря смерти

В конце 1943 г. после ликвидации лагеря смерти Треблинка кирпичные здания и душегубку разломали, ямы заровняли, пепел сожженных трупов смешали с песком и рассеяли по полю. Всю территорию лагеря вспахали и посеяли траву люпин (люцерну). На месте лагеря построили кирпичный дом²⁰⁹. Цугвахманам СС Освальду Штрейбелю (в советских документах – Штрейбель), Александру Егерю и обервахману СС Николаю Демидюку было приказано остаться на территории бывшего лагеря и охранять его, «чтобы местное население на территорию лагеря не допускать»²¹⁰.

Построенный кирпичный дом немцы записали на Освальда Штрейбеля и разрешили ему привезти семью. На допросе 15 апреля 1948 г. А. Егерь показал: «Штрейбель привез в Треблинку свою жену – Штрейбель Антонину, и тещу (фамилию не знаю), и сестру жены – Верман Эльфриду с двумя детьми. Немецкое командование Треблинского лагеря № 1, а именно фон Ойпен, которому мы были подчинены, выдал в личное пользование Штрейбелю две лошади, две коровы, телку, овец, кур и свиней <...> вместе со Штрейбель выезжал в Житомирскую область за своей семьей и Николай Демидюк, но по неизвестной мне причине семью не привез. В конце 1943 г. женился на полячке. <...> В январе 1944 г. фон Ойпен разрешил мне жениться на украинке Тимофеевко Надежде Евстафьевне, которая работала официанткой в Треблинском лагере смерти. Я с ней жил до 15 июля 1944 г. на территории Треблинки»²¹¹.

Николай Демидюк, женившись на полячке, с ее помощью приобрел документы на имя Павла Степановича Григорчука, уроженца с. Руда Холмского повята Люблинского воеводства. Однако продолжал служить под фамилией Демидюк²¹².

Чтобы представить, в каком месте счастливо жили семьи троих «поселенцев» в 1944 г., как и где играли их дети, чем они дышали, приведу строки из бюллетеня Главной комиссии по расследованию немецких зверств в Польше. Речь идет о лете 1945 г. В результате судебно-медицинского осмотра территории лагеря Треблинка установлено, что «имеется масса пепла, смешанного с песком. В песке встречаются многочисленные человеческие кости, часто с остатками разлагающегося мяса. <...> На расстоянии несколько сот метров чувствуется противный

---

²⁰⁶ АЯВ. JM-23/505. Л. 509, 536, 601.

²⁰⁷ АЯВ. TR-18/42 (3). Л. 237; TR-18/62 (33). Л. 79.

²⁰⁸ АЯВ. М-37/290. Л. 2–3.

²⁰⁹ АЯВ. TR-18/68 (33). Л. 132.

²¹⁰ АЯВ. TR-18/68 (33). Л. 133.

²¹¹ АЯВ. TR-18/68 (33). Л. 133, 144. В других документах указано имя Анастасия. См.: АЯВ. TR-18/62 (23). Л. 67, 75; М-37/290. Л. 224–225.

²¹² АЯВ. М-37/290. Л. 224–225.

запах паленого и разложения, усиливающийся при приближении»²¹³. Можно предположить, что вахманы привыкли к тошнотворному запаху разлагающихся тел. А как чувствовали себя семьи – жены и дети – вахманов, жившие и игравшие даже вовсе не на кладбище...

Возмездие

Всего за время существования лагеря смерти Треблинка в нем в разное время служили более 240 вахманов. Поиски их велись спецслужбами СССР с 1944 по 1988 г. Нижеследующие неполные списки составлены по документам следствия. К высшей мере наказания были приговорены и приговор приведен в исполнение в отношении 45 вахманов СС, служивших в лагере смерти Треблинка: Бородин Дмитрий, Бондарь Петр, Василенко Сергей, Гапиенко Григорий, Горбачев Михаил, Гончаров Петр, Егерь Александр, Левчишин Филипп, Карплюк Яков, Кириянов (Калиновский) Михаил, Козлов Павел, Коротких Дмитрий, Кулак Николай, Куринный Иван, Лелеко Павел, Мачулин Иван, Полищук-Шкарупо Михаил, Остапенко Андрей, Парфенюк Евдоким, Прищ Самуил (Евгений), Рекало Никита, Рожанский Валентин, Рябеко Федор, Рябцев Прокофий, Сеник Николай, Сирота Григорий, Скакодуб Николай, Стрельцов Антон, Терехов Иван, Ткачук Иван, Федоренко Федор, Шалаев Николай, Шевченко Иван, Шульц Эммануил, Федоров Николай, Щербак Николай, Ялынчук (Еленчук) Василий, Аккерман А. В., Бесовский С. И., Денисенко Ф. Т., Ихно (Ивахненко) И. Г., Пащенко Н. Ф., Паевщик Н. В., Олюнин В. В., Шенмайер Ф. Г.

Значительная часть из 194 нижеперечисленных вахманов была найдена и приговорена к различным срокам заключения в ИТЛ сроком на 25 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет (на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. об отмене смертной казни)²¹⁴. Однако после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», многие из осужденных, которым удалось скрыть участие в карательной деятельности, были амнистированы и в 1955–1956 гг. вышли на свободу. Позже некоторые из них были привлечены к ответственности «по вновь открывшимся обстоятельствам» и приговорены к расстрелу. Их фамилии входят в первый список. Некоторые убийцы так и не были найдены, другие нашли убежище в США, ФРГ, Австралии. Известно, что травниковцы Михаил Дудник и Петр Шилов обосновались в Австралии, а их сослуживец Федор Федоренко – в США, но в 1984 г. он все-таки был депортирован в СССР.

Алексеев Иван, Алексеенко Яков, Бабенко Федор (Петр), Балакарь (Болокарь) Ефим, Бежан Жорж, Бинеман Франц, Бобрик Андрей, Бондаренко Йохан (Иван), Бондаренко Николай, Борисенко Иван, Бородиняк Михаил, Боющик (Бающик) Николай, Браун Анатолий, Брик Федор, Бульченко Василий, Буряк Яник, Бучаринов Петр, Вагнер Йохан (Иван), Ведерников Михаил, Вилчун Федор, Вилчинский Владимир, Войтенко Дмитрий, Волошенко Александр, Вороньков (Воронко) Василий, Галескерев Анвар, Гиатулин Касым, Гирманчук Иван, Говоров Леонид, Губер Иван, Деменчук Иван, Демиденко Николай, Демидюк Николай (Григорчук Павел), Демитренко Андрей, Донченко Петр, Дорофеев Николай, Доценко Денис, Дудник (Дудников) Михаил, Душенко Федор, Дьяченко Семен (Григорий), Дьячук Роман, Жук Иван, Журавлев Василий, Завиденко Трофим, Звездун Иван, Зинковский Петр, Кайзер Александр, Кандзюба Иван, Каплун Леонид, Кейр Эвальд, Керезор Яков, Кирилюк Василий, Коваленко Жорж, Коваль Петр, Козлов (Козловский) Павел, Кондратенко Иван, Коротких (Пилсудский) Михаил, Кравцов Иван, Кравченко Корней, Кривенко Иван, Кроворотенко Петр, Кудашенко Тодя (Иван), Кудель Виктор, Кузминский Ананий, Кулинич Алексей, Лебеденко Николай, Лис-

²¹³ АЯВ. TR-18/68 (33). Л. 222. В деле документ на русском языке переведен с польского.

²¹⁴ АЯВ. TR-18/62 (7). Л. 29, 40, 44.

ковский Михаил, Литвинов Федор, Мазур Петр, Малогон Николай, Макаренко Иван, Малышев Николай, Манзюк Михаил, Марко Йозеф, Марченко Иван, Мартошенко Филипп (Михаил), Матус Карл, Мельник Григорий (Федор), Мещеряков Иван, Милютин Алексей, Михайлов Иван, Москаленко Александр, Москалев Степан, Москун Иван, Мундир Анатолий, Нагорный Леонид, Недозрелов Николай, Никитин Федор, Овсянников Василий, Осичанский Николай, Орунеа Арно, Островерг Иосиф, Павлий Николай, Попрыщен Иван, Паращенко Александр, Пашков Семен, Поляков Алексей, Понамарев (Пономарь), Иван Попов, Прохоренко Дмитрий, Прохоренко Кирилл, Радченко Петр, Резниченко Григорий, Ритих Александр, Робертус Давид, Романчук Александр, Рубец Григорий, Руденко Василий, Рябоконь Филипп, Рябчинский Виктор, Савенко Яков, Савицкий Василий, Савчук Роман, Садыков Саки, Саитов Абдурахман, Сафонов Иван, Сафронов Борис, Сергеев Сергей, Сидоренко Григорий, Синковский (Зинковский) Петр, Сиротенко Александр, Скидан Егор, Стежка Иван, Склюдов Иван, Степаненко Константин, Столетний Григорий, Тадич Петр, Тарасов Иван, Титаренко Владимир, Ткачук Григорий, Унрау Якоб, Усов Николай, Устюченко Михайло (Михаил), Фоменко Василий, Хайда Бронислав, Хайчук (Гайчук) Франц, Хамулин Виктор, Харьковский Семен, Хлопячий Владимир, Циба Станислав, Цицурин Иван, Чаусов Жорж, Чернявский Владимир, Черняков Григорий, Чичмаренко Николай, Чурилов Вильгельм (Василий), Феслер Пауль (Павел), Филиппов Иван, Шапар (Шапаров) Иван, Шарковский (Черковский) Семен, Шевченко Тимофей, Шейко Михаил, Шефер Николай, Шилов Владимир (Василий), Шилов Петр, Ширяев Василий, Шпак Димитрий, Штрейбель Освальд, Шишаев Николай (Василий), Юшкин Александр, Яворов Федор, Янович Владимир, Ярош Дмитрий., Нуртдинов Н. С., Галактионов В. П., Белан, Бернацкий, Бугаенко, Ведерников, Волосян, Квашук, Лесковский, Лех, Лисичанский, Михайлюк, Драгальчук, Поляков, Сенников, Удовенко, Черников, Шибен (Щибен), Шуст, Гадискаров, Певцов, Феликс, Хелюк.

В Треблінке № 1 служили вахманы: Аманавичус Владас, Балчис Вильгельм, Гузганов Яков, Колгушкин, Кобылко Андрей, Лейч Николай, Свитерский Франц, Кайрис Людвиг, Лукоша, Янушкин.

Документальные приложения

1. Приговор Военного трибунала Киевского военного округа, 31 марта 1962 г.

31 марта 1962 года. Военный Трибунал Киевского военного округа в составе: председательствующего полковника юстиции Захарченко и народных заседателей капитана Кононова и старшины Клименчука, при секретарях Лавриненко и Чепелюк, с участием ст[аршего] пом[ощника] военного прокурора КВО подполковника юстиции АРИКЪЯНЦА и адвокатов ГЛАБАЙ, МАКСИМЕНКО, НИКОЛАЕВА, ГРЕХОВА, СМОЛЕНСКОГО, БОЛХОВИТИНОВА и КАРПЕНКО в закрытом судебном заседании в городе Киеве рассмотрел дело по обвинению бывших военнослужащих Советской Армии:

1) ГОРБАЧЕВА Михаила Петровича, 1922 года рождения, уроженца села Ардабьево Елатомского района Рязанской области, русского, беспартийного, с образованием в объеме 9 классов, женатого, до ареста проживавшего в гор[оде] Ангарске Иркутской области и работавшего слесарем-сантехником предприятия п/я 86/1;

2) ВАСИЛЕНКО Сергея Степановича, 1917 года рождения, уроженца и жителя села Ленино Радомышльского района Житомирской области, украинца, беспартийного, с образованием в объеме 3 классов, женатого, до ареста работавшего в колхозе по месту жительства;

3) ПРИЩА Самуила Мартыновича, 1913 года рождения, уроженца и жителя села Молчановка Ракитнянского района Киевской области, украинца, беспартийного, с образованием в объеме 2 классов, женатого, до ареста работавшего в колхозе по месту жительства;

4) ГОВОРОВА Алексея Евсеевича, 1916 года рождения, уроженца села Малиново Краснотарского района Орловской области, русского, беспартийного, с образованием в объеме 7 классов, женатого, до ареста проживавшего в пос[елке] Кулига указанного выше района и области и работавшего в колхозе «40 лет Октября»;

5) ТЕРЕХОВА Ивана Сергеевича, 1922 года рождения, уроженца деревни Тереховка Солнцевского района Курской области, русского, беспартийного, с образованием в объеме 7 классов, женатого, до ареста проживавшего в пос[елке] Нелькан Оймяконского района Якутской АССР и работавшего диспетчером автопарка прииска Нелькан;

6) КАРПЛЮКА Якова Андреевича, 1916 года рождения, уроженца села Кошелев Новоград-Волынского района Житомирской области, украинца, беспартийного, с образованием в объеме 4 классов, женатого, до ареста проживавшего в селе Токарев указанного выше района и области и работавшего в колхозе;

7) ЛЕВЧИШИНА Филиппа Федоровича, 1913 года рождения, уроженца и жителя села Мазуровка Тульчинского района Винницкой области, украинца, беспартийного, с образованием в объеме 5 классов, женатого, до ареста работавшего дезинфектором Тульчинской районской больницы;

8) КУРИННОГО, его же КУРЕННОГО, Ивана Николаевича, 1921 года рождения, уроженца села Петропавловки Городищенского района Черкасской области, украинца, беспартийного, с образованием в объеме 7 классов, женатого, до ареста проживавшего в гор[оде] Багратионовске Калининградской области и работавшего стрелочником жел[езно]дор[ожной] станции Багратионовск;

9) БОРОДИНА Дмитрия Андреевича, 1918 года рождения, уроженца пос[елка] Маслов Хутор Воловского района Тульской области, русского, беспартийного, с образованием в объеме 5 классов, женатого, до ареста проживавшего в гор[оде] Железнодорожск Курской области и работавшего мастером дорожно-строительного района № 5;

10) ПАРФИНЮКА Евдокима Семеновича, 1910 года рождения, уроженца и жителя села Терновки Новоград-Волынского района Житомирской области, украинца, беспартийного, с образованием в объеме 3 классов, женатого, до ареста проживавшего по месту жительства и работавшего в колхозе;

11) ШУЛЬЦА Эммануила Генриховича, его же ВЕРТОГРАДОВА Эммануила Григорьевича, 1919 года рождения, уроженца города Брянска, русского, беспартийного, с образованием в объеме 7 классов, женатого, до ареста проживавшего в городе Печора Коми АССР и работавшего инженером по труду и зарплате в Печорском лесокombинате, в совершении ими преступления, предусмотренного ст[атьей] 56 УК УССР.

Военный Трибунал КВО

УСТАНОВИЛ:

Немецко-фашистские захватчики в период Второй мировой войны, осуществляя свои преступные планы массового истребления мирного населения временно оккупированных ими стран, создали сеть концлагерей и лагерей смерти, в которых изуверскими способами истребляли миллионы ни в чем неповинных граждан.

Так, летом 1942 г. в 3–4 км юго-восточнее жел[езно]дор[ожной] станции Треблинка на территории Польши гитлеровцы создали Треблинский лагерь смерти, в который они свозили с оккупированных стран Европы, в том числе и временно оккупированных районов Советского Союза, еврейское население и лиц других национальностей. Доставленные в указанный лагерь люди в специальных газовых камерах и путем расстрелов уничтожались «Зондеркомандой СС», состоявшей из немцев и вахманов, набранных из числа изменников Родины, прошедших специальную подготовку в учебном лагере «СС» в местечке Травники (Польша).

Предназначенные для истребления люди доставлялись в лагерь в закрытых железнодорожных вагонах, из которых на лагерной ветке их выгружали вооруженные эсэсовцы и вах-

маны. Во время выгрузки людей с целью скрыть истинное назначение лагеря последним объясняли, что они должны в лагере пройти санитарную обработку, после чего будут отправлены на работу. Под этим предлогом выгруженных людей немцы и вахманы гнали в т. н. раздевалки, где заставляли обреченных мужчин, женщин и детей раздеваться донага, отбирали у них ценности, отрезали женщинам волосы, после чего по специальному проходу голых людей силой загоняли в газовые камеры, в которых они удушались отработанным газом двигателя внутреннего сгорания.

Трупы умерщвленных людей из газовых камер извлекались и скидывались вначале в большие ямы, а затем на специальных устройствах сжигались.

Мужчин, женщин, стариков и детей, которые не могли самостоятельно дойти до газовых камер, относили в т. н. «лазарет», представлявший собой в действительности яму, огороженную проволочным заграждением, где они расстреливались немцами и вахманами.

Одежда и ценности, отобранные у жертв, а также срезанные человеческие волосы немцами отправлялись в Германию.

Часть ценностей, отобранных у жертв, присваивали себе вахманы, на которые они систематически пьянствовали и вели разгульный образ жизни.

Треблинский лагерь смерти непрерывно функционировал 13 месяцев. За это время там истреблено в газовых камерах и путем расстрелов сотни тысяч ни в чем неповинных людей.

Весной 1942 г.²¹⁵ в Люблинском воеводстве (Польша) недалеко от станции Сабимбор²¹⁶ немцы построили аналогичный Треблинскому – Сабимборский лагерь смерти. В этом лагере в газовых камерах и путем расстрелов с весны 1942 г. и до ноября 1943 г. немцы и вахманы истребили около 300 тысяч граждан, привезенных в лагерь из различных стран Европы и временно оккупированных районов Советского Союза.

Подсудимые по настоящему делу ГОРБАЧЕВ, ВАСИЛЕНКО, ПРИЩ, ГОВОРОВ, ТЕРЕХОВ, КАРПЛЮК, ЛЕВЧИШИН, КУРИННЫЙ, он же КУРЕННОЙ, БОРОДИН, ПАРФИНЮК и ШУЛЬЦ, он же ВЕРТОГРАДОВ, будучи военнослужащими Советской Армии, в начальный период Отечественной войны были пленены немецко-фашистскими войсками и помещены в лагерь для военнопленных.

Находясь в указанных лагерях, они, изменив Родине, перешли на службу к врагу в «Зондеркоманды СС» в качестве вахманов и в 1942–1943 гг. приняли активное участие в массовом истреблении граждан в Треблинском и Сабимборском лагерях смерти, а также в охране заключенных в других концлагерях.

Преступная деятельность каждого из подсудимых выражается в следующем:

1) ГОРБАЧЕВ, будучи военнослужащим Советской Армии, в мае 1942 г[ода] попал в плен к немцам. Находясь в лагере для военнопленных в гор[оде] Ровно, летом 1942 года изменил Родине, поступил на службу в немецкие формирования СС и был направлен для прохождения специальной подготовки в учебный лагерь СС в м[естечко] Травники (Польша). В указанном лагере дал письменное обязательство на верность службы фашистской Германии.

По окончании обучения в Травниковском лагере СС ГОРБАЧЕВ в звании вахмана был направлен в гор[од] Варшаву, где нес вооруженную охрану еврейского гетто. В августе – сентябре 1942 года вместе с другими вахманами конвоировал из Варшавского гетто в Треблинский лагерь смерти эшелон с обреченными на уничтожение людьми, где и был оставлен для дальнейшего прохождения службы в «Зондеркоманде СС».

Будучи вахманом, ГОРБАЧЕВ до февраля – марта 1943 года помимо охраны лагеря систематически принимал непосредственное участие в массовом уничтожении доставлявшихся в лагерь людей путем удушения их в газовых камерах и расстрелов.

---

²¹⁵ Выделенная фраза обведена ручкой.

²¹⁶ Здесь и далее именно такое написание. Правильно – Собибор.

Вместе с немцами и другими вахманами выгружал людей из вагонов, гнал их в раздевалки, а затем загонял раздетых людей в газовые камеры, в которых они умерщвлялись.

Кроме того, ГОРБАЧЕВ неоднократно расстреливал в т. н. «лазарете» больных людей, прибывших в эшелоне, которые не могли самостоятельно следовать в газовые камеры, а также участвовал в групповом расстреле рабочей команды лагеря, состоявшей из обреченных на смерть евреев.

В феврале – марте 1943 года ГОРБАЧЕВ был переведен в лагерь смерти Сабимбор, где в течение двух недель в составе «Зондеркоманды СС» этого лагеря нес охранную службу и участвовал в уничтожении людей, доставлявшихся эшелонами в лагерь.

С весны 1943 г[ода] до апреля 1945 г[ода] ГОРБАЧЕВ нес вооруженную охрану заключенных в немецких концлагерях Аушвиц (Освенцим), Бухенвальд и других. В начале 1944 г. ему было присвоено очередное звание «обервахмана СС».

Виновность ГОРБАЧЕВА в судебном заседании доказана личным признанием осужденного. Он подтвердил в суде, что, будучи вахманом, принимал непосредственное участие в массовом истреблении людей в газовых камерах и путем расстрелов в т. н. «лазарете», а также расстреле рабочей команды, всего им лично расстреляно около 12 человек. В лагере смерти Сабимбор также участвовал в уничтожении людей в газовых камерах и нес охрану заключенных в других концлагерях.

Кроме того, виновность ГОРБАЧЕВА подтверждается показаниями других подсудимых по этому делу ПРИЩА, ГОВОРОВА, ЛЕВЧИШИНА, КУРИННОГО, а также показаниями свидетелей БУЗИННОГО, КУЗЬМИНСКОГО, ПЕЧЕРСКОГО, СЕНИКА и других.

2) ВАСИЛЕНКО, проходя службу в действующей Советской Армии, в августе 1941 г[ода] был пленен немецкими войсками и помещен в Холмский лагерь военнопленных. Находясь в плену, изменил Родине и поступил на службу в немецко-фашистские формирования СС.

С осени 1941 г[ода] и до марта 1942 г[ода] ВАСИЛЕНКО проходил специальную подготовку в учебном лагере СС в м[естечке] Травники (Польша), где дал письменное обязательство преданно служить немцам. Там же ему было присвоено звание «обервахмана СС». В период пребывания в Травниковском учебном лагере СС участвовал в облавах на еврейское население.

По окончании обучения был направлен для несения службы в гор[оде] Люблин, где до июня 1942 г[ода] вместе с немцами и другими вахманами участвовал в облавах на еврейское население и доставке его в Люблинское гетто, охранял еврейское гетто и конвоировал из него людей на станцию Люблин, откуда они эшелонами отправлялись в лагеря смерти. Неоднократно из гор[ода] Люблина сопровождал эшелоны с еврейским населением в лагеря смерти²¹⁷.

С лета 1942 г[ода] до осени 1943 г[ода] ВАСИЛЕНКО находился в «Зондеркоманде СС» Треблинского лагеря смерти, где систематически принимал непосредственное участие в массовом истреблении людей: участвовал в выгрузке обреченных из вагонов, загонял их в раздевалки и в газовые камеры.

Кроме того, ВАСИЛЕНКО неоднократно участвовал в одиночных и групповом расстрелах, в том числе в т. н. «лазарете».

В Треблинском лагере смерти ВАСИЛЕНКО было присвоено звание «роттенвахмана СС».

С конца 1943 г. и до марта 1945 г. ВАСИЛЕНКО служил в батальоне СС «Мертвая голова» и нес вооруженную охрану концлагеря Штудгоф²¹⁸.

²¹⁷ Большая часть Люблинского гетто была уничтожена в марте – апреле 1942 г. Оставшихся евреев свели в «малое гетто» в районе Майдан-Татарски. Непосредственно около города находился концлагерь Майданек, однако до осени 1942 г. в нем не осуществлялись конвейерные убийства.

²¹⁸ Обычно в русском языке пишется как Штутгоф (концлагерь находился на окраине Данцига).

Виновность ВАСИЛЕНКО в судебном заседании полностью доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ПРИЩА, КАРПЛЮКА, ТЕРЕХОВА, ЛЕВЧИШИНА, КУРИННОГО, БОРОДИНА, ПАРФИНЮКА, показаниями свидетелей КУЗЬМИНСКОГО, СЕНИКА, РЯБЦЕВА и других, подтвердивших, что ВАСИЛЕНКО принимал непосредственное участие во всех операциях по уничтожению людей.

Подсудимый ВАСИЛЕНКО подтвердил в суде, что он за время службы в Треблинском лагере смерти принимал участие в массовом уничтожении людей путем загона их в газовые камеры, а также путем одиночных и группового расстрелов, лично застрелив около 10–15 человек.

3) ПРИЩ, являясь военнослужащим Советской Армии, в августе 1941 г[ода] был пленен немецкими войсками, после чего осенью 1941 г[ода] изменил Родине, перешел на службу к немцам и был направлен в учебный лагерь СС в м[естечке] Травники (Польша) для прохождения специальной подготовки на вахмана.

В период нахождения в Травниковском лагере СС принимал участие в облавах на еврейское население в окрестных селах, а также выезжал в гор[од] Люблин, где нес охрану еврейского гетто.

С лета 1942 г[ода] до осени 1943 г[ода] ПРИЩ проходил службу в «Зондеркоманде СС» Треблинского лагеря смерти, в котором принимал непосредственное участие в массовом истреблении ни в чем неповинных граждан: выгружал из эшелонов доставленных в лагерь людей, гнал их в раздевалки, а затем в газовые камеры, где они удушались отработанным газом.

Кроме того, ПРИЩ неоднократно расстреливал людей в т. н. «лазарете» Треблинского лагеря смерти и принимал участие в групповом расстреле лиц из рабочей команды. В указанном лагере ему было присвоено звание «обервахмана СС».

С осени 1943 г[ода] до апреля 1945 г[ода] ПРИЩ в составе батальона СС «Мертвая голова» нес охрану Штудгофского концлагеря.

Виновность ПРИЩА в судебном заседании полностью доказана его личным признанием. В суде ПРИЩ подтвердил, что он принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей в Треблинском лагере смерти путем удушения их в газовых камерах, а также расстрелов. Всего им лично расстреляно около 12–15 человек.

Кроме того, виновность ПРИЩА подтверждается показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ВАСИЛЕНКО, КАРПЛЮКА, ТЕРЕХОВА, КУРИННОГО; показаниями свидетелей ТКАЧУКА, СЕНИКА, подтвердивших участие ПРИЩА в массовом уничтожении людей в Треблинском лагере смерти.

4) ГОВОРОВ, являясь военнослужащим Советской Армии, в июле 1941 г[ода] попал в плен к немцам, после чего, изменив Родине, перешел на службу к немецко-фашистским захватчикам.

С осени 1941 г[ода] до весны 1942 г[ода] проходил специальное обучение в Травниковском учебном лагере СС, где дал письменное обязательство на верность немецко-фашистским захватчикам. После обучения в указанном лагере был направлен в гор[од] Люблин, где нес вооруженную охрану еврейского гетто и сопровождал эшелоны в Треблинский лагерь смерти, после чего был оставлен в этом лагере для дальнейшего прохождения службы в «Зондеркоманде СС».

Будучи вахманом Треблинского лагеря смерти, ГОВОРОВ систематически принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей в специально оборудованных для этого газовых камерах. Вместе с немцами и другими вахманами ГОВОРОВ производил разгрузку людей из вагонов, гнал их в раздевалки, а затем по специальному проходу загонял их в газовые камеры, где они удушались отработанным газом.

Кроме того, ГОВОРОВ участвовал в групповом расстреле рабочей команды, а также расстреливал в т. н. «лазарете» больных и стариков, которые не в состоянии были самостоятельно дойти до газовых камер.

В начале 1943 г[ода] ГОВОРОВ был переведен в «Зондер-команду СС» лагеря смерти Сабимбор, где в течение 2–3 недель он участвовал в уничтожении людей.

С марта 1943 г[ода] до конца 1944 г[ода] ГОВОРОВ нес вооруженную охрану концлагерей Аушвиц (Освенцим), Бухенвальд и Дора, участвовал в конвоировании группы цыган к месту расположения крематория. В конце 1944 г[ода] ГОВОРОВ перешел на службу во владимирскую армию, т. н. «РОА», в которой он находился до конца войны.

В судебном заседании ГОВОРОВ показал, что он, находясь на службе у немцев в лагерях смерти, принимал непосредственное участие в массовом уничтожении ни в чем не повинных людей путем удушения их в газовых камерах и расстрелов. В суде ГОВОРОВ заявил, что он лично расстрелял около 15 человек.

Кроме того, виновность ГОВОРОВА в суде подтверждена показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ЛЕВЧИШИНА, БОРОДИНА и ПАРФИНИЮКА о том, что он, ГОВОРОВ, в немецких лагерях смерти непосредственно участвовал в массовом уничтожении людей.

5) ТЕРЕХОВ, являясь военнослужащим Советской Армии, летом 1941 года был пленен немцами и помещен в лагерь военнопленных.

Находясь в плену, ТЕРЕХОВ в декабре 1941 года, изменив Родине, перешел на службу к врагу и был направлен для прохождения специальной подготовки в Травниковский учебный лагерь СС.

Весной 1942 г[ода] из Травниковского лагеря СС был направлен в гор[од] Люблин, где нес вооруженную охрану еврейского гетто, участвовал в облавах на еврейское население, конвоировал людей для погрузки в эшелоны.

Летом 1942 г[ода] ТЕРЕХОВ был переведен в Треблинский лагерь смерти, где он проходил службу в составе «Зондеркоманды СС» до осени 1943 года.

Находясь в указанном лагере, ТЕРЕХОВ, кроме вооруженной охраны лагеря, принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей путем их удушения в газовых камерах и расстрелов.

Неоднократно вместе с немцами и другими вахманами участвовал в выгрузке людей из эшелонов, загонял их в раздевалки, а оттуда по специальному проходу в газовые камеры, где они умерщвлялись.

Кроме того, ТЕРЕХОВ принимал участие в одиночных и групповых расстрелах людей, доставленных в Треблинский лагерь смерти для их уничтожения.

С осени 1943 г[ода] до марта 1945 г[ода] ТЕРЕХОВ в составе батальона СС «Мертвая голова» нес вооруженную охрану Штудгофского концлагеря.

Виновность ТЕРЕХОВА в судебном заседании полностью доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА и ВАСИЛЕНКО, подтвердивших участие ТЕРЕХОВА в групповом расстреле граждан.

Кроме того, виновность ТЕРЕХОВА в суде подтверждена показаниями подсудимых ПРИЩА, КАРПЛЮКА, КУРИННОГО и БОРОДИНА, показавших, что ТЕРЕХОВ в Треблинском лагере смерти принимал непосредственное участие в массовом истреблении еврейского населения.

Подсудимый ТЕРЕХОВ в суде подтвердил, что он в т. н. «лазарете» в Треблинском лагере смерти лично застрелил 3 человек. Кроме того, участвовал в расстреле 2 человек, пытавшихся совершить побег из эшелона.

6) КАРПЛЮК, являясь военнослужащим Советской Армии, в июле 1941 г[ода] был пленен немецкими войсками и помещен в лагерь военнопленных.

Находясь в плену, КАРПЛЮК осенью 1941 г[ода], изменив Родине, поступил на службу в немецкие формирования СС, после чего до лета 1942 г[ода] проходил специальную подготовку в Травниковском лагере СС, где дал письменное обязательство на верность службы немцам.

По окончании обучения в Травниковском учебном лагере СС КАРПЛЮК летом 1942 г[ода] был направлен в «Зондеркоманду СС» Сабимборского лагеря смерти, в котором в течение трех месяцев принимал непосредственное участие в истреблении людей.

С осени 1942 г[ода] по осень 1943 г[ода] КАРПЛЮК служил в «Зондеркоманде СС» Треблинского лагеря смерти, в котором он также принимал непосредственное участие в массовом истреблении людей: выгружал их из вагонов, гнал в раздевалки, а затем в газовые камеры, где они умерщвлялись отработанным газом.

Кроме того, КАРПЛЮК участвовал в расстреле в т. н. «лазарете» доставлявшихся туда из эшелонов граждан, которые не могли самостоятельно идти в газовые камеры, а также участвовал в расстреле рабочей команды, состоявшей из обреченных на смерть евреев.

С осени 1943 г[ода] и до 1945 г[ода] КАРПЛЮК нес вооруженную охрану других немецких концлагерей.

Виновность КАРПЛЮКА в судебном заседании полностью доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу БОРОДИНА, ЛЕВЧИШИНА и показаниями свидетелей, подтвердивших, что КАРПЛЮК принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей.

Кроме того, КАРПЛЮК в суде подтвердил, что он лично в т. н. «лазарете» расстрелял 10 человек и участвовал в расстреле рабочей команды, где также лично расстрелял одного человека.

7) ЛЕВЧИШИН, являясь военным служащим Советской Армии и будучи пленен немецкими войсками, осенью 1941 года изменил Родине, поступил на службу в немецкие формирования СС и был направлен в Травниковский учебный лагерь СС, где он до лета 1942 г[ода] проходил специальную подготовку и дал письменное обязательство преданно служить немецким захватчикам.

По окончании обучения в Травниковском лагере СС ЛЕВЧИШИН был направлен в «Зондеркоманду СС» Треблинского лагеря смерти, в котором он находился до осени 1943 года.

Находясь в указанном лагере в составе «Зондеркоманды СС», ЛЕВЧИШИН принимал непосредственное участие в массовом истреблении людей: систематически участвовал в выгрузке жертв из эшелонов, гнал их в раздевалки, а затем по специальному проходу в газовые камеры, где они умерщвлялись отработанным газом.

Кроме того, ЛЕВЧИШИН расстреливал людей в т. н. «лазарете» Треблинского лагеря смерти, а также участвовал в расстреле рабочей команды, состоявшей из обреченных на смерть евреев.

В Треблинском лагере смерти ЛЕВЧИШИН фактически исполнял обязанности пом[ощника] командира взвода, расставлял вахманов на посты и требовал от них активного участия по охране обреченных в лагере на смерть людей.

Осенью 1943 года ЛЕВЧИШИН из Треблинского лагеря смерти сопровождал в лагерь смерти Сабимбор эшелон с обреченными на смерть людьми, а затем до апреля 1945 г[ода] нес вооруженную охрану заключенных в других немецких концлагерях.

Виновность ЛЕВЧИШИНА в судебном заседании доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ВАСИЛЕНКО, ПРИЩА, КАРПЛЮКА, ТЕРЕХОВА, КУРИННОГО, подтвердивших участие ЛЕВЧИШИНА в массовом уничтожении людей.

ЛЕВЧИШИН также в суде подтвердил, что он в Треблинском лагере смерти принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей в газовых камерах и в т. н. «лазарете», где лично расстрелял 5 человек, а также участвовал в расстреле рабочей команды.

8) КУРИННЫЙ, он же КУРЕННОЙ, являясь военнослужащим Советской Армии, в мае 1942 г[ода] был пленен немцами и помещен в лагерь военнопленных.

Находясь в указанном лагере, КУРИННЫЙ (КУРЕННОЙ) изменил Родине и поступил на службу в немецкие формирования СС, после чего прошел специальную подготовку в учебном лагере СС в м[естечке] Травники (Польша), где дал письменное обязательство на верность службы немцам.

По окончании обучения в Травниковском учебном лагере СС КУРИННЫЙ (КУРЕННОЙ) был направлен в Варшаву, где нес вооруженную охрану еврейского гетто, а затем в августе – сентябре 1942 г[ода] был направлен в Треблинский лагерь смерти, где в составе «Зондеркоманды СС» принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей путем умерщвления их в газовых камерах и расстрелов.

Вместе с вахманами и немцами он выгружал людей из эшелонов, гнал их по специальному проходу в газовые камеры, где они умерщвлялись отработанным газом.

Кроме того, КУРИННЫЙ (КУРЕННОЙ) расстреливал людей в т. н. «лазарете», доставлявшихся туда из прибывших эшелонов, которые не могли самостоятельно следовать в газовые камеры, а также участвовал в групповом расстреле рабочей команды.

В феврале – марте 1943 г[ода] КУРИННЫЙ (КУРЕННОЙ) был переведен в лагерь смерти Саббор, где он в течение 2–3 недель нес охранную службу и также участвовал в истреблении людей путем их загона в газовые камеры.

С весны 1943 г[ода] до апреля 1945 г[ода] КУРИННЫЙ (КУРЕННОЙ) нес вооруженную охрану заключенных в других немецких концлагерях.

Виновность КУРИННОГО (КУРЕННОГО) в судебном заседании полностью доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ВАСИЛЕНКО, ПАРФИНЮКА, подтвердивших участие КУРИННОГО (КУРЕННОГО) в массовом уничтожении людей.

В суде КУРИННЫЙ (КУРЕННОЙ) также подтвердил, что помимо уничтожения людей в газовых камерах он лично расстрелял 6 человек.

9) БОРОДИН, являясь военнослужащим Советской Армии, был пленен немцами и осенью 1941 года изменил Родине, поступил на службу в специальные немецкие формирования СС и был направлен в учебный Травниковский лагерь, где дал письменное обязательство преданно служить немецким захватчикам.

По окончании обучения в Травниковском лагере БОРОДИН весной 1942 г[ода] был направлен в гор[од] Люблин, где охранял еврейское гетто, а также участвовал в облавах на еврейское население.

Летом 1942 г[ода] БОРОДИН был направлен для дальнейшего прохождения службы в Треблинский лагерь смерти, где он принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей путем удушения их в газовых камерах и расстрелов. Вместе с другими вахманами и немцами БОРОДИН охранял эшелоны с обреченными на смерть людьми, участвовал в выгрузке их из вагонов, гнал по специальному проходу в газовые камеры, где они уничтожались отработанным газом.

Кроме того, БОРОДИН расстреливал людей в т. н. «лазарете», которые не могли самостоятельно дойти в связи с болезнью до газовых камер, а также участвовал в расстреле рабочей команды, состоявшей из обреченных на смерть евреев.

В марте 1943 г[ода] БОРОДИН служил вахманом в лагере смерти Саббор, где также участвовал в операциях по уничтожению людей.

С марта 1943 г[ода] до 1945 г[ода] БОРОДИН нес вооруженную охрану заключенных в других немецких концлагерях.

Виновность БОРОДИНА в судебном заседании полностью доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ВАСИЛЕНКО, ПРИЩА, ГОВО-

РОВА, ТЕРЕХОВА, ЛЕВЧИШИНА, КУРИННОГО, ПАРФИНЮКА, подтвердивших участие БОРОДИНА в массовом уничтожении людей.

БОРОДИН в суде также подтвердил, что он в т. н. «лазарете» лично расстрелял около 5 человек.

10) ПАРФИНЮК, являясь военнослужащим Советской Армии, летом 1941 г[ода] был пленен немецкими войсками и помещен в лагерь военнопленных.

Находясь в плену, в ноябре 1941 г[ода] изменил Родине, перешел на службу к врагу и был направлен для обучения на вахмана в Травниковский учебный лагерь СС, где дал письменное обязательство на верность службы немецким захватчикам.

По окончании обучения в указанном лагере ПАРФИНЮК летом 1942 г[ода] был направлен на службу в Треблинский лагерь смерти, где он находился до весны 1943 года.

В период службы в Треблинском лагере смерти помимо несения вооруженной охраны лагеря ПАРФИНЮК принимал непосредственное участие в массовом уничтожении граждан: выгружал их из эшелонов, загонял их по специальному проходу в газовые камеры, где они и удушались отработанным газом.

Кроме того, ПАРФИНЮК участвовал в расстреле людей в т. н. «лазарете», которые не могли самостоятельно следовать в газовые камеры.

С весны 1943 г[ода] и до 1945 г[ода] ПАРФИНЮК нес вооруженную охрану заключенных в концлагерях Аушвиц и Бухенвальд.

В судебном заседании ПАРФИНЮК показал, что он участвовал в выгрузке людей из эшелонов и загонял их в газовые камеры, а также работал вместе с немцем на экскаваторе, посредством которого трупы умерщвленных людей в газовых камерах вначале закапывались, а затем из ям извлекались и сжигались на кострах.

Виновность ПАРФИНЮКА в суде также доказана показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ГОВОРОВА, КУРИННОГО, БОРОДИНА, подтвердивших, что ПАРФИНЮК принимал участие во всех операциях по уничтожению людей.

ПАРФИНЮК также признал себя виновным в личном расстреле двух человек в т. н. «лазарете».

11) ШУЛЬЦ, он же ВЕРТОГРАДОВ, являясь военнослужащим Советской Армии, в июле 1941 года был пленен немецкими войсками и помещен в лагерь военнопленных в гор[оде] Холме (Польша).

Находясь в плену, изменил Родине, перешел на службу к немцам и в Холмском лагере военнопленных был назначен лагерным полицейским.

Осенью 1941 г[ода] ШУЛЬЦ из Холмского лагеря военнопленных был направлен в Травниковский учебный лагерь СС, в котором он до лета 1942 г[ода] проходил специальную подготовку и дал письменное обязательство о верности службы немецким захватчикам.

В Травниковском учебном лагере ШУЛЬЦ исполнял обязанности командира отделения вахманов, проводил с ними занятия, а также принимал участие в облавах на еврейское население и конвоировании его в лагерь Травники, где часть из них была уничтожена немцами путем отравления.

Летом 1942 г[ода] ШУЛЬЦ вместе с другими вахманами был направлен в «Зондеркоманду СС» лагеря смерти Сабимбор, где он в течение трех месяцев принимал участие в операциях, проводимых в этом лагере, по уничтожению людей.

В конце лета 1942 г[ода] ШУЛЬЦ был направлен для прохождения службы в Треблинский лагерь смерти, в котором он находился до осени 1943 года.

Находясь в Треблинском лагере смерти, ШУЛЬЦ принимал непосредственное участие в массовом уничтожении людей, участвовал в выгрузке жертв из вагонов, сопровождал их по специальному проходу к газовым камерам, где они умерщвлялись отработанным газом.

Кроме того, ШУЛЬЦ участвовал в расстреле граждан, доставленных в лагерь немцами для уничтожения.

За проявленное усердие по службе ШУЛЬЦУ немцами было присвоено звание «цугвахмана СС» и летом 1943 г[ода] он направлялся на экскурсию по Германии.

С осени 1943 г[ода] до апреля 1945 г[ода] ШУЛЬЦ проходил службу в немецких полицейских частях в Италии.

Виновность ШУЛЬЦА в судебном заседании полностью доказана его личным признанием, показаниями других подсудимых по делу ГОРБАЧЕВА, ВАСИЛЕНКО, ПРИЩА, ГОВОРОВА, ТЕРЕХОВА, ЛЕВЧИШИНА, КУРИННОГО, подтвердивших участие ШУЛЬЦА во всех операциях по уничтожению людей.

В суде ШУЛЬЦ также подтвердил, что он лично участвовал в расстреле 3 человек.

На основании изложенного военный трибунал КВО признал виновными ГОРБАЧЕВА, ВАСИЛЕНКО, ПРИЩА, ГОВОРОВА, ТЕРЕХОВА, КАРПЛЮКА, ЛЕВЧИШИНА, КУРИННОГО, его же КУРЕННОГО, БОРОДИНА, ПАРФИНЮКА и ШУЛЬЦА, его же ВЕРТОГРАДОВА, в измене Родине, т. е. в совершении ими преступления, предусмотренного ст[атьей] 56 УК УССР.

Учитывая, что подсудимые ГОРБАЧЕВ, ВАСИЛЕНКО, ПРИЩ, ГОВОРОВ, ТЕРЕХОВ, КАРПЛЮК, ЛЕВЧИШИН, КУРИННЫЙ, он же КУРЕННОЙ, БОРОДИН, ПАРФИНЮК и ШУЛЬЦ, он же ВЕРТОГРАДОВ, находясь на службе у немцев, приняли активное участие в массовом истреблении людей, в том числе и советских граждан, военный трибунал КВО, руководствуясь ст. 322–324 УПК УССР, ПРИГОВОРИЛ:

- 1) ГОРБАЧЕВА Михаила Петровича
- 2) ВАСИЛЕНКО Сергея Степановича
- 3) ПРИЩА Самуила Мартыновича
- 4) ГОВОРОВА Алексея Евсеевича
- 5) ТЕРЕХОВА Ивана Сергеевича
- 6) КАРПЛЮКА Якова Андреевича
- 7) ЛЕВЧИШИНА Филиппа Федоровича
- 8) КУРИННОГО, его же КУРЕННОГО, Ивана Николаевича
- 9) БОРОДИНА Дмитрия Андреевича
- 10) ПАРФИНЮКА Евдокима Семеновича

11) ШУЛЬЦА Эммануила Генриховича, его же ВЕРТОГРАДОВА Эммануила Григорьевича на основании ст[атьи] 56 УК УССР подвергнуть смертной казни – РАССТРЕЛУ каждого без конфискации имущества.

Меру пресечения всем осужденным до вступления приговора в законную силу оставить содержание под стражей.

Судебные издержки по делу в сумме 397 руб[лей] возложить на осужденных, взыскав с каждого из них по 36 рублей.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР через Военный Трибунал Киевского военного округа в течение семи суток с момента вручения копии приговора осужденным.

Подлинный за надлежащими подписями

Верно: ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ПО ДЕЛУ ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
(ЗАХАРЧЕНКО) [Подпись]

АЯВ. TR-18/62 (36). Л. 306–321. [оригинал хранится в Государственном архиве Службы безопасности Укарины в г. Киеве]. Копия. Машинопись. Автограф.

2. Заключение по архивному уголовному делу № 14054 в отношении П. В. Лелеко, прокуратура Херсонской области Украины, 13 января 1999 г.

Приговором военного трибунала 2-го Белорусского фронта от 19 марта 1945 года ЛЕЛЕКО ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, 1922 года рождения, уроженец села Чаплинки Чаплинского района Херсонской области, украинец, из служащих, беспартийный, образование 7 классов, неженатый, несудимый, до ареста проживавший на территории Польши, осужден по ст[атье] I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией имущества.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежал (л. д. 119–120).

Кассационный протест по делу не приносился.

По приговору военного трибунала Лелеко П. В. признан виновным в том, что, являясь военным служащим 400 стрелковой дивизии, в мае 1942 года во время боев на Керченском полуострове сдался в плен немецко-фашистским войскам.

Находясь в лагере военнопленных в г[ороде] Ровно, Лелеко П. В. в августе 1942 г[ода] поступил на службу в немецкие карательные органы и был направлен для обучения в школу охранников.

По окончании школы в сентябре 1942 г[ода] Лелеко П. В. был назначен в охранную команду при еврейском лагере в городе Варшаве, откуда с эшеленом евреев в качестве конвоира прибыл в Треблинский лагерь смерти.

Работая охранником в лагере смерти, Лелеко П. В. систематически участвовал в истреблении людей, загоняя их в камеры «душегубки», лично сам участвовал в расстрелах евреев, в том числе стариков, женщин и детей.

За время работы в лагере Лелеко П. В. в качестве охранника было истреблено около 3 миллионов человек. Лично Лелеко П. В. расстрелял около 30 человек.

В сентябре 1943 г[ода] Лелеко П. В. из лагеря ушел и проживал в г[ороде] Варшаве под вымышленной фамилией и с фальшивыми документами. В октябре 1944 года Лелеко П. В. совершил убийство военнослужащего Красной Армии (л. д. 119–120).

Виновность Лелеко П. В. в содеянном преступлении нашла свое подтверждение в материалах дела.

Допрошенный в судебном заседании Лелеко П. В. виновным себя признал полностью и показал, что в период боевых действий на Керченском полуострове в мае 1942 г[ода] сдался в плен немцам, а в июле 1942 г[ода] был отобран и поступил на курсы полицейских лагерей, после окончания которых работал охранником до сентября 1943 г[ода].

За время службы в немецких карательных органах он выполнял все приказы и указания немецких властей: был вооружен и носил немецкую форму; ежемесячно получал зарплату в сумме 32 злотых и пользовался всеми видами довольствия; охранял, конвоировал и участвовал в истреблении граждан, содержащихся в лагерях; в сентябре 1942 г[ода] был назначен в охранную команду при еврейском лагере в городе Варшаве, именуемом «Гетто», откуда заключенные увозились на истребление; в конце сентября 1942 г[ода] был назначен охранником Треблинского «лагеря смерти», где участвовал в истреблении людей, загонял их в камеры «душегубки», сопровождал железнодорожный эшелон смертников, нес охрану эшелона, стрелял в гражданина, пытавшегося совершить побег; лично участвовал в расстрелах евреев, расстрелял около 30 человек, в том числе детей и женщин. В сентябре 1943 г[ода] он из лагеря бежал и по поддельным документам на имя Вознюка Казимира проживал на освобожденной польской территории, где в октябре 1944 г[ода] совершил убийство военнослужащего Красной Армии (л. д. 117–118).

Аналогичные показания Лелеко П. В. дал также на предварительном следствии, и их достоверность не вызывает сомнений (л. д. 8–88).

Допрошенный на предварительном следствии свидетель Грунд ганд Л. С. показал, что Лелеко П. В. в 1942–1943 гг. служил полицейским Треблинского «лагеря смерти» и активно выполнял все приказы и указания немецких властей: охранял и конвоировал арестованных; участвовал в истреблении людей, загонял их в камеры «душегубки» и после отравления, если кто-либо оставался жив, достреливал людей; лично производил расстрел граждан различных национальностей, которые, будучи больными и старыми, не могли передвигаться к местам их казни (л. д. 100–102).

Свидетель Шевченко И. С. на предварительном следствии подтвердил то, что после окончания школы полицейских по охране лагерей он в 1942/1943 гг. служил в Треблинском лагере смерти, назвав всех должностных лиц лагеря, и показал, каким путем производилось истребление заключенных (л. д. 89–99).

Показания Шевченко И. С. соответствуют показаниям осужденного Лелеко П. В. (л. д. 8–88) и свидетеля Грундганда Л. С. (л. д. 100–102).

При задержании Лелеко П. В. 14 ноября 1944 г[ода] были изъяты поддельный паспорт и удостоверение личности на Вознюка Казимира, по которым он проживал на территории Польши (л. д. 5).

Анализируя приведенные доказательства, следует прийти к выводу об обоснованности привлечения Лелеко П. В. к уголовной ответственности по ст[атье] I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г[ода], так как сдача в плен и служба в полиции являются переходом на сторону врага, то есть изменой Родине.

Заявлений от заинтересованных по делу лиц о реабилитации осужденного не поступило.

На основании вышеизложенного, в соответствии со ст[атьей] 2 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года, п[ункта] 13 Постановления Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» считать Лелеко Павла Владимировича обоснованно осужденным по настоящему делу и не подлежащим реабилитации.

Зам[еститель] прокурора Херсонской области, государственный советник юстиции 3 класса И. Ф. Орос [подпись]

АЯВ. JM-23/505. Л. 606–608 [оригинал хранится в Государственном архиве Службы безопасности Украины].

Копия. Машинопись. Автограф.

3. Протокол допроса Л. С. Грундганда, 30 ноября 1944 г.

Я, старший следователь отдела контрразведки «СМЕРШ» 65 Армии капитан Козлов, допросил в качестве свидетеля ГРУНДГАНДА Леопольда Станиславовича, 1909 года рождения, урож[енец] г[орода] Варшава, по национальности – еврей польского подданства, образование высшее, по профессии музыкант, беспартийный, не судим, быв[ший] заключенный Треблинского «лагеря смерти», свободно владеет русским языком.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден.

Вопрос: Что Вам известно о Треблинском «лагере смерти»?

Ответ: В октябре 1942 года из Варшавского гетто (гетто – созданный немцами лагерь для еврейского населения) вместе с другими лицами еврейской национальности я эшелоном был привезен в Треблинский «лагерь смерти» под видом отправки на Украину. На товарной станции Варшава нас загоняли по 180–190 человек в один товарный вагон, так был составлен эшелон. В пути до Треблинки (80 км) эшелон был двое с половиной суток. Он охранялся вах-

манами²¹⁹ и немцами, которые стояли на подножках вагонов. В вагонах было ужасно душно, воды нам не давали. Как только кто-либо протягивал руку из окна и просил воды, вахманы и немцы в ответ на это начинали стрельбу по вагону. На стоянках эшелона была слышна непрерывная стрельба, пули пронизали стенки вагонов и поражали людей.

Днем двадцать вагонов, в одном из которых находился я, были подогнаны в расположение «лагеря смерти»; около барака, построенного под вид вокзала, начиналась разгрузка, немцы и вахманы стояли в оцеплении и заставляли заключенных разгружать вагоны. Во время разгрузки из одного только вагона, в котором находился я, было вынесено восемьдесят трупов убитых и умерших за два дня пути. Оставшихся в живых сортировали. Специалистов отбирали в так называемую «рабочую команду», больных относили к «лазарету», там расстреливали. Мужчин загоняли к бараку «раздевалка», где их заставляли раздеваться, затем сдавать ценности, после чего гнали в «душегубку» на истребление. Женщин загоняли в барак «раздевалку», там же предлагали раздеваться, сдавать ценности, затем подвергали стрижке и загоняли по узкому коридору в кирпичное здание-душегубку, где умертвляли.

Я как специалист-музыкант во время сортировки был взят в рабочую команду, где имелось музыкальное отделение, состоящее из смертников.

С октября 1942 года до августа 1943 г. как музыкант, в то же время «смертник» и раб, со дня на день ожидая приближение смерти, я вынужден был развлекать извергов-душегубов, немцев и вахманов Треблинского «лагеря смерти». 2 августа 1943 года я участвовал в восстании, во время которого мы сожгли «лагерь», после чего бежали. До прихода частей Кр[асной] Армии я жил на нелегальном положении.

О Треблинском «лагере смерти» мне известно следующее. Он представлял из себя скорее всего «фабрику смерти», построенную извергами немцами согласно директив фашистской партии для истребления еврейского населения. За время его функционирования в нем уничтожено и истреблено до четырех миллионов человек. «Лагерь смерти» находился на левом берегу реки Буг, в 12–18 км от г[орода] Коссув²²⁰, в 70–80 км от г[орода] Варшава, около деревень Вулька и Кутаски. Он занимал площадь свыше десяти гектар, был огражден двумя рядами заграждений из колючей проволоки, переплетенной вехами. За системой проволочных заграждений были сооружены железные противотанковые надолбы, переплетенные колючей проволокой. На территории лагеря и за его пределами имелось восемь вышек, на которых стояли вахманы, охраняющие «лагерь».

«Лагерь смерти» системой проволочных заграждений был разделен на три отделения. В первом отделении находилась комендатура, размещалась команда немцев из 32 унтер-офицеров, рота вахманов, их баня и столовая, затем отдельно за проволокой – конюшни, свинарник, зоопарк, автогараж и дома (два барака) для так называемой «рабочей команды», состоящей из смертников.

Во втором отделении стояли бараки, напоминающие вокзал, бараки «раздевалки» и «лазарет», о назначении которых я показал выше. «Лазарет» – ложное название места, где расстреливали тысячи людей. Как мне известно, там расстреляно 72 тыс[ячи] чел. В третьем отделении имелось кирпичное здание-душегубка, предназначенная для умертвления людей. Там же имелаась малая «душегубка», работавшая до сооружения большой, и барак для «рабочей команды» – 3 отделения.

Вопрос: Как производилось умертвление еврейского населения в Треблинском «лагере смерти»?

Ответ: Умертвление людей в Треблинском «лагере смерти» производилось двумя способами:

---

²¹⁹ Здесь и далее в документе вахманы пишутся как «вахтманы».

²²⁰ Здесь и далее в документах название города пишется «Коссув», через двойное «с». Правильное написание – Косув.

- а) путем расстрела около так называемого «лазарета»;
- б) путем умертвления газами в душегубке.

Причем до весны 1943 г. работала малая «душегубка», с весны 1943 года работала выстроенная вновь большая «душегубка».

Трупы расстрелянных и умертвленных сжигались на кострах и в специальных печах.

Вопрос: Расскажите об издевательствах и грабежах, чинимых немцами и вахманами в Треблинском «лагере смерти».

Ответ: Начальником «лагеря» был унтерштурмфюрер войск «СС» – Франц, он возглавлял истребление людей, издевательства и грабежи. Франц – это невиданный в истории садист. Он многих казнил, расстреливал и избивал. На многих евреев он натравливал собаку, которая раздирала их. Все издевательства, чинимые в «лагере смерти», трудно вспомнить. Постоянно пьяные немцы и вахманы избивали и терзали заключенных. Всюду можно было видеть избияния плетями, палками и прикладами. Каждый немец и вахман был палачом. Каждый считал наслаждением расстреливать и избивать. Особые зверства творились тогда, когда нагих мужчин и женщин загоняли из «раздевалок» в «душегубку». Нередки были случаи, когда женщинам отрезали груди, а мужчинам уши. Мне известен ряд случаев, когда евреев немцы и вахманы казнили через повешение, подвешивали к столбу ногами вверх.

Грабеж был на каждом шагу. С убитых и отравленных выдергивали золотые зубы, снимались серьги и золотые кольца. Все ценности отбирались. Многих, кто прятал их, терзали и расстреливали. Все вахманы и немцы за счет грабежей занимались развратом и пьянством. Многие немцы, а первый унтерштурмфюрер Франц, награбленные ценности отвозили в Германию.

Вопрос: Знаете ли Вы вахмана Лелеко Павла Владимировича?

Ответ: В лицо я хорошо знаю всех вахманов и немцев Треблинского «лагеря смерти», но фамилии я их не знаю, но каждого я могу опознать в лицо.

Показания с моих слов записаны верно, мне зачитаны: Грундганд.

Допросил: ст[арший] следователь ОКР «СМЕРШ» 65 Армии – капитан Козлов.

Копия верна: ст[арший] следователь по ОВД следоотделения УКГБ УССП по Крымской области подполковник Глущенко.

Справка: Подлинник находится в архивном уголовном деле № 14054 по обвинению Лелеко П. В. Ст[арший] следователь по ОВД следоотделения УКГБ УССР по Крымской области подполковник Глущенко.

АЯВ. TR-18/62 (33). Л. 34–35 [оригинал хранится в Государственном архиве службы безопасности Украины, Киев].

Копия. Машинопись. Автографы.

Треблинка и отрицание холокоста

*Сергей Валерьевич Романов,
независимый исследователь*

Практически любым историческим сюжетам, связанным с массовыми убийствами, сопутствует феномен их отрицания. Наиболее известный пример этого феномена представляет собой Холокост. Основными столпами отрицателей, которые неоправданно называют себя «ревизионистами», является следующее: отрицание массового умерщвления евреев нацистами в газовых камерах; указания на значительное завышение стандартных оценок количества жертв в 5–6 млн; утверждения об отсутствии нацистской политики поголовного уничтожения евреев²²¹. Сочетание этих тезисов может варьироваться (например, признание политики уничтожения нередко соседствует с отрицанием газовых камер и занижением числа убитых до сотен тысяч).

Отрицатели Холокоста опираются на псевдокритический анализ ключевых документов (большинство из которых у них оказываются «фальшивками» или неверно истолкованными, такие заявления делаются с легкостью, но без веских оснований), свидетельских показаний (обвиняются в тотальной лжи чаще всего без принятия во внимание нормальных для человеческой памяти aberrаций; показания нацистов или коллаборационистов отмечаются как полученные под пытками или угрозами союзников без предъявления соответствующих доказательств; отсутствует различие между свидетельствами, полученными в условиях диктатуры и в относительно свободных странах), данных эксгумаций (якобы их результаты намеренно искажены).

Долгое время в центре внимания отрицателей Холокоста стоял лагерный комплекс Аушвиц (Освенцим). Он наиболее известен широкой публике и лидирует среди прочих нацистских лагерей по количеству жертв – более 1 млн человек. Лагерь «Операции Рейнхард» – Белжец, Собибор и Треблинка²²² – долгое время находились в его тени и не привлекали особо пристального внимания отрицателей, а потому упоминались лишь эпизодически (например, при критике показаний эсэсовца Курта Герштейна). Достаточно подробная «ревизионистская» литература об этих лагерях начала появляться лишь в 2000-е гг. из-под пера итальянского отрицателя Холокоста Карло Маттогно, ныне одного из ведущих «ревизионистов», и его соавторов, в частности, швейцарского неофашиста Юргена Графа²²³.

Впрочем, особой популярностью у западных отрицателей Холокоста в настоящее время пользуется не столько литература, сколько визуальные средства пропаганды – видеоклипы и фильмы, созданные специально для интернета. Особо стоит выделить анонимную серию видео-

²²¹ Классический обзор истории отрицания Холокоста см.: *Lipstadt D. Denying the Holocaust – The Growing Assault on Truth and Memory*. New York, 2012 (первое издание – 1993 г.).

²²² Подробно об истории лагерей: *Arad Y. The Operation Reinhard Death Camps, Revised and Expanded Edition: Belzec, Sobibor, Treblinka*. Bloomington, 2012; *Berger S. Experten der Vernichtung. Das T4-Reinhardt-Netzwerk in den Lagern Belzec, Sobibor und Treblinka*. Hamburg, 2013.

²²³ *Mattogno C., Graf J. Treblinka. Vernichtungslager oder Durchgangslager?* Hastings, 2002; перевод на английский: *Mattogno C., Graf J. Treblinka. Extermination Camp or Transit Camp?* Chicago, 2004; *Mattogno C. Belzec in Propaganda, Testimonies, Archeological Research, and History*. Chicago, 2004; *Graf J., Kues T., Mattogno C. Sobibór – Holocaust Propaganda and Reality*. Подробная критика указанных книг: *Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Belzec, Sobibor, Treblinka. Holocaust Denial and Operation Reinhard. A Critique of the Falsehoods of Mattogno, Graf and Kues. Holocaust Controversies*, 2011. URL: <http://www.archive.org/details/BelzecSobiborTreblinka.HolocaustDenialAndOperationReinhard.ACritique> (дата обращения: 30.11.2020). Ответ на критику: *Graf J., Kues T., Mattogno C. The «Extermination Camps» of «Aktion Reinhardt» – An Analysis and Refutation of Factitious «Evidence», Deceptions and Flawed Argumentation of the «Holocaust Controversies» Bloggers*. Uckfield (UK), 2015. Многочисленные ответы на ответ собраны по метке MGK's SPOM на сайте Holocaust Controversies. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/search/label/MGK%27s%20SPOM> (дата обращения: 30.11.2020).

клипов «Треть Холокоста» (2006)²²⁴ и фильм Эрика Ханта «Треблинский археологический подлог» (2014)²²⁵.

На данный момент Треблинка с ее примерно 800 тыс. жертв стоит, пожалуй, на втором месте после Аушвица по вниманию со стороны отрицателей. Такое огромное количество убитых, большая часть из которых была сначала закопана, а потом сожжена на относительно небольшой территории лагеря смерти, позволяет апеллировать к излюбленным «логистическим» аргументам о сложности сожжения трупов и проч. Краткий обзор аргументов на русском языке дается в статье Юргена Графа «Треблинка: критический анализ официальной версии» на ультранационалистическом сайте «Русская линия»²²⁶.

Прежде чем разбирать основные аргументы отрицателей, мы должны хотя бы вкратце рассказать о том, что и на каком основании мы знаем о массовом уничтожении евреев в Треблинке. Начнем с документов. Фрагментарными являются путевые ведомости, из которых можно было бы сделать вывод о количестве поездов с депортируемыми, прибывших в Треблинку. В 1945 г. судья Здзислав Лукашкевич, официально расследовавший треблинские злодеяния, на основании имеющихся у него документов и некоторых допущений о вместимости поездов оценил *минимальное* количество жертв в 731 600 человек²²⁷.

Более-менее точное количество жертв Треблинки в 1942 г. дается в телеграмме от 15 января 1943 г. штурмбаннфюрера СС Германа Хёфле оберштурмбаннфюреру Францу Хайму в Краков. В ней сообщается о 1 274 166 евреях, направленных в 1942 г. в Белжец, Собибор, Люблин (Майданек) и Треблинку, причем в последнюю – 713 555 человек²²⁸. Учитывая оценочное число депортированных в 1943 г., общее число жертв составляет примерно 800 тыс.

Число «1 274 166» встречается и в подготовленном по указу Генриха Гиммлера докладе эсэсовского статистика Рихарда Корхерра об «окончательном решении европейского еврейского вопроса» (весна 1943 г.)²²⁹. В нем оно подается как число «пропущенных через лагеря в генерал-губернаторстве» в рубрике «Транспортирование евреев из восточных провинций на русский восток». Поскольку никакие реальные депортации этих евреев через эти лагеря на оккупированные советские территории не производились, уже становится очевидным, что в докладе Корхерра использовался эвфемизм²³⁰.

Другие немецкие документы дают представление о том, что же происходило с евреями в Треблинке. Йозеф Геббельс записал в своем дневнике 27 марта 1942 г.: «Евреи из Генерал-губернаторства в настоящее время депортируются на восток начиная с Люблина. Здесь используется довольно варварская и не подлежащая здесь более детальному описанию проце-

²²⁴ «Denierbud» [также «Dean Irebodd»]. One Third of the Holocaust. Онлайн-видео, 2006. URL: <https://codoh.com/library/document/one-third-of-the-holocaust/en> (дата обращения: 30.11.2020). Подробные опровержения на сайте Holocaust Controversies. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2006/04/quick-links.html#debuu> (дата обращения: 30.11.2020).

²²⁵ Hunt E. The Treblinka Archaeology Hoax. Онлайн-видео, 2014. URL: <https://www.bitchute.com/video/JVZitmKEkv29/> (дата обращения: 30.11.2020; ссылка дается на неофициальную публикацию видео, так как первоначальные видеоклипы на YouTube уже давно удалены).

²²⁶ Граф Ю. Треблинка: критический анализ официальной версии // Русская линия. 2002. 27 янв. URL: https://ruskline.ru/analitika/2002/01/27/treblinka_kriticheskij_analiz_oficial_noj_versii (дата обращения: 30.11.2020).

²²⁷ German Crimes in Poland. Vol. I. Warsaw, 1946. P. 103–104.

²²⁸ Witte P., Tyas S. A New Document on the Deportation and Murder of Jews during Einsatz Reinhardt 1942 // Holocaust and Genocide Studies. 2001. Vol. 15. No 3. P. 468–486. В телеграмме в числе явная опечатка – «71 355», но, поскольку даются сумма (1 274 166) и сведения по другим лагерям (24 733, 434 508, 101 370), легко восстановить число, которое имелось в виду.

²²⁹ Korherr R. Die Endlösung der europäischen Judenfrage. 1943 // Statistik und Deportation der jüdischen Bevölkerung aus dem Deutschen Reich. URL: https://www.statistik-des-holocaust.de/stat_ger_korherr.html (дата обращения: 30.11.2020).

²³⁰ Эвфемизм этот был напрямую предписан Р. Корхерру Г. Гиммлером взамен использования термина «особое обращение» (Sonderbehandlung), что на жаргоне РСХА означало внесудебные казни. См.: письмо личного референта Г. Гиммлера Р. Брандта Р. Корхерру от 10 апреля 1943 г. // Statistik und Deportation der jüdischen Bevölkerung aus dem Deutschen Reich. URL: http://www.statistik-des-holocaust.de/Korherr_0410.jpg (дата обращения: 30.11.2020). Подробный анализ: Mühlenkamp R. Richard «I didn't know» Korherr // Holocaust Controversies. 2007. 29 April. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2007/04/richard-i-didnt-know-korherr.html> (дата обращения: 30.11.2020).

дура, и от самих евреев осталось уже не так много. В целом можно заключить, что 60 % из них должны быть ликвидированы (*liquidiert*), в то время как только 40 % могут быть задействованы для работы. Бывший гауляйтер Вены, который проводит эту операцию, делает это с большой осторожностью, а также используя процедуру, которая не слишком бросается в глаза. Евреи подвергаются наказанию, пусть и варварскому, но которое они полностью заслужили. Пророчество, которым фюрер напутствовал их, о начале новой мировой войны начинает исполняться самым страшным образом. Нельзя допускать, чтобы в этих вопросах преобладала сентиментальность. Евреи уничтожили бы нас, если бы мы не сопротивлялись им. Это борьба до смерти между арийской расой и еврейской бациллой. Ни одно другое правительство и ни один другой режим не смогли найти в себе силы для решения этого вопроса в целом. И здесь фюрер является непреклонным поборником и проводником радикального решения, которое необходимо в нынешней ситуации и поэтому кажется неизбежным. Слава Богу, что во время войны у нас сейчас есть целый ряд возможностей, которых мы были бы лишены в мирное время. Мы должны ими воспользоваться. Освобождаемые гетто в городах Генерал-губернаторства заполняются евреями, изгнанными из Рейха, и через некоторое время этот процесс повторится. Еврейству не над чем смеяться, а то, что его представители в Англии и Америке сегодня организуют и пропагандируют войну против Германии, – это то, за что его представители в Европе платят очень высокую цену, которую следует считать оправданной»²³¹.

«Бывшим гауляйтером Вены» был Одило Глобочник, создатель Треблинки, Белжеца и Собибора. Й. Геббельс описывал процесс уничтожения в функционировавшем на тот момент Белжеце, но поскольку все три лагеря были практически идентичны по структуре и функциям (и были вполне формально объединены под эгидой «Операции Рейнхард»), эта цитата нам многое говорит и о созданной несколькими месяцами позже Треблинке.

Показательно и сообщение в военном дневнике обер-квартирмейстера военного главного командующего в Генерал-губернаторстве от 25 октября 1942 г.: «Оберкомmando Остров сообщает, что евреи в Треблинке недостаточно хорошо захоронены, вследствие чего воздух заражает невыносимый трупный запах»²³². Стоит отметить, что между Островым и Треблинкой примерно 18 км.

В рапорте ликвидировавшего Варшавское гетто Юргена Штропа, написанном в мае 1943 г., Треблинка упоминается несколько раз (под сокращением «Т. II» – Треблинка II²³³, как назывался лагерь уничтожения, в отличие от рабочего лагеря Треблинка I), поскольку именно туда депортировали значительную часть оставшихся в гетто евреев. 25 апреля 1943 г. он телеграфировал высшему руководителю СС и полиции в Генерал-губернаторстве Фридриху Крюгеру: «С сегодняшним захватом евреев, я думаю, очень большая часть бандитов и низшие элементы гетто были захвачены в плен. Немедленная ликвидация больше не проводилась из-за наступления темноты. Я постараюсь успеть на завтра на поезд до Т. II, в ином случае завтра будет проведена ликвидация [*Liquidierung*]»²³⁴. На следующий день он информировал Ф. Крюгера, что «из захваченных евреев никого уже нет в Варшаве. Ранее упомянутый транспорт в Т. II удался»²³⁵. 13 мая сообщалось: «Сегодня 327 евреев были захвачены в плен в ходе операции

²³¹ *Goebbels J. Tagebücher 1924–1945. / Hrsg. R. G. Reuth. 3. Aufl. München, 2003. Bd. 4. S. 1776, 1777.*

²³² BAArch RH 53-23/80. См. онлайн: *Keren D. German Army report complains: «The Jews in Treblinka are not adequately buried» // The Holocaust History Project. 2002. 14 Oct. URL: <https://phdn.org/archives/holocaust-history.org/~dkeren/documents/Treblinka-graves> (дата обращения: 30.11.2020).*

²³³ Это подтверждается, в частности, во введении, где упоминаются пойманные во второй раз евреи, сумевшие сбежать после того, как они уже были «перемещены в Люблин и Треблинку», – вероятно, имеются в виду и те, кто сбежал во время депортации как таковой. См.: *Żydowska dzielnica mieszkaniowa w Warszawie już nie istnieje! / opr. A. Żbikowski. Warszawa, 2009. S. 124.*

²³⁴ *Ibid. S. 144.*

²³⁵ *Ibid. S. 148.*

вермахта. Захваченные в плен евреи будут направлены только в Т. II». ²³⁶ И, наконец, 24 мая: «Из 56 065 захваченных евреев около 7 000 были уничтожены в ходе крупномасштабной акции в самом бывшем еврейском жилом районе. Путем транспортировки в Т. II было уничтожено [vernichtet] 6 929 евреев, так что в общей сложности было уничтожено 13 929 евреев. Помимо 56 065 примерно 5–6 тыс. евреев были уничтожены взрывами и пожарами» ²³⁷.

Итак, уже из немецких документов следует, что Треблинка была местом массового уничтожения и захоронения евреев и что лишь в 1942 г. туда депортировали более 700 тыс. евреев.

Опубликованные в данном томе документы советского следствия дают представление о том, что нашли в Треблинке советские военные следователи сразу после освобождения территории лагеря. В частности, в акте от 24 августа 1944 г. майор 65-й армии С. Л. Кононюк, майор В. З. Апресян, майор медицинской службы М. Е. Головань и лейтенант медицинской службы Н. В. Кадало засвидетельствовали: «Огромная территория лагеря усеяна шлаком и золой. Шоссе, соединяющее два лагеря, длиной в три километра засыпано шлаком и пеплом толщиной в 7–10 сантиметров. В больших кусках шлака простым глазом можно обнаружить наличие извести (известно, что при сжигании костей образуется известь)» ²³⁸.

Годом позже польское следствие обнаружило в северо-восточной части лагеря «на площади в 2 га (5 акров) большое количество золы, перемешанной с песком, в котором много человеческих костей, часто с разлагающимися тканями. Экспертизой установлено, что зола являлась остатками сгоревших человеческих костей» ²³⁹.

Многочисленные свидетели, как евреи, сбежавшие из лагеря (удалось сбежать более чем 100 человекам), так и поляки из деревень по соседству и из лагеря Треблинка I, рассказали и советским, и польским следователям о том, что происходило в лагере и вокруг него.

На протяжении многих десятилетий были арестованы десятки вахманов-травниковцев, охранявших Треблинку (см. обзорную статью А. Шнеера в данном сборнике). Их показания о лагере в общем и целом совпадали и подтверждали, что Треблинка была лагерем уничтожения евреев. Большая часть «травников» была арестована в СССР, но, например, Федор Федоренко дал первые показания, не отличающиеся от свидетельств бывших товарищей, в США.

Важные судебные процессы, так или иначе связанные с Треблинкой, проходили в Западной Германии, в частности, дюссельдорфский процесс над 11 эсэсовцами из Треблинки (1964–1965 гг.) и процесс коменданта Треблинки Франца Штангля (1970 г.). Все подсудимые подтверждали функцию Треблинки как лагеря уничтожения, оспаривая лишь детали. Заметим, что если существуют единичные заявления нацистов о том, что союзники (и не только советские) принуждали их к даче показаний сразу после войны (что, вопреки отрицателям, не доказывает систематичность такого обращения, но может свидетельствовать о все еще бушующих нравах и эмоциях военного времени), то никаких таких случаев в Западной Германии в 1960–1970-е гг. не засвидетельствовано – и аргумент о «принуждении» всерьез рассматриваться не может.

Таким образом, мы имеем факт исчезновения в Треблинке лишь в 1942 г. более 700 тыс. евреев, которых больше никто никогда не видел. Как его можно объяснить? Для историка здесь вопроса нет. Учитывая немецкие документы, находки на территории лагеря, показания сбежавших еврейских узников лагеря, польских узников соседнего лагеря и жителей соседних деревень, членов польского сопротивления, травниковцев и эсэсовцев, мы можем сделать однозначный вывод: эти евреи были уничтожены в Треблинке, а их тела – сожжены. Все имеющиеся

²³⁶ Żydowska dzielnica mieszkaniowa w Warszawie już nie istnieje! S. 178.

²³⁷ Żydowska dzielnica mieszkaniowa w Warszawie już nie istnieje! S. 185.

²³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 9. Л. 103, 109.

²³⁹ German Crimes in Poland... P. 96, 97.

данные указывают в направлении одного-единственного решения и гармонируют друг с другом. Этот же вывод действителен и для Белжеца с Собибором.

Для «ревизионистов» же этот вывод идеологически неприемлем, соответственно, свидетели обвиняются во лжи, документы объявляются ничего не доказывающими (или вообще частично поддельными), находки в лагере ставятся под сомнение по принципу «ну была зола, но кто знает, сколько и чья?». Но главная проблема остается: куда же подевались евреи? Западные «ревизионисты» нашли такой ответ на этот вопрос: их действительно депортировали на оккупированные советские территории, а затем с ними «что-то сделал» СССР (видимо, сослал в особые поселения, где они и умерли). Чтобы оценить в полной мере те глубины, в которые ведет «ревизионизм Холокоста», стоит привести длинную цитату видных отрицателей К. Маттоньо, Ю. Графа и Т. Кьюза о евреях, депортированных в три лагеря «Операция Рейнхард»:

«Признавая отсутствие (известных) доказательств в этом отношении, мы сформулировали то, что считаем наиболее вероятной гипотезой: в то время как некоторые из оставшихся в живых депортированных польских евреев, возможно, были ассимилированы в местные русские, белорусские или украинские еврейские общины, с которыми они имели много общего, или даже смогли вернуться в Польшу и оттуда в другие страны на Западе или в Израиль, большая их часть вместе с оставшимися в живых депортированными западными евреями содержалась в качестве заключенных за “железным занавесом” и, вероятнее всего, была депортирована на север России или в Сибирь и спрятана там, чтобы Сталин мог закрепить миф об истреблении евреев в “газовых камерах” <...>

Есть еще одна, еще более важная причина, по которой эта операция могла остаться незамеченной: в то время как жертвы других советских вынужденных перемещений населения были советскими гражданами, были зарегистрированы в официальных бумагах и их отсутствие было очевидно для всех в местных общинах, частью которых они были, депортированные немцами иностранные евреи были не просто иностранными переселенцами и “перемещенными лицами”, подавляющее большинство которых, несомненно, не могли общаться на русском языке, а, по сути, заимствуя термин у Оруэлла, они были “неличностями”, то есть, на староязе (в стандартном английском), “несуществующими лицами” <...> Это относится к депортированным евреям: они были неличностями, потому что мир считал их мертвыми и потому что Сталин решил закрепить эти ложные сведения в своих собственных целях. Евреи, отправленные в Сибирь или в другие места, были “живыми призраками”, бесследными, исчезновение которых, скорее всего, осталось бы незамеченным сколь-нибудь значительным количеством людей. <...>

Скорее всего, депортированных евреев отправляли не в обычные лагеря ГУЛАГа и “специальные поселения”, а в специально созданные лагеря для евреев. <...>

Предполагать, что преемники Сталина, такие, как Никита Хрущев, разоблачили бы и осудили бы тайную депортацию евреев, если бы она была реальной, вместе с другими сталинскими преступлениями в период так называемой десталинизации во второй половине 1950-х годов, было бы чрезвычайно наивно. Такое разоблачение не только стало бы признанием того, что Советский Союз помог сфабриковать ложный геноцид, чтобы возложить вину за него на своих врагов, а затем сам совершил акт, очень близкий к геноциду (депортация оставшихся в живых переселенных евреев), но и серьезно подорвало бы центральный миф о Великой Отечественной войне, которая велась сначала как война за оборону против немецко-фашистских захватчиков, а затем как война за “освобождение” народов Европы от абсолютного зла “гитлеризма” – мифа, поддерживаемого и по сей день российским правительством <...>

Что касается конечной судьбы этих евреев в их изгнании на севере России или в Сибири как неличностей, нельзя исключать того, что большая часть или даже подавляющее большинство из них погибли задолго до смерти Сталина в 1953 г. Как показывает пример немецких, а также советских и союзных лагерей для военнопленных во время и после Второй мировой

войны, к сожалению, не так уж и трудно по злему умыслу, из-за плохого управления или бездушной халатности вызвать гибель большого числа людей за относительно короткий промежуток времени, не прибегая к массовым расстрелам или фантастическим “газовым камерам”, если оставить их голодными в переполненных лагерях в суровых условиях»²⁴⁰.

Думается, что для русскоязычного читателя данный продукт большого воображения в особых комментариях не нуждается. Тем не менее опровергнем основные пункты. Во-первых, если бы И. В. Сталин депортировал этих евреев, они, безусловно, при обрели бы статус спецпоселенцев (спецпереселенцев). Никаких оснований считать, что специально для них был бы придуман какой-то доселе не существовавший юридический статус, нет, поскольку они полностью подпадали бы под сталинскую практику переселения народов, жертвы которой становились именно спецпоселенцами. Одно это опровергает дикую «гипотезу» – ведь эти евреи в совершенно секретной статистике спецпоселенцев просто не значатся. Так, на 1 января 1953 г. среди 2 753 356 спецпоселенцев было всего 5 168 евреев²⁴¹. В октябре 1951 г. среди спецпоселенцев насчитывалось 17 285 лиц иностранного гражданства или без гражданства (в основном греческие граждане)²⁴². В статистике за 1945 г. мы видим подробное описание групп примерно 2,2 млн спецпоселенцев (чеченцы и ингуши, калмыки, бывшие кулаки и т. д.), среди которых нет ни переселенных евреев, ни групп, в которых они могли бы находиться «закамуфлированно» (да и само число депортированных немцами евреев, если сюда прибавить еще пропавших в Аушвице и Кульмхофе (Хелмно), превышало 2,3 млн)²⁴³.

Ну и понятно, что эта «гипотеза» не объясняет ни документальные, ни свидетельские показания о Треблинке, Белжеце, Собиборе; не дает ответа на вопрос, почему эсэсовцы в эти лагеря были переброшены в основном из программы по проведению «эвтаназии»; не поясняет, зачем немцы депортировали в Треблинку около 100 тыс. евреев из округа Белосток – т. е. *на запад*, а не на восток. Более того, за все десятилетия после окончания войны «ревизионисты» не смогли найти не только ни один нацистский лагерь на оккупированной советской территории, где якобы содержались эти евреи (при том что другие группы западных евреев, привезенные, например, в Ригу и Минск, широко известны), но даже ни одного-единственного имени такого еврея, что было бы абсолютно непредставимо и невероятно, если бы «гипотеза» была верна²⁴⁴.

Итак, за исключением этой «гипотезы», никакого ответа на вопрос, куда же подевались депортированные в Треблинку и другие лагеря евреи, отрицатели предоставить не могут (причем принципиально, поскольку, согласно докладу Корхерра, эти евреи были направлены именно на оккупированные советские территории, а признать, что это было эвфемизмом, отрицатели не могут). А следовательно, все их «логистические» и прочие аргументы в принципе не могут играть никакой роли – раз 700 тыс. евреев в 1942 г. были отправлены в Треблинку и больше никто и никогда их не видел, значит, они погибли в ней, сколько ни рассуждай о якобы недостатке топлива или места в могилах.

²⁴⁰ Graf J., Kues T., Mattogno C. The «Extermination Camps» of «Aktion Reinhardt»... P. 755–763.

²⁴¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 205, 213.

²⁴² Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 184.

²⁴³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 119.

²⁴⁴ Некоторые менее информированные отрицатели предлагают в этом качестве имена евреев, депортированных через три лагеря «Операции Рейнхард» в другие лагеря на оккупированной польской территории, например, в Майданек. Несколько тысяч евреев действительно сделали краткую остановку на станциях около этих лагерей либо были отобраны для работы и избежали участи большинства, однако примечательно именно то, что их не отправляли «на восток», поэтому примером евреев, депортированных прямо из Треблинки, Белжеца и Собибора на оккупированные советские территории, они быть не могут. Единственная попытка указать имя одного такого еврея оказалась основанной на чистом недоразумении, о чем подробно см.: Romanov S. The Rothstein canard // Holocaust Controversies. 2017. 26 March. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2017/03/the-rothstein-canard.html> (дата обращения: 30.11.2020).

Тем не менее мы должны кратко описать аргументацию отрицателей, начав с аргументов о захоронениях и сожжении тел. Поскольку подробные ответы на этот аргумент со всеми вычислениями занимают многие десятки страниц, мы ограничимся ссылкой на литературу, посвященную этому вопросу²⁴⁵, а здесь, основываясь на этих исследованиях, вкратце укажем на основные ошибки в рассуждениях «ревизионистов».

До весны 1943 г. большую часть убитых в Треблинке хоронили в массовых могилах, лишь затем новоприбывших начали сжигать сразу после умерщвления. Соответственно, отрицатели утверждают, что при малой площади лагеря места для более чем 700 тыс. людей в могилах просто не хватило бы. Однако они завышают необходимый объем могильного пространства, игнорируя истощенное состояние многих евреев из гетто и антропологические данные самих нацистов (согласно которым средний польский еврей был значительно меньше, чем средний немец 1940-х гг., на основании чего можно оценить средний объем тела иначе, чем это делают «ревизионисты»), а также естественное уменьшение объема нижних слоев за счет разложения. Некоторые отрицатели также искусственно занижают площадь территории, на которой находились могилы.

«Ревизионисты» утверждают, что для сожжения всех тел не хватило бы топлива, но зачастую используют для расчетов данные индивидуальных кремаций (таких, как в Индии), чего делать категорически нельзя, т. к. при массовом сожжении среднее количество топлива на тело значительно снижается, как показывает в т. ч. и современная практика сжигания туш животных. Количество нужного топлива зависит от конфигурации костра, причем немецкие эксперименты начала XX в. по сожжению туш показали, что схожие с упомянутыми в некоторых показаниях методы раскладки массовых костров были весьма экономичны в плане использования топлива. Пожалуй, самым значительным фактором экономии являлось разложение большей части трупов в массовых могилах с сопутствующим ему обезвоживанием. Именно на испарение воды уходит значительная часть топлива при сожжении тел, поэтому нельзя сравнивать необходимые количества топлива для свежих и разложившихся трупов. В этой истории немало неизвестных. Так, фрагментарность документов не позволяет четко отследить, в каких количествах и пропорциях в лагерь поступали различные виды топлива (сухое дерево, горючие вещества) и какую часть топлива в виде свежей древесины, сухих сучьев, тряпья и т. п. должны были добывать на месте. Известен, однако, конечный результат: операция по массовому сожжению трупов удалась.

Не будучи в силах опровергнуть этот факт, «ревизионисты» предлагают другие аргументы – вроде того, что в ранних сообщениях можно было прочесть о методах уничтожения в лагерях «Операции Рейнхард», которые сегодня отвергаются историками. Отрицатели чаще всего не разделяют различные виды свидетельских утверждений – наблюдаемое лично, услышанное от других, результаты интерпретации свидетелем первых двух элементов – и пытаются дискредитировать свидетельские показания, подчеркивая абсурдные, как им кажется, детали, которые зачастую не являлись результатом непосредственных наблюдений. Задача же историков состоит в том, чтобы отделить, насколько это возможно, личные наблюдения очевидца от информационного шума. Несомненно, вероятность правильной интерпретации свидетелем некоего комплекса сведений тем ниже, чем ограниченнее его доступ к общей картине происходящего. Также очевидно, что сведения, полученные из вторых, третьих или четвертых рук, имеют свойство быстро искажаться (или изначально могут являться слухами).

---

²⁴⁵ Harrison J., Muehlenkamp R., Myers J., Romanov S., Terry N. Op. cit. P. 382–516; Muehlenkamp R. Mattogno's Cremation Encyclopedia (Introduction and Part 1, Section 1) // Holocaust Controversies. 2016. 25 March. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2016/03/mattognos-cremation-encyclopedia.html> (дата обращения: 30.11.2020). Bay A. The Reconstruction of Treblinka. Appendix D – Ash Disposal and Mass Graves at Treblinka // The Holocaust History Project (зеркало). 2003. 7 June. URL: <https://phdn.org/archives/holocaust-history.org/Treblinka/appendixd> (дата обращения: 30.11.2020).

Дифференциация по «степени доступа», таким образом, очень важна. В случае с лагерями «Операции Рейнхард» данный принцип можно проиллюстрировать следующим образом. Сведения о происходящем в них расходились примерно как круги от брошенного в воду камня. Самые удаленные от эпицентра круги были самыми «слабыми» в смысле осведомленности. И в гетто, и на Запад, и в СССР поступала самая разношерстная информация, какие-то верные факты переплетались с дикими слухами (например, о методах уничтожения ходил, например, слух об уничтожении электрическим током и сожжении тел прямо на месте убийства), причем разделить их вряд ли представлялось возможным.

Более узкий круг составляли местные польские жители. Они хоть и не имели непосредственной информации о методах уничтожения, но вполне могли наблюдать, как день за днем в лагерь прибывают эшелоны с евреями, которые уходят пустыми, а чуть позже видели, и, более того, обоняли дым от костров. Общались местные жители и с травниковцами, посещавшими местные питейные заведения и расплачивавшимися «еврейским золотом». Тем, вообще-то, запрещено было делиться деталями, но в подпитии не все думали об этом.

Следующий круг – узники самих лагерей смерти, не находившиеся непосредственно в зоне уничтожения. Они знали, видели и обоняли несравнимо больше, нежели свидетели вне лагеря, но и их осведомленность была ограничена – заключенные, например, в основном не видели, как выглядят могилы и средства массового уничтожения. Однако между зонами лагерей иногда тайно поддерживалась связь, а некоторые евреи из так называемого «верхнего лагеря» (непосредственной зоны уничтожения) время от времени работали в «нижнем лагере», поэтому уровень информированности здесь был выше, чем вне Треблинки.

Евреи, длительное время находившиеся в самой зоне уничтожения, являлись практически непосредственными свидетелями убийства. Но даже они не обязательно были осведомлены обо всех деталях. Ведь в момент умерщвления они не находились в газовой камере. Так, они знали про мотор, находившийся в здании, от которого отходили трубы к конкретным камерам. Но помимо знания об использовании выхлопных газов для удушения ходил и слух о том, что непосредственно перед газованием из камеры откачивали воздух. Слух этот проник и за пределы «верхнего лагеря».

Другой группой, осведомленной примерно в том же объеме, были эсэсовцы и травниковцы. Уровень их знаний также отличался в зависимости от того, где конкретно они несли службу, но в целом они понимали, что речь идет почти исключительно об отравлении выхлопными газами. Однако среди них, как и среди узников лагеря, было распространено мнение о том, что для умерщвления использовался дизельный мотор. Это неудивительно, т. к. дизельные моторы в лагерях иногда использовались как электрогенераторы и находились в том же помещении, что и моторы для газовых камер.

Отрицатели ухватились за утверждение о дизельных моторах как орудии убийства, растиражированное многими историками и даже некоторыми судами, и заявили, что использование этих моторов для массового умерщвления абсурдно из-за относительно малой доли вырабатываемого ими угарного газа. На самом деле способы заставить дизельные двигатели вырабатывать смертельные дозы отравляющего газа есть, но стоит согласиться, что большого смысла в этом нет, если в наличии имеются моторы бензиновые, не требующие никаких уловок.

Однако здесь отрицателей опять подвело непонимание различия между «степенями доступа» различных свидетелей к информации. Дело в том, что средний эсэсовец в лагерях не имел непосредственного отношения к орудию убийства и, соответственно, мог «плавать» в отношении таких третьестепенных деталей, как конкретный тип двигателя, и без задней мысли повторять услышанное или неверно понятое. То же касается и узников.

Необходимо было установить, что говорили люди, имеющие непосредственное отношение к установке, починке, обслуживанию или запуску моторов. Так вот, те из них, кто упоминал тип моторов, поголовно говорили о том, что они были бензиновыми. Про бензиновый

мотор в Собиборе заявили Эрих Фукс (лично доставил этот мотор в лагерь и принял участие в его установке и починке), Эрих Бауэр и Франц Хёдль (запускали мотор)²⁴⁶. Про бензиновый мотор в Белжеце рассказал польский механик Казимеж Черняк, который подсоединил к нему генератор (иногда моторы для газования играли в лагерях двойную функцию) и сделал фильтр для получения более чистого выхлопного газа. Он видел, что выхлопная труба мотора разделяется на несколько куда-то уходящих труб, и, хоть сам он не видел – куда, на важное значение выхлопного газа этого мотора для лагеря ему намекнул один эсэсовец²⁴⁷. То, что мотор был бензиновым, подтвердил сбежавший из лагеря Рудольф Редер, который не только осматривал его вблизи, но и был свидетелем доставки бензина в помещение с мотором²⁴⁸.

Про бензиновый мотор в Треблинке рассказал человек, который его лично запускал, – напарник знаменитого Ивана «Грозного» Марченко – Николай Шалаев: «Это был обыкновенный четырехцилиндровый мотор, работавший на бензине и, по рассказу немца-моториста, будто бы русской марки»²⁴⁹. Коль скоро речь идет об этой теме, стоит заметить, что, несмотря на заявления во время некоторых советских процессов, бензиновыми были и двигатели газвагенов-«душегубок»²⁵⁰.

Что касается упоминаний некоторыми свидетелями «хлора» для уничтожения в Треблинке, вполне вероятно, что в исключительных случаях (например, при отказе мотора) нацисты просто заталкивали сотни людей в практически герметичные камеры и ждали их смерти от естественного удушения, при этом дополнительно используя какое-то хлоросодержащее вещество (будь то хлорная известь или что-то другое) в надежде на то, что отравление парами хлора с сопутствующей одышкой поспособствует более скорой смерти людей²⁵¹.

Таким образом, все «аргументы» отрицателей о том, что разноречивой в описании методов умерщвления в Треблинке и других лагерях «Операции Рейнхард» в различных источниках якобы дискредитирует так называемую «официальную версию», показывают лишь неумение анализировать эти самые источники и дилетантский подход к исторической методологии.

Другим подобным примером являются придирики к утверждениям некоторых свидетелей (не эсэсовцев) о 3 млн жертв Треблинки. Якобы тот факт, что оценка сильно завышена, дискредитирует все их показания. Однако эти несколько свидетелей не имели доступ к точной статистике депортаций, а подсчитанная «на коленке» цифра основывается на весьма приблизительных допущениях о количестве эшелонов, прибывших в лагерь, и среднем количестве евреев в них. В обстановке информационного голода и «тумана войны» немало людей начинает верить подобного рода оценкам (и слухам), и это не только вполне извинительно, но и никак не умаляет их показания о виденном собственными глазами. Отделять зерна от плевел в показаниях очевидцев, повторимся, – задача историков.

То же самое можно сказать относительно утверждений, что ложная идентификация очень малым количеством узников Треблинки Ивана Демьянюка (вахмана из Собибора) как моториста треблинской душегубки и садиста Ивана по прозвищу «Грозный» (на самом деле – Иван Марченко) дискредитирует как этих, так и вообще всех свидетелей. Речь идет о собранных в 1970-е гг. израильской прокуратурой свидетельских показаний в рамках первого дела И.

²⁴⁶ Schelvis J. Sobibor: A History of a Nazi Death Camp. London, New York, 2007. P. 100, 102, 104.

²⁴⁷ Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (AIPN). GK 165/1. Ark. 61–62.

²⁴⁸ Schelvis J. Op. cit. P. 105.

²⁴⁹ Копия протокола допроса Николая Егоровича Шалаева от 18 декабря 1950 г. из дела по обвинению Ф. Д. Федоренко (Т. 15. Л. 164) в архиве автора. Согласно указанию на копии подлинник допроса хранится в архивном уголовном деле № 17214. Это не единственный свидетель, упоминавший бензиновый мотор в Треблинке, но для остальных (таких, как узник О. Стравчинский и вахман И. С. Шевченко) это была либо информация из вторых рук, либо источник их сведений неизвестен.

²⁵⁰ Metzner H. Rebuttal of Alvarez on Gas Vans: Why the Diesel Issue is Still Irrelevant // Holocaust Controversies. 2015. 15 Nov. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2015/11/rebuttal-of-alvarez-on-gas-vans-why.html> (дата обращения: 30.11.2020). Также см. дополнения к этой статье по ссылкам в ней.

²⁵¹ Berger S. Op. cit. S. 144, 147.

Демьянюка. На самом деле виной тому послужила чудовищно некорректная процедура идентификации²⁵². Судебные психологи знают (или должны знать), как много факторов может повлиять на свидетелей в процессе идентификации, включая отбор фотографий (где важно все: например, нельзя помещать фотографию лысеющего человека среди волосатых; фотографии должны быть одного размера; не должно быть так, чтобы все «подставные» фото не были вообще ничем похожи на подозреваемого, и т. п.), формы вопросов (не должно быть суггестии, даже неосознанной), общение свидетеля, уже прошедшего процедуру, с теми, кому она еще предстоит, и пр. Допрашивающие следователи пренебрегли значительной, если не большей, частью правил, в результате чего некоторые свидетели через десятки лет убедили себя в том, что имеют дело с Иваном Грозным. Эти 9 человек были абсолютным меньшинством среди выживших, из них 5 выступили на процессе; при этом как минимум 15 допрошенных либо не узнали Демьянюка, либо прямо сказали, что это не Грозный. Этот провал правоохранительной системы всего лишь подтверждает давно известные наблюдения психологов о визуальной памяти и не дискредитирует данные свидетелями сразу после войны показания о том, что происходило в лагере, которые, к тому же, не стоят особняком, а подтверждаются другими уже упомянутыми данными.

Иллюстративным примером обращения «ревизионистов» со свидетельскими показаниями является аргумент К. Маттоньо и Ю. Графа о якобы отсутствии в газовых камерах Треблинки отверстий, кроме дверей, что при включенном моторе, нагнетающем газ в герметичное помещение, привело бы к печальным последствиям для мотора (или даже для самого помещения). При этом в Государственном архиве Российской Федерации они смотрели дело с материалами расследования, собранными военными следователями 65-й армии, нашли там эскизы газовых камер (сделаны следователем Юровским) с отверстиями в потолках и заявили, что он нарисовал их по своей инициативе, поскольку был более технически подкован, чем свидетели²⁵³. Однако они «почему-то» проигнорировали протокол допроса бывшего узника А. Гольдфарба из того же дела, который свидетельствовал о трех старых камерах («в каждой камере одно отверстие проделано в потолке. Причем прикрыто оно сеткой»²⁵⁴) и о десяти новых («для выхода газа из камеры существовало отдельное отверстие в крыше»²⁵⁵). То есть Юровский опирался в эскизах строго на показания А. Гольдфарба. Понятно, какие из отрицателей истории.

Отрицатели любят указывать на якобы абсурдные детали в показаниях свидетелей, но отказываются искать объяснения кроме как «свидетель врет». Иногда, как мы уже видели, объяснением является повторение некой информации, полученной из вторых или третьих рук и в результате исказившейся, причем мемуаристы не всегда оговаривают, видели ли они рассказываемый случай лично, что может привести к ложному впечатлению у читателя. Но зачастую виденные воочию вроде бы удивительные детали подтверждаются при более тщательном расследовании. Так, Янкель Верник завершает свою книгу (опубликованную в данном сборнике) следующим образом: «Вдруг слышу грохот выстрела и почувствовал сильную боль в левой лопатке. Я обернулся – передо мной стоял вахман из штрафной Треблинки, он опять целился из револьвера. Автомат девятка. Я разбираюсь в оружии и понял, что револьвер у него отказал. <...> Пуля меня не ранила. О чудо, она пробилла всю одежду, но отскочила от лопатки, оставив след. Я в одиночку приходил в себя».

Некоторые отрицатели посчитали данный рассказ очевидно абсурдным – мол, как же так, пуля с близкого расстояния отскочила от лопатки! Но вот что мы можем прочитать в одном

²⁵² Об этом чрезвычайно подробно в: *Wagenaar W. Identifying Ivan. A case study in legal psychology. London, 1988.*

²⁵³ *Mattogno C., Graf J. Treblinka. Extermination Camp... P. 136, 137.*

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 31.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 134. Л. 33, 33 об.

авторитетном немецком учебнике по раневой баллистике: «Пояснения в разделе 4.2 относятся в первую очередь к пулям, выпущенным из короткоствольного оружия (пистолеты, револьверы), каковые обычно несут относительно мало энергии. Поэтому они значительно менее эффективны, чем несущие в несколько раз больше энергии пули длинноствольного оружия. <...> Одной из примечательных характеристик кожи, желатина, мыла и костей является то, что пуля не может пробить эти материалы, если она движется со скоростью меньше определенной, обозначаемой v_{gr} . Эта скорость зависит от секционной плотности пули. Пуля, летящая со скоростью менее v_{gr} , отскакивает от поверхности цели, причем в случае с кожей останется синяк, если только пуля не движется очень медленно»²⁵⁶.

Энергии пули, выпущенной с неизвестного нам расстояния (несмотря на весьма растяжимое «передо мной», что в контексте панического бегства может означать хоть 5 метров, хоть 30) из – ключевой момент – дефектного револьвера (хотя можно как альтернативу предположить и дефектную по каким-то причинам партию патронов), хватило лишь на пробитие слоев одежды, но не на проникновение в кожу в области лопатки. Удивительная на первый взгляд деталь, оказывается, легко объясняется. Таким образом, утверждения отрицателей о якобы абсурдных показаниях сами нуждаются в тщательной проверке.

Пару слов стоит сказать об археологии Треблинки, в частности, о популярном среди отрицателей мифе, будто австралиец Ричард Крэги опроверг массовое уничтожение кого-либо в Треблинке. В 1999 г. он якобы исследовал территорию лагеря при помощи георадара и не нашел следов огромных массовых могил. Проблема, однако, состоит в том, как именно Р. Крэги описал предварительные результаты: «Сравнение показывает, что радарные снимки, сделанные повсюду в лагере, показывают почти идеальную почву, нетронутую человеком. <...> Почти вся земля состоит из не тронутой почвы, песка и камней»²⁵⁷.

Но практически все отрицатели признают, что на этом месте находился лагерь, – пусть они и называют его транзитным. Существование любого лагеря несовместимо с утверждениями Р. Крэги. Как уже было показано выше, массовое умерщвление и захоронение евреев в Треблинке задокументировано самими немцами. Не могла почва в лагере быть идеальной и нетронутой и потому, что она нарушалась уже после освобождения лагеря – польские жители перерыли Треблинку в поисках еврейского золота²⁵⁸. А польские следователи в 1945 г. обнаружили здесь не только многочисленные человеческие останки, вещи и перерытую землю, но и воронки от бомб, самая большая из которых была 6 м глубиной и 25 м в диаметре (причем воронки также обнажили останки; на дне самой большой из них провели раскопки и обнаружили песок без золы лишь на глубине 7,5 м)²⁵⁹.

Более того, Р. Крэги в принципе не мог просканировать всю территорию лагеря, поскольку именно площадь, где когда-то находились массовые могилы и производилось массовое сожжение трупов, – 22 000 кв. м – была в 1963 г. залита бетоном, на котором установили 17 тыс. камней треблинского мемориала. Бетонирование территории бывших могил было произведено специально, чтобы прекратить их осквернение «черными копателями», продолжавшими искать «еврейское золото»²⁶⁰.

²⁵⁶ Kneubuehl B., Coupland R., M. Rothschild, Thali M. Wundballistik. Grundlagen und Anwendungen. 3. Aufl age. Heidelberg, 2008. S. 195–196.

²⁵⁷ Kregge R. The 1999 Kregge Report on the Treblinka Extermination Camp. 2000 // CODON. 2012. 12 фев. URL (архивная версия): <http://web.archive.org/web/20190512155707/https://codoh.com/library/document/6411> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁵⁸ Gross J., Gross I. Golden Harvest. Events at the Periphery of the Holocaust. New York, 2012.

²⁵⁹ AIPN. GK 196/69. Ark. 103–104. Протокол от 9–13 ноября 1945 г. за подписями прокурора Й. Мачеевского и судьи З. Лукашкевича.

²⁶⁰ Rusiniak M. Obóz zagłady Treblinka II w pamięci społecznej (1943–1989). Warszawa, 2008. S. 49. О площади и количестве камней см.: Treblinka II–Commemoration // Muzeum Treblinka. Б. д. URL (архивная версия): <http://web.archive.org/web/20201113185719/https://muzeumtreblinka.eu/en/nformacje/commemoration> (дата обращения: 30.11.2020).

Таким образом, заявление Р. Крэги – не более чем ложь. Неудивительно, что за более чем 20 лет он так и не выпустил отчет о своем якобы «исследовании» лагеря.

Команда британского археолога Кэролайн Стёрди Коллс провела археологические исследования Треблинки, насколько это позволяли бетонная заливка и уважение к мнению некоторых влиятельных польских раввинов, что иудаизм запрещает раскопки могил. Произведено было, в частности, сканирование территории георадаром. Результаты не оставляют от заявления Р. Крэги камня на камне – К. Коллс обнаружила и ямы, и строительные материалы, и сотни предметов, в том числе ювелирные изделия, монеты, ножи и т. п. Были найдены фундамент первой газовой камеры и большое количество фрагментов человеческих останков²⁶¹.

Ревизионисты не оставили исследования К. Коллс без внимания, им посвящен упомянутый в начале фильм Эрика Ханта. Отрывок из ответа Коллс Ханту стоит процитировать, поскольку он хорошо иллюстрирует «ревизионистскую» методологию:

«В частности, ревизионисты сосредоточились на содержащемся в программе (*Би-би-си о раскопках*. – Прим. С. Р.) предположении, что на плитках газовых камер присутствовала Звезда Давида. Однако комментарии, сделанные в этой программе археологами, были первоначальной реакцией на присутствие Звезды Давида на плитках и оказались вырваны из контекста. В действительности, как только было проведено исследование происхождения плиток, стало очевидно, что они были изготовлены польской фабрикой и что на самом деле эта звезда вовсе не Звезда Давида, а логотип компании. Однако из-за короткого промежутка времени между съемками и трансляцией в документальном фильме присутствовала только первоначальная реакция, а идея о том, что на плитках была изображена Звезда Давида, оказалась подхвачена средствами массовой информации. В очередной раз ревизионисты объявили об этом как о признаке того, что раскопки были обманом. Поскольку ранее проведенные на месте раскопок работы не были включены в документальный фильм, ревизионисты также утверждали, что в лагере для истребления не было обнаружено никаких массовых захоронений»²⁶².

К сожалению, такой подход вполне типичен для отрицателей Холокоста. Впрочем, стоит отметить, что несколько лет спустя Э. Хант полностью разочаровался в «ревизионизме» после безуспешных попыток обнаружить хоть какие-то следы «пропавших» евреев (он обращался ко всем видным отрицателям). В конце концов он признал существование нацистских лагерей уничтожения с газовыми камерами²⁶³.

Подытоживая, можно сказать, что для «ревизионистов» Треблинка играет сегодня важную роль, т. к. они считают, что довольно легко внушить якобы абсурдность уничтожения и испепеления примерно 800 тыс. человек на небольшом клочке земли, однако они не могут предложить хоть сколько-нибудь осмысленную альтернативную версию судьбы этих людей, исчезнувших после депортации в этот лагерь. Именно поэтому отрицателям приходится прибегать ко всем мыслимым и немыслимым уловкам для мнимой дискредитации имеющихся на сегодняшний день доказательств. К серьезной историографии и реконструкции прошлого эти попытки любой ценой обелить нацистов отношения не имеют.

²⁶¹ Colls C. Holocaust Archaeology: Archaeological Approaches to Landscapes of Nazi Genocide and Persecution. Докторская диссертация, 2011 // University of Birmingham Research Archive e-theses repository. URL: <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/3531/1/SturdyColls12PhD.pdf> (дата обращения: 30.11.2020). P. 207–219; Colls C., Branthwaite M. «This is Proof»? Forensic Evidence and Ambiguous Material Culture at Treblinka Extermination Camp // International Journal of Historical Archaeology. 2017. Vol. 22. № 3. P. 430–453. Colls C., Colls K. The Heart of Terror: A Forensic and Archaeological Assessment of the Old Gas Chambers at Treblinka // Archaeologies of Totalitarianism, Authoritarianism, and Repression. Dark Modernities / Ed. by J. Symonds, P. Vařeka. London, 2020. P. 83–105.

²⁶² Colls. C. Holocaust Archaeologies. Approaches and Future Directions. London, 2015. P. 348.

²⁶³ Hunt E. The End of the Line // Questioning the Holocaust. 2017. 27 Jan. URL (архивная версия): <http://web.archive.org/web/20170213204857/http://questioningtheholocaust.com/index.php/2017/01/27/the-end-of-the-line> (дата обращения: 30.11.2020); Terry N. Eric Hunt is No Longer a Holocaust Denier // Holocaust Controversies. 2017. 14 Feb. URL: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2017/02/eric-hunt-is-no-longer-holocaust-denier.html> (дата обращения: 30.11.2020).

Воспоминания

Янкель Верник. Год в Треблинке

Автор предлагаемых читателю воспоминаний Янкель Верник родился в 1889 г. в г. Кобрине. Этот город, в 41 км от Брест-Литовска, вошел в состав Российской империи в 1795 г. По переписи 1897 г., здесь проживало около 10 тыс. человек, 64,7 % составляли евреи, 15,6 % – украинцы, 12,5 % – русские, а поляки и белорусы являлись численно незначительными меньшинствами. Отец мемуариста работал краснодеревщиком, этим же путем пошел и сам Янкель, который, чтобы не составлять конкуренцию брату Натану, переехал в Бялу Подляску. В 1904 г. вступил в известную еврейскую партию социалистической направленности Бунд, потом оказался в Варшаве, работал управляющим имуществом семьи известного писателя С. Кшишовского. Именно в польской столице прошла большая часть жизнь Я. Верника.

Во время нацистской оккупации в 1940 г. вместе со всеми евреями он был переселен в Варшавское гетто, в котором и жил вплоть до лета 1942 г., когда начались первые массовые депортации в лагеря смерти. Эту участь пришлось разделить и ему – 23 августа 1942 г. он был отправлен в Треблинку. Однако, в отличие от подавляющего числа обреченных на скорую смерть, Я. Вернику повезло: по прибытии он смог вовремя сориентироваться и попасть в число тех евреев, которые занимались обслуживанием лагеря. Поскольку Треблинка только-только была введена в эксплуатацию, дисциплина оставляла желать лучшего, что сделало возможным подобные редкие и в остальное время немыслимые случаи.

Вскоре Я. Верник был определен в «зондеркомманду» – специальную группу евреев, которую заставляли работать при газовых камерах и заниматься утилизацией трупов. Подобные отряды существовали и в других центрах уничтожения евреев – Белжеце, Хелмно, Майданеке, Собиборе и Аушвице. Например, в Майданеке первая «зондеркомманда» была сформирована весной 1942 г. и изначально работала при «малом крематории», использовавшемся для сжигания трупов умиравших или расстрелянных узников. Когда здесь начались массовые убийства евреев (с осени 1942 г.), то она обслуживала этот процесс (загон людей в камеры, вынос трупов, их утилизация и пр.). Как правило, членами «зондеркомманд» становились заключенные-евреи, что имело для нацистов особый смысл: участие в убийстве соплеменников лишний раз «доказывало» их принадлежность к «низшей расе». Впрочем, например, в Майданеке изначально на эту работу определяли и советских военнопленных. Положение членов «зондеркомманд» было незавидным: они ближе остальных заключенных видели процесс реализации политики «окончательного решения еврейского вопроса», вынужденно участвуя в нем, а другие узники нередко считали их убийцами. Шансы на выживание сводились к нулю: нацисты считали ближайших сподручных опасными свидетелями, а потому методом убийств периодически обновляли состав этих «формирований». В Собиборе, например, «зондеркомманда» была изолирована от основных узников, обслуживавших эту фабрику смерти и обитавших в 1-м и 2-м «лагерях». Поэтому при подготовке известного восстания 14 октября 1943 г. хотя и делалась ставка на то, чтобы все заключенные могли получить шанс на спасение, речь вовсе не шла о членах «зондеркомманды» – их не брали в расчет.

В Треблинке ситуация отличалась во многом благодаря управленческому хаосу, присущему этому лагерю. Более того, Янкелю Вернику несказанно повезло: будучи плотником, он обратил на себя внимание нацистского начальства и оказался задействован на строительных работах. В итоге он занял весьма привилегированное положение – недурное питание, возможность относительно свободно перемещаться между внутренними лагерями Треблинки, а также проявлять такую неслыханную дерзость, как разговаривать с эсэсовским начальством, не сни-

мая головного убора. Потому он и сыграл одну из ключевых ролей в подготовке массового восстания, которое состоялось 2 августа 1943 г.

После побега Я. Верник сумел добраться до Варшавы, спрятавшись в грузовом поезде. Семья С. Кшивошевского помогла ему укрыться и добыть фальшивые документы. В польской столице он установил контакты с еврейским подпольем, а зимой 1943 г. подготовил текст воспоминаний о пережитом. В начале 1944 г. брошюра на польском языке «Год в Треблинке» разошлась тиражом в 2 тыс. экземпляров²⁶⁴. К ее подготовке, печати и распространению были причастны члены Еврейской боевой организации (подпольное объединение, которое сыграло одну из ключевых ролей в восстании в Варшавском гетто в апреле – мае 1943 г. и было тогда почти полностью истреблено), Бунда и Жеготы (подпольная организация, получавшая финансирование в т. ч. и от польского правительства в Лондоне и занимавшаяся спасением евреев).

Естественно, для жителей оккупированной Польши существование лагерей смерти не было большим секретом, а благодаря польскому подполью, образовавшемуся в нацистских концлагерях, передавалась информация и о положении внутри этих учреждений. Однако далеко не все верили этим довольно отрывочным сведениям. Более того, Янкель Верник являлся тем, кто непосредственно прошел через ужасы лагеря смерти (не путать с трудовым концлагерем!), сумел уцелеть и был готов обобщить свои рассказы. Его свидетельство можно поставить в ряд других подобных воспоминаний, вышедших в подполье, пока еще машина Холокоста продолжала работать. Например, словацкий еврей Д. Ленард несколько месяцев провел в Майданеке, а после бегства в конце июня 1942 г. сумел оставить небольшие воспоминания, ходившие среди словацких евреев²⁶⁵. Однако они так и не стали достоянием широкой общественности, а сам он находился в этом лагере до того, как тот превратился в место именно конвейерных убийств. Из Аушвица в 1941–1942 гг. регулярно передавал сообщения об убийствах и начавшейся политике массового уничтожения евреев член польского подполья В. Пилецкий²⁶⁶. Наиболее известным свидетельством стал доклад бывших узников Аушвица Р. Врба и А. Ветцлера, которые в апреле 1944 г. бежали из этого лагеря смерти и укрылись на территории Словакии. Они описали механизм массовых убийств, работу газовых камер и крематориев. Несмотря на задержку, этот доклад был переправлен в Швейцарию и уже в начале июня разошелся по всему миру. В это время нацисты осуществляли широкомасштабные депортации венгерских евреев в Аушвиц. Степень международного возмущения была такова, что глава Венгрии М. Хорти был вынужден в конечном итоге приостановить массовую выдачу евреев немцам.

В это же время распространялась и брошюра Я. Верника, причем через каналы польского подполья ее получили и в Лондоне. Уже в 1944 г. перевели на английский, затем – на идиш и иврит. Высокий интерес к ней на территории подмандатной Палестины объясняется ярким описанием не только массовых убийств, но и сопротивления, вылившегося в восстание. Тем самым это позволяло избежать образа евреев как пассивных жертв.

В 1944 г. Я. Верник принял участие в Варшавском восстании, сражаясь в отрядах, близких к прокоммунистической Армии Людовой. После войны некоторое время проживал в Польше, затем на фоне поднимавшейся волны антисемитизма эмигрировал в Швецию, а оттуда – в Израиль. Выступал свидетелем на ряде процессов над нацистскими преступниками, включая А. Эйхмана в 1961 г. В 1950-е гг. для Дома-мемориала борцов гетто (в настоящее время Музей наследия, документационный и учебный центр Холокоста и еврейского сопротивления имени Ицхака Каценельсона) создал макет Треблинка. Умер в 1972 г.

²⁶⁴ *Wiernik J. Testimony On 12 October 1945 in Łódź // 1939–1945. Chronicles of Terror. URL: <https://www.chronicsofterror.pl/dlibra/show-content?id=305> (дата обращения: 05.12.2020).*

²⁶⁵ Первая публикация на русском: *Ленард Д. Побег из Майданека // Концентрационный лагерь Майданек. Исследования. Документы. Воспоминания / Под ред. К. А. Пахалюка, Л. А. Терушкина. М., 2020. С. 89–125.*

²⁶⁶ См. *Фэрзедер Д. Добровольный узник. М., 2020.*

Один из экземпляров изданной на польском языке брошюры попал в деревню Церанов. После ее освобождения Красной Армией летом 1944 г. местный житель Фабисян передал экземпляр советским следователям, расследовавшим нацистские преступления в треблинских лагерях. Перевод был закончен лейтенантом Казачковым к 15 августа 1944 г. Через 10 дней машинопись была заверена в делопроизводстве отдела информации политического управления 1-го Белорусского фронта. Затем этот документ был передан в военную прокуратуру. 29 августа начальник политуправления 1-го Белорусского фронта генерал Галаджев направил на имя начальника Главного политического управления РККА А. С. Щербакова докладную записку (зарегистрирована 2 сентября). В ней он сообщал о расследовании относительно лагеря Треблинка, где были уничтожены, по имевшимся данным, 3 млн человек – «поляков, евреев, французов, болгар и других национальностей»²⁶⁷. К письму прикладывался перевод брошюры Я. Верника. 25 сентября 1944 г. заместитель военного прокурора 65-й армии гвардии майор юстиции Мазор приобщил копию воспоминаний к общему делу. Судя по отметкам на полях, наибольший интерес в Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний вызвали те сюжеты, которые были связаны с отсылкой к Катыни и восстанию 2 августа 1943 г. Представленные воспоминания не вписывались в общую установку – не выделять особо уничтожение евреев, а делать акцент на том, что жертвами нацистских преступлений были народы всей Европы, – и, вероятно, поэтому и не были опубликованы на русском языке.

В настоящем издании воспоминания Я. Верника публикуются на основе перевода лейтенанта Казачкова (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 11. Л. 49–76), сверенного Л. В. Ковалевой и И. И. Жуковским с оригиналом, опубликованным на польском языке в 1944 г.: *Wiernik J. Rok w Treblince*. Warszawa: Nakladem Komisji Koordynacyjnej, 1944. В историографии Холокоста наиболее часто используется англоязычная версия, разбитая на главы, поэтому К. А. Пахалюком была проведена соответствующая сверка на основании одного из первых изданий: *Wiernik Y. A Year in Treblinka*. New York: American Representation of the General Jewish Workers' Union of Poland, 1945. Однако расхождения между этими версиями не ограничиваются структурой текста и стилистикой (польский вариант ближе к разговорному языку, предложения более отрывистые, в то время как перевод на английский придал повествованию большую публицистичность и связность), а носят смысловой характер: переводчики опустили фразы, как добавляющие тексту элементы образности и эмоциональности, так и сообщающие дополнительные детали. Наиболее значимыми нам представляются отличия, связанные с количеством газовых камер, а также уничтоженных трупов: в польском варианте речь идет о 3,5 млн, что согласуется с преувеличением масштабов убийств самими узниками, в то время как в первом англоязычном переводе цифра вообще отсутствует. Стоит обратить внимание, что многие подобные пропуски были восстановлены в последующих переводах. Не ставя задачу выверять разночтения во всех изданиях, мы ограничились сверкой лишь по наиболее раннему и доступному варианту, указанному выше. Пропущенные предложения выделены курсивом, к ним даны примечания. Вводный текст, комментарии и общая редакция – К. А. Пахалюка при участии С. В. Романова и Д. В. Шполянского.

Год в Треблинке

Дорогой читатель²⁶⁸!

---

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 9. Л. 90.

²⁶⁸ В англоязычном варианте с этой фразы начинается 1-я глава.

Только для тебя продолжаю свою ничтожную жизнь: для меня она потеряла всякую ценность. Могу ли я свободно дышать и радоваться всему, что создала природа?

Ночью часто просыпаюсь с ужасным стоном, кошмарные видения прерывают столь желанный сон, вижу тысячи скелетов, протягивающих ко мне руки с мольбой о жизни и помиловании. А я, обливаясь потом, чувствую себя беспомощным. В этот момент вскакиваю, протираю глаза и радуюсь, что это всего лишь сон. Моя жизнь отравлена. Образы смерти проходят передо мной. Дети, дети, и еще раз дети.

Я пожертвовал всеми, кто мне был дорог и близок. Я сам провожал их на казнь. Я строил для них камеры смерти.

Сегодня я беспризорный, старый человек, лишенный крова, семьи и близких. Сам с собой говорю, сам себе и отвечаю. Я скиталец. Со страхом я захожу туда, где живут люди. Мне кажется, что все переживания отражены на моем лице. Когда я смотрю на отражение в воде, то удивление и страх искажают мое лицо. Разве я похож на человека? Нет. Сто раз нет. Заросший, замученный, сломленный. На меня давит груз столетий. Мне тяжело, ох как тяжело, но все-таки я должен продолжать. Я хочу, и я должен. Я, видевший гибель трех поколений, должен жить во имя будущего. Весь мир должен знать о преступлениях этих варваров. Они навеки должны быть осуждены целыми поколениями. Именно я должен помочь этому случиться. Даже самое смелое воображение не может представить того, что я видел и пережил. Ни одно перо не в состоянии это описать. Я хочу все передать, как оно и было на самом деле. Пусть люди и весь мир узнают, что такое «западная культура». Я страдал, провожая миллионы на смерть. Пусть узнают миллионы. Для этого я живу. Это моя единственная цель. В одиночестве и тишине я все обдумываю и правдиво описываю. Одиночество и тишина – мои верные друзья. Только щебет птиц сопровождает мои мысли и работу. О дорогие птички, вы меня еще любите, иначе вы не чирикали бы так весело и не приближались бы ко мне. Люблю я вас, как люблю каждое Божье создание. Может, вы меня исцелите. Может, я еще смогу когда-нибудь смеяться.

Может, это наступит с завершением моей работы, и тогда с ног моих спадут оковы²⁶⁹.

Произошло это 23 августа 1942 г., в Варшаве, во время блокады²⁷⁰. Я был тогда у соседей и не мог возвратиться домой. Со всех сторон слышались выстрелы карабинов, но мы еще не знали горькой правды. Наш страх усилился с прибытием немецких шарфюреров²⁷¹ и украинских вахманов²⁷², громко кричавших: «Всем выйти». На улице некий шарфюрер выстраивал в шеренги. Он с удовольствием выполнял свою работу, а лицо озарялось улыбкой. Ловкий, гибкий – он поспевал всюду. Осматривал нас и сортировал²⁷³. Его взгляд пронизывал всех. С улыбкой садиста смотрел на большое дело своего могучего отечества, которое одним взмахом снесет голову вредоносной гидре. Мой взгляд упал на него... Он подлеиший человек. Для него жизнь человека – ничто, а умертвить кого-нибудь в ужасных мучениях – одно удовольствие. За «героизм» он стал унтершарфюрером. Звали его Франц²⁷⁴, у него была собака Бари, о которой

²⁶⁹ Далее в англоязычном издании начинается 2-я глава.

²⁷⁰ Имеется в виду Варшавское гетто.

²⁷¹ Шарфюрер – звание в СС, аналогичное унтерфельдфебелю в вермахте. Стоит отметить, что в англоязычном варианте переводятся как «командиры отрядов» (squad leaders).

²⁷² Речь идет о вахманах-травниковцах, большинство из которых (но не все) были этническими украинцами. См. подробную статью А. Шнеера в настоящем издании.

²⁷³ В англоязычном переводе отсутствует указание на сортировку.

²⁷⁴ Имеется в виду Курт Франц (1914–1998) – вступил в войска СС в 1937 г. В 1940–1941 гг. участвовал в программе «Т-4». В марте направлен в Генерал-губернаторство и вскоре оказался в лагере смерти Белжец, где сначала работал при кухне, а затем занимался подготовкой вахманов. Повышен до обершарфюрера СС. 19–21 августа переведен в Треблинку на должность заместителя коменданта. Руководил работой охранников. Отличался жестокостью, получил от заключенных прозвище «Кукла» («Лялька»). После восстания 2 августа 1943 г. вплоть до ноября 1943 г. занимался ликвидацией лагеря, затем непродолжительное время служил в Собиборе, а после был переведен в Триест. В мае 1945 г. арестован американцами, но бежал. Затем был повторно арестован, но отпущен ввиду отсутствия информации об участии в массовых убийствах. Жил в Дюссельдорфе, сначала работал рабочим на стройке, а затем шеф-поваром в ресторане. В 1959 г. арестован. В 1965 г. по итогам 1-го

речь пойдет ниже. Я стоял в шеренге напротив своего дома на Волынской улице, откуда нас вывели на улицу Заменхофа. В нашем присутствии украинцы делили награбленное. Ругались между собой, все разворачивали и делили. Несмотря на такую массу людей, на улице царила тишина. Все онемели от ужаса и отчаяния. Какое состояние безнадежности! Мы не знали, что на самом деле происходит. Нас фотографировали, как животных. Некоторые были даже довольны. Сам я надеялся вернуться домой и считал, что нас будут регистрировать. По приказу мы двинулись. О ужас! Истина предстала перед нашими глазами. Вагоны, пустые вагоны. Летний день, красивый и жаркий. Мне кажется, что солнце восстало против такого бесправия. В чем провинились наши жены, дети и матери? За что? Солнце спряталось за тучи; прекрасное, яркое и светлое, оно не хочет смотреть на наши страдания.

Приказали занять вагоны. Грузят нас по 80 человек. Назад дороги нет. На мне только брюки, рубашка и туфли. Дома я оставил сапоги и сумку с вещами, которые я подготовил, поскольку ходили слухи о нашем переселении на Украину, чтобы мы там работали²⁷⁵. Поезд перешел с одного запасного пути на другой. Хорошо зная этот железнодорожный узел, я понял, что мы стоим на месте²⁷⁶. В это время украинцы забавлялись, и мы слышали их разговор и смех. В вагоне становилось душно, нечем было дышать. Безнадежно, печально и ужасно. Мой взгляд скользил по всему и всем, но я не был в состоянии оценить масштаб беды. Я осознал, что предстоит испытать муки, страдания и голод, но не верил, что нас и наших детей ждет смерть от руки палача. В жутких мучениях мы прибыли в Малкинию²⁷⁷, где простояли всю ночь. В вагон вошли украинцы и потребовали ценные вещи. Все отдавали, чтобы хоть на короткое время спасти свои жизни. У меня, к сожалению, ничего не было. Во-первых, я внезапно оставил дом, во-вторых, я все продал во время войны, чтобы как-то выжить, поскольку не имел работы. Утром поезд тронулся, *и мы прибыли на станцию Треблинка*²⁷⁸. Я заметил проехавший мимо нас поезд с оборванными, полунагими, голодными людьми. Они нам что-то говорили, но мы ничего не понимали. День был жаркий, стояла ужасная духота, всех страшно мучила жажда. Я посмотрел в окно. Селяне приносили воду, требуя за бутылку 100 злотых. У меня денег не было, кроме 10 злотых, а также серебряных *монет в 2, 5, 10 злотых*²⁷⁹ с портретом маршала Пилсудского²⁸⁰, которые хранил на память. Купить воду я не мог. Другие покупали. За один килограмм черного хлеба платили 500 злотых. До полудня меня мучила жажда. Затем вошел гауптшарфюрер²⁸¹ и выбрал 10 человек, которые нам принесли воду. Я немного утолил жажду. Нам приказали убрать трупы, но их не оказалось. В 16:00 поезд тронулся, и мы прибыли в лагерь Треблинка. Теперь у нас спала с глаз пелена. *На крышах барачных стояли украинцы с карабинами и пулеметами*²⁸². Площадь была завалена трупами, голыми и одетыми, с обезображенными страхом и ужасом лицами. Черные и опухшие. Глаза широко раскрыты, языки высунуты, мозги разбрызганы, тела бесформенны. Везде кровь. Наша невинная кровь. Кровь наших детей, братьев и сестер, отцов и матерей. А мы, беззащитные, чувствуем, что нам не уйти от судьбы – и тоже станем жертвами наших убийц. Но что мы можем сделать? Если бы это

процесса Треблинки приговорен к пожизненному заключению. Освобожден по состоянию здоровья в 1993 г., умер в 1998 г.

²⁷⁵ Это типичный способ прикрытия депортаций евреев в лагерь смерти – сообщать им, что их вывозят в трудовой лагерь на востоке Европы.

²⁷⁶ Это предложение опущено в англоязычном переводе.

²⁷⁷ Малкиния-Гурна – населенный пункт в Мазовецком воеводстве современной Польши. Важный железнодорожный узел.

²⁷⁸ Выделенный курсивом фрагмент отсутствует в англоязычной версии.

²⁷⁹ В англоязычном варианте отсутствует упоминание этих монет.

²⁸⁰ Пилсудский Ю. (1867–1935) – польский военный и политический деятель. Первый глава Польского государства.

²⁸¹ Гауптшарфюрер – воинское звание в СС, аналогичное оберфельдфебелю в вермахте.

²⁸² Выделенное курсивом предложение отсутствует в англоязычной версии.

был только кошмарный сон, но это реальность, к сожалению, это так называемое переселение, переселение на другой свет, сопровождаемое бесконечными мучениями²⁸³.

Нам приказали выйти из вагонов во двор, по обеим сторонам которого находились бараки. Видим две доски объявлений с требованием под угрозой смерти сдать золото, серебро, бриллианты, деньги и другие ценные вещи. На крышах стояли украинцы с нагайками. Женщинам и детям приказали идти налево, а мужчинам – сесть во дворе справа. Неподалеку от нас работали люди: они складывали выгруженные из вагонов вещи. Я подкрался к ним и начал работать, за что и получил первый удар нагайкой от немца, которого мы прозвали Франкенштейн. Женщинам и детям приказали раздеться. Произошедшего с мужчинами я не заметил, но больше их не видел. Перед закатом прибыл еще один эшелон из Мендзыжеца²⁸⁴, 80 % депортируемых умерли по пути. Мы начали выносить трупы. Нас били беспощадно до поздней ночи. Мы окончили работу. Я спросил одного из работающих, что это все означает. Он ответил, что с кем сегодня вы разговариваете – завтра уже мертвы. Мы ждем с ужасом и напряжением. Через некоторое время нам приказано стать полукругом. Появились шарфюрер Франц с собакой и украинец с пулеметом. Нас было около 500 человек. Выбрали примерно 100 и, выстроив по пять человек в ряд, повели дальше и приказали встать на колени. *И я был среди отобранных*²⁸⁵. Мы слышали выстрелы, стоны и крики расстреливаемых. Я их больше никогда не видел. Ударами нагаек и прикладов нас загнали в бараки. В них было темно, пол отсутствовал. Я сел на песок и задремал.

Следующим утром нас разбудил крик: «Aufstehen²⁸⁶». Мы быстро поднялись и вышли во двор. Вокруг раздавались крики украинцев. Шарфюреры избивали нас нагайками и прикладами. Затем приказали построиться в шеренги. Вдоль рядов стояли мучители и избивали нас немилосердно. Мы продолжали стоять, не получая никаких приказаний. Начался рассвет. Я думал, что сама природа встанет на нашу защиту и поразит ударами грома наших мучителей. Но солнце, согласно законам природы, засияло ярким светом лучей, осветив ими наши измученные, окровавленные тела и израненные души. Неожиданно я вышел из оцепенения, когда с дрожью услышал: «Achtung²⁸⁷». Перед нами появилась целая группа шарфюреров и украинцев во главе с унтерштурмфюрером²⁸⁸ Францем со своей собакой Бари. Франц сказал коллегам, что сейчас он отдаст приказ. По его команде нас начали бить. Наносили удары как попало, били до потери сознания. Наши тела и лица были все в крови, но мы должны были стоять прямо, ибо за малейший наклон любого расстреливали как неспособного к работам. Утолив кровавую жажду, наши мучители начали нас, избитых до крайности, делить на группы и выстраивать в шеренги. Я был зачислен в команду, работающую с трупами. Это была тяжелая работа, потому что вдвоем нам приходилось таскать трупы на расстояние 300 метров. Иногда мы связывали их и тащили в могилы. Издалека я заметил голую живую женщину, молодую и красивую, но с безумным взглядом. Она что-то нам говорила, но мы ее не понимали – да и не могли помочь. Она завернулась в простыню, укрывая под ней ребенка, и искала, где можно спрятаться. Вдруг ее заметил немец, приказал войти в вырытую могилу и расстрелял вместе с ребенком. Это был первый случай расстрела, свидетелем которого я был.

Я рассматривал могилы вокруг себя. *Размер каждой был 50×25×10*²⁸⁹. Я стал над одной из них и хотел сбросить в могилу труп, как вдруг сзади подошел немец, который решил меня

²⁸³ Далее начинается 3-я глава в англоязычном издании.

²⁸⁴ В настоящее время – Мендзыжец-Подляски. В августе 1942 г. порядка 12 тыс. евреев из местного гетто депортированы в Треблинку.

²⁸⁵ Выделенное курсивом предложение отсутствует в английском переводе.

²⁸⁶ «Встать» (нем.).

²⁸⁷ «Внимание» (нем.).

²⁸⁸ Этот чин он получил только 21 июня 1943 г.

²⁸⁹ Выделенное курсивом предложение отсутствует в англоязычном варианте.

расстрелять. Я обернулся и спросил, в чем моя вина. Он ответил, что мне нельзя подходить к могиле. Я разъяснил, что только собирался сбросить труп. *Почти возле каждого из нас стоял немец с нагайкой или украинец с карабином. Во время работы нас били по головам. Недалеко экскаватор рыл могилы*²⁹⁰. Переносить трупы мы должны были бегом, ибо за малейший проступок нас избивали. Трупы лежали довольно долго и начинали разлагаться. Этот запах распространялся в воздухе, черви разъедали несчастных. Часто случалось так, что руки или ноги, которые мы обвязывали, чтобы волочить труп, отваливались от туловища. Так до заката солнца, без еды и воды, мы работали над тем, что должно было стать и нашими собственными могилами. День был жаркий, и все страдали от жажды.

Вечером, вернувшись в бараки, каждый из нас искал знакомых, с которыми сталкивался еще вчера, но их, к сожалению, не было, они были мертвы. В большинстве погибали те, кто работал на сортировке вещей. Голодные иногда вынимали кое-что из узлов. Такого преступника вели к могиле, а там пуля в затылок завершала его жалкое существование. Площадь была усеяна узлами, чемоданами, одеждой, сумками – всем, что жертвы сбрасывали с себя перед ужасной смертью. Во время работы я заметил, что некоторые из работников имели на брюках желтые и красные заплатки. Я не имел понятия, что это значит. Они заняли часть нашего обнесенного проволокой барака. Их было 50 мужчин и одна женщина. Работал я в таких ужасных условиях четыре дня²⁹¹.

В пятницу, кажется, 28 августа, мы возвратились с работы, все как обычно – «Achtung», «Muetzen auf und ab»²⁹² и речь Франца. Он выбрал из нас старосту и несколько капо²⁹³ (групповых), которые должны были гнать нас на работу: Франц приказал нам честно работать, за что получим все, что нам необходимо, иначе он расправится с нами радикальным способом. Искусством немцев, говорит он, является то, что они в состоянии владеть собой в любой ситуации. Потому немцы так руководят выселением, что евреи сами набиваются в вагоны, не представляя, что их ожидает. При этом он добавил ряд эпитетов.

29 августа сигнал подъем, как всегда, но на польском языке. Мы немедленно встали и вышли на площадку. Одеваться не нужно, мы спали одетыми, поэтому быстро выполнили приказ. Мы построились в шеренги. Отдается команда на польском языке. Вообще относятся к нам прилично. Говорил опять Франц. Он сообщил, что с сегодняшнего дня каждый будет работать по специальности. Начинали выбирать специальности. Первыми были строительные работники. Я тоже представился как строительный мастер. Нас, 15 человек, отделили от остальных и передали трем украинцам. Один старший рядовой Костенко своим видом не был грозен, второй, Андреев, обычный вахман, среднего роста, толстый, с круглым красным лицом. Он был человеком добрым и спокойным. Третий, Микола – низкий, худой, злой, с бандитскими глазами и садистскими наклонностями. Для охраны добавили еще двух украинцев с карабинами. Нас повели в лес, приказав разобрать ограждения с колючей проволокой и вырубить деревья. Костенко и Андреев были вполне снисходительными, смотрели сквозь пальцы на нашу работу, а Микола подгонял кнутом на работу и покрикивал. Среди нас фактически не было ни одного специалиста, но ввиду того, что никто не хотел работать с трупами, все объявили себя плотниками. Таких высмеивали и не жалели кнутов. В 12 часов мы вернулись с работы в бараки на обед, состоявший из супа, каши и заплесневевшего хлеба. Этот обед в нормальных условиях был бы непригоден для еды, но мы, голодные и усталые, все съели. В 1 час пополудни к нам пришли вахманы-украинцы, и так мы работали до вечера. Вечером, как обычно, домой, общий сбор и так далее. В этот день снова вокруг нас, примерно 700 человек, полно немцев, среди

²⁹⁰ Выделенные курсивом предложения в англоязычном варианте перенесены в конец абзаца.

²⁹¹ Далее в англоязычном варианте начинается 4-я глава.

²⁹² «Снять и надеть шапки» (нем.).

²⁹³ В тексте перевода 1944 г. здесь и далее это слово написано латиницей – «саро».

них находился и Франц со своей собакой. Вдруг он спросил с улыбкой: «Кто знает немецкий язык?». Вышли человек 50. Он приказал выйти из шеренги и построиться отдельно. Франц сделал это с улыбкой и так, чтобы его нельзя было ни в чем заподозрить. Их увели, и больше они к нам не вернулись. В списках живых они не значились. В каких мучениях и пытках²⁹⁴ они погибли – этого ни одно перо не опишет.

Прошло еще несколько дней. Мы занимались той же работой и жили в тех же условиях. С одним товарищем я работал все время вместе, и судьба нам удивительно благоволила. Вероятно, потому, что мы оба являлись специалистами, а может быть, потому, что нам предназначалось жить и видеть мучения и трупы наших братьев. *Дали они мне и моему товарищу ящички для извести, а охранял нас Андреев. Мой товарищ был хорошим мастером и придерживался моих советов*²⁹⁵. Работа наша нравилась вахману. Он проявлял к нам снисходительность и даже принес по куску хлеба. Это было для нас значимо, поскольку буквально умирали от голода. Люди, стремясь спастись от смерти, которую я опишу ниже, пухли от голода, желтели и гибли. *Наша рабочая группа увеличилась. Прибыли новые рабочие. Начали рыть фундамент под дом. Что это за ужасное здание должно было быть – никто не знал. На территории стоял один деревянный дом, огороженный высоким забором. Для всех было тайной, для чего он предназначался*²⁹⁶.

Через несколько дней прибыл немецкий мастер со своим заместителем, и под его руководством начались строительные работы. Не хватало строителей. Очень многие объявили себя работниками, чтобы не работать с трупами, но почти все были убиты. Однажды при побелке дома я заметил знакомого из Варшавы – Розановича²⁹⁷. Он стоял с подбитым глазом. Я понял, что вечером его расстреляют. Один варшавский инженер, Эберт, со своим сыном тоже работал, но рука палача вскоре прервала и их жизнь. Судьба меня не щадила.

Через несколько дней я узнал, для чего предназначалось здание с высоким забором. От ужаса меня охватила дрожь. Я и мой товарищ обтесывали дерево, делали окантовку. В этих условиях нам тяжело было работать. Я уже 25 лет не занимался такой работой, а мой товарищ не был плотником, и ему все давалось с трудом. Он был по профессии столяром и топором владел плохо, однако при моей помощи он справлялся. Я по профессии плотник. В течение ряда лет я был членом экзаменационной комиссии Варшавской ремесленной палаты. Прошло восемь дней тяжелого существования, которое нельзя описать. *В течение этого времени транспорты не прибывали. На восьмой день появился новый эшелон из Варшавы*²⁹⁸.

Треблинский лагерь был разделен на две части. В лагере № 1 были специальный железнодорожный тупик и платформа для выгрузки людей. Кроме того, была большая площадка, где складывалось имущество прибывающих. Больше всего привозили с собой иностранные евреи. Там тоже находился «лазарет» длиной 30×6×2 метра, где работали двое мужчин. Они, в белых фартуках и с красными крестами на рукавах, считались врачами. Их задача заключалась в том, чтобы отбирать из эшелона стариков и больных, сажать их на длинные скамьи лицом к могиле. Сзади становились немцы и украинцы и убивали жертв выстрелом в затылок. Трупы падали прямо в яму. Когда собиралось много трупов, их собирали вместе и поджигали. Горели они живым пламенем.

Баракы, где жили немцы и украинцы, находились на некотором расстоянии, рядом располагались канцелярия, баракы для работающих евреев, разные мастерские, конюшни, хлев, продуктовый магазин и склады боеприпасов. Во дворе стояли автомашины. На первый взгляд

---

²⁹⁴ В тексте перевода это слово написано как «тортур».

²⁹⁵ Выделенные предложения отсутствуют в англоязычной версии.

²⁹⁶ Выделенные предложения отсутствуют в англоязычном варианте.

²⁹⁷ Розанович – еврей из Варшавы. Участвовал в строительстве газовых камер, был убит в «лазарете».

²⁹⁸ Выделенные курсивом предложения отсутствуют в англоязычной версии. Далее начинается 5-я глава.

этот лагерь не представлял ничего страшного. Создавалось впечатление, что это действительно рабочий лагерь.

Лагерь № 2 сильно отличался: барак для рабочих размером 30×10 метров, прачечная, малая лаборатория, помещение для 17 женщин, караулка и колодец, кроме того, 13 камер для отравления газом, которые я детально опишу²⁹⁹. Эти здания были окружены оградой из колючей проволоки, за ней находился ров 3×3. За рвом была еще ограда из колючей проволоки. Оба ограждения были высотой до трех метров. Между этими ограждениями были ограды из стальной проволоки. Лагерь по периметру охраняли украинцы. Весь лагерь был огражден четырехметровым забором из колючей проволоки. Забор еще был замаскирован елками. На площадке были четыре сторожевые четырехэтажные вышки и шесть одноэтажных. За последним забором, в 50 метрах, находились противотанковые ежи.

Когда я прибыл в лагерь, в нем уже имелись три газовые камеры. За время моего пребывания их появилось еще десять³⁰⁰. Площадь камеры 5×5 метров, всего 25 кв. метров, высота – 1,90 м. На крыше находилось герметично закрывающееся отверстие с люком, а также отверстия труб, кафельный пол с наклоном к платформе. Кирпичное здание было отделено от лагеря № 1 деревянной стеной. Обе эти стены, деревянная и кирпичная, создавали вместе коридор, приподнятый от поверхности всего здания на 80 сантиметров. Камеры соединялись коридором. Каждая камера имела герметично закрывающиеся двери. Камеры со стороны лагеря № 2 были соединены площадкой шириной в четыре метра, проходящей вдоль всех камер. Высота площадки от поверхности – около 80 сантиметров. С этой же стороны находились деревянные герметично закрывающиеся двери. Двери каждой камеры со стороны лагеря № 2 (2,5×1,80) открывались только наружу, снизу вверх, при помощи железных подпорок, а закрывались железными крюками, которые находились на рамах, и при помощи деревянных засовов. Через двери коридора впускали жертв. Через двери со стороны лагеря № 2 вытаскивали задохнувшихся. Параллельно камере стояла электростанция почти такой же величины, как и камера, только выше на разницу площадки. Она подавала электричество в 1-й и 2-й лагеря. На электростанции находился мотор от советского танка, использующийся для подачи газа в камеры. Этот газ пускали, соединяя мотор с выходными трубами камер. В зависимости от количества впускаемого выхлопного газа зависела скорость наступления смерти жертв. При машинах работало два украинца. Иван³⁰¹ высокий, с милым и мягким взглядом, но – садист. Мучения жертв доставляли ему удовольствие. Иногда он подбегал к одному из нас, когда мы работали, и гвоздем прибивал ухо к стене или же приказывал лечь на пол и избивал нагайкой. На его лице вырисовывалось садистское удовольствие, он смеялся и шутил. Жертв он мучил и убивал в зависимости от настроения. Второго звали Миколой Нижшы³⁰². У него было бледное лицо и такой же характер, как у Ивана. День, когда я в первый раз увидел, как в здание смерти ввели детей, женщин и мужчин, привел меня почти в умопомрачение. Я рвал на себе волосы и плакал от отчаяния. Больше всего я страдал, глядя на детей рядом с матерями или стоящих одиноко, которые не знали о том, что жизнь их через несколько минут закончится в ужасных мучениях. В их глазах был страх и удивление. На устах ребенка как бы застыл вопрос: «А что это? Для чего? Почему?». Однако, увидев каменные лица старших, они также становились такими. Они

---

²⁹⁹ В англоязычном переводе опущено количество газовых камер.

³⁰⁰ В англоязычном переводе говорится о двух действующих газовых камерах и еще двух, которые потом появились.

³⁰¹ Имеется в виду Марченко Иван Иванович (1911 – после 1943) – выходец из Украины. Был призван в РККА в июне 1941 г., вскоре попал в плен, содержался в шталаге 319, в октябре 1941 г. перешел на службу к немцам. После окончания учебной подготовки в специальной школе в м. Травники был направлен служить в Треблинку, где находился примерно 1 год. Отличался жестокостью, за что получил прозвище «Иван Грозный». Имел дружеские отношения с Куртом Францем и унтершарфюрером Ф. Шмидтом. Когда Треблинка прекратила свое существование в качестве лагеря смерти, был переведен в Триест. Дальнейшие следы теряются.

³⁰² В англоязычном варианте опущена фамилия. В действительности вместе с И. И. Марченко мотористом газовых камер был Николай Шалаев – также бывший советский военнопленный. См. подробнее статью А. И. Шнеера в настоящем издании.

вставали без движения, жались друг к другу или к родителям, в напряжении ожидая ужасного конца. В этот момент открывались двери со стороны входа. Иван держал в руке толстую газовую трубу, *длиной около 1 м*³⁰³, а Миколай – саблю. По сигналу впускались жертвы, при этом их избивали беспощадно. Крик женщин и плач детей звучат в моих ушах по сей день. Крик отчаяния и боли. Крик мольбы о помиловании. Крик, молящий Бога об отмщении. Крики и плач не дают мне забыть о страданиях, которым я был свидетелем.

В камеру размером 25 квадратных метров впускали от 450 до 500 человек. *Было ужасно тесно. Стояли один за другим*³⁰⁴. Родители вносили детей в надежде, что спасут их. На пути к смерти их избивали и толкали прикладами, а также газовой трубой. На них спускали собак, которые, лая, бросались на жертв и кусали их. Каждый с криком, стремясь избежать ударов и собак, сам бросался в объятия смерти – бежал в камеру. Те, которые были смелее, подталкивали слабых. Шум продолжался недолго. Двери с треском закрывались. Камера заполнена, заводился мотор, выходные трубы соединялись. Максимум 25 минут – и все были мертвы. Жертвы даже не лежали, потому что негде было, – они стояли, упав друг другу в объятия. Уже не кричали. Их жизнь закончилась. У них никаких желаний. Матери и дети в смертных объятиях. Нет врагов и нет друзей. Нет зависти – все равны. Нет красивых и нет непривлекательных – все желтые, отравленные. Нет богатых и нет бедных – все равны перед Богом. Почему? Я спрашиваю сам себя. Жить мне тяжело, очень тяжело, но я должен жить, чтобы передать миру эти ужасы и варварство. После завершения отравления газом Иван и Миколай проверяли результаты. После чего переходили на другую сторону, где находились двери на площадку, открывали их и сбрасывали задохнувшихся. Нам предстояло перенести их в могилы. Мы умирали от усталости, поскольку с утра работали на стройке, однако некому было пожаловаться – и пришлось подчиниться. Мы могли сопротивляться, быть избитыми, погибнуть такой же смертью, как другие, или еще более ужасной. Поэтому мы делали все беспрекословно. Нашим начальником был гауптман³⁰⁵ (фамилии его не знаю) среднего роста, в очках. Он избивал и кричал. Мне тоже доставалось. Он избивал меня непрерывно. Когда я поднимал на него вопрошающий взгляд, он отвечал: «Wenn du nicht der Zimmermann bist, dann wirst du getoetet»³⁰⁶. Я оглянулся. Почти все рабочие разделили мою судьбу. Избивали не только немцы и украинцы – целая свора собак была спущена на нас. 25 % умерли во время работы. Без осмотра мы их бросали в могилы. *Возвратилось*³⁰⁷ *нас меньше*³⁰⁸. Мне повезло в том, что после ухода гауптмана шарфюрер освободил меня от этой работы.

Ежедневно от удушья газом гибло 10–12 тысяч человек. Мы проложили узкоколейку и на платформе с колесами перевозили трупы до рвов. *Однако с этим было сложно справиться, поэтому мы тащили на ремнях вдвоем*³⁰⁹. Этим вечером я пережил еще один тяжелый момент. После тяжелого рабочего дня нас повели не в лагерь № 1, а в лагерь № 2. Здесь картина была совершенно другая. Этой картины я никогда не забуду. Кровь застыла в моих жилах. Проходя мимо площадки, я видел тысячу трупов. Они находились на площадке лагеря. Это были свежие трупы. Украинцы и немцы отдавали громкие приказы. Диким голосом кричали, нечеловечески избивали палками и прикладами работников, лица которых были окровавлены, глаза подбиты и одежда изорвана собаками. Возле них стояли капо. При входе в лагерь № 2 находились одноэтажные наблюдательные башни, к которым вели лестницы. Около этих лестниц избивали

³⁰³ Выделенная курсивом фраза отсутствует в англоязычном переводе.

³⁰⁴ Выделенная курсивом фраза отсутствует в англоязычном переводе.

³⁰⁵ Гауптман – капитан в вермахте.

³⁰⁶ «Если ты не плотник, то будешь убит» (нем.).

³⁰⁷ В оригинале перевода «вертались».

³⁰⁸ Выделенная курсивом фраза отсутствует в англоязычном переводе.

³⁰⁹ Выделенная курсивом фраза отсутствует в англоязычном переводе. Судя по контексту, вероятно, имеется в виду, что вдвоем узники тащили платформу.

жертв; их ноги просовывали между ступеньками, голову наклоняли вниз, капо держал их так, чтобы жертва не могла двигаться. Все свое зло они вымещали на несчастных, избивая их. Наименьшей нормой считалось 25 ударов нагайкой. Первый раз я это увидел вечером. Луна и прожектор освещали эту ужасную бойню полуживых и возле них лежащие трупы. Стоны избиваемых сливались со свистом сыплющихся на них ударов кнута.

Когда я прибыл в лагерь № 2, там был только один недостроенный барак, нары недостроены, а полевая кухня стояла во дворе³¹⁰. Я там встретил много знакомых из Варшавы, которые изменились до неузнавания: черные, опухшие, избитые. Я недолго радовался, что встретился с ними. Новые лица, новые знакомые. Беспрерывные новости, беспрерывная смерть. Я научился смотреть на каждого живого как на труп, которым он станет в ближайшем будущем. Я его оценивал своим взглядом, думал о его весе, кто его потащит в могилу и сколько он при этом получит нагаек. Это ужасно, но это правда. Верите ли вы, что человек, живущий в таких условиях, может еще смеяться или шутить? Можно ко всему привыкнуть³¹¹.

К наиболее совершенным порядкам относится немецкий порядок – учреждения и служащие, отделы и отделения. А главное, что всюду нужный человек на своем месте. Там, где требуется твердая настойчивость для уничтожения «вредных элементов», находятся большие патриоты, которые это все выполняют. Удивительно, что эти посты занимают люди, которые во время самых больших репрессий уничтожали и убивали людей. Никогда я не замечал в них сочувствия, жалости. Никогда они не переживали за судьбу невинных. Они являются автоматами, которые при нажатии выпускают из себя все что могут. Такие гиены находят большое поле деятельности во время войны и революции. Путь к злу легче и приятнее. Однако сильный и справедливый строй тормозит плохие инстинкты путем воспитания, примера и приказа.

Сумрачные типы прячутся в норах и выполняют свою работу, как кроты. Сегодня все возможно. Чем ты хуже и подлее, тем выше пост займешь. Твой пост зависит от того, сколько ты уничтожил, сколько ты убил. Твои руки, запятнанные кровью беззащитных людей, являются реликвиями, которым они молятся. Ты их не обмывай, а подними высоко вверх – они тебе честь отдадут. Чем грязнее твои руки и совесть, тем выше престол хвалы тебе достанется.

Вторым удивительным свойством немцев является то, что они находят среди других народов, среди самой большой толпы – равных себе по степени беззакония. В еврейских лагерях нужны тоже еврейские палачи, шпионы и поджигатели. Они их и нашли, души, пораженные гангреной, как Мошек из-под Сохачева³¹², Ицек Кобыла из Варшавы, Хаскель – вор из Варшавы и Куба³¹³ – варшавский альфонс и вор³¹⁴.

Новое здание между лагерем № 1 и лагерем № 2, при строительстве которого я работал, возведено было очень быстро. Оказалось, что это 10 новых камер. Эти камеры больше предыдущих: 7×7 метров, около 50 кв. метров. По окончании в них загружали 1 000–1 200 человек в одну камеру. Система камер была коридорной – по пять камер с каждой стороны. В каждой камере было две двери. Одни со стороны коридора, через которые впускали жертв, другие – со стороны лагеря, параллельные первым, через которые вытаскивали трупы. Конструкция дверей была той же, что и в предыдущих камерах. Вид со стороны лагеря № 1 был следующий: пять широких бетонированных ступенек, на ступеньках по обеим сторонам были старательно расставлены корзинки с цветами. Коридор был длинный. На крыше со стороны лагеря виднелась шестиконечная Звезда Давида. Здание выглядело как старинный храм. Когда

---

³¹⁰ Выделенный курсивом фрагмент отсутствует в англоязычном переводе.

³¹¹ Далее в англоязычном варианте начинается 6-я глава.

³¹² Сохачев – город в Мазурском воеводстве современной Польши. В 1815–1915 гг. входил в состав Российской империи. На 1939 г. здесь проживали 13,5 тыс. жителей. За годы войны погибли 4 тыс. горожан – вся еврейская община.

³¹³ Куба – заключенный, информатор администрации. Являлся старшим 2-го барака в нижнем лагере. Убит заключенными во время восстания 2 августа 1943 г.

³¹⁴ Далее в англоязычном варианте начинается 7-я глава.

строительство здания было закончено, гауптштурмфюрер сказал своим подчиненным: «Наконец-то еврейское царство готово». Работа над этими камерами длилась пять недель, но это было для нас вечностью. Работа от зари до ночи под нажимом нагайки и прикладов. Один из вахманов, Воронков³¹⁵, избивал нас немилосердно. Ежедневно он убивал несколько рабочих. Наши физические мучения превышали уровень терпения нормальных людей, но еще более страдали мы морально. Ежедневно прибывали новые эшелоны. Им приказывали немедленно раздеваться, затем их вели к трем старым газовым камерам. Дорога туда проходила через мое место работы. Некоторые замечали среди жертв своих детей, жену, семью. Когда кто-нибудь кидался к ним, ведомый болью утраты, его тут же убивали. В этих условиях мы строили камеры смерти для себя и своих братьев. Это продолжалось пять недель. После окончания работы при камерах меня взяли опять в лагерь № 1, где я обустроил парикмахерскую. Перед смертью женщинам состригали волосы, которые тщательно собирались для какой-то цели, но для какой именно – не знаю.

Все это время я жил в лагере № 2, из которого меня ежедневно брали на работу в лагерь № 1, т. к. не хватало мастеров. Приходил унтершарфюрер Херманн, ему было около 50 лет, высокий, приятный, понимал нас и сочувствовал. Когда он в первый раз пришел в лагерь № 2 и увидел горы тел погибших от газа, то побледнел, посмотрев перепуганным полным мольбы взглядом. Быстро взял меня, чтобы не смотреть на эту картину. К нам, работникам, он относился очень хорошо. Часто тайком выносил что-нибудь поесть из немецкой кухни. Взгляд его выражал столько доброты, что человек запросто бы выплакался перед ним и пожаловался. Боялся он одного – своих коллег. Никогда с ними не говорил, но в каждом поступке и движении его отражалась благородная душа. При работе в лагере № 1 я видел все: *как наших братьев вели в газовые камеры и что ожидало их по пути на смерть*³¹⁶. Это был период, в который еще прибывали эшелоны. Когда поезд приезжал, женщин и детей немедленно загоняли в бараки, а мужчин оставляли во дворе. Женщинам и детям приказывали раздеваться. Наивные женщины вынимали полотенца и мыло, ожидая, что пойдут мыться. Палачи требовали порядка, избивали их и мучали. Дети плакали, взрослые стонали и кричали. Ничто не поможет – кнут сильнее. *Одних ослабляет, других оживляет*³¹⁷. После наведения порядка женщин вели в парикмахерскую и стригли. Тогда они были почти уверены, что пойдут в баню, по другому выходу они направлялись в лагерь № 2, где стояли нагие на сильном морозе, ожидая свою очередь, потому что в камерах не закончилось умерщвление газом предыдущих жертв. Это все происходило зимой, был лютый мороз. Маленькие дети, совсем нагие и босые, были вынуждены стоять под голым небом. Так они стояли часами, ждали очереди. Камеры еще не освобождены. У детей на холоде прикипали стопы к ледяной земле. Они стояли и плакали, замерзали. Вдоль рядов проходили немцы и украинцы, избивали. Наиболее всех лютовал немец Зепп³¹⁸, сильнее всего он издевался над детьми. Когда толкал женщин, а те просили его не напирать, потому что возле них маленькие дети, вырывал у них из рук ребенка и разрывал его пополам, держа за ножки, или головой ударял об стену и бросал убитого. Это не были единичные случаи. На каждом шагу происходили такие трагические сцены.

---

³¹⁵ Вероятно, имеется в виду Воронков Василий, упоминается А. И. Шнеером в числе служивших здесь вахманов (см. статью в настоящем издании).

³¹⁶ Выделенный курсивом фрагмент отсутствует в англоязычном переводе.

³¹⁷ Выделенный фрагмент отсутствует в англоязычном варианте.

³¹⁸ Хиртрайтер Йозеф (1909–1978) – нацистский преступник. В 1932 г. вступил в НСДАП и СА. В 1940 г. присоединился к программе «Т-4», а в 1942 г. – «Операции Рейнхард». В Треблинке с конца августа 1942 г. по октябрь 1943 г. Среди заключенных получил кличку «Зепп» (сокращенное от полного имени). Переведен затем в Собибор, а потом в Триест. В 1946 г. арестован за участие в программе «Т-4», но отпущен из-за недостаточности доказательств. В 1951 г. арестован повторно и приговорен к пожизненному заключению за издевательства над узниками Треблинки. Из-за состояния здоровья освобожден в 1977 г., вскоре умер.

Мужчинам проходило претерпеть во сто раз худшие мучения, чем женщинам. Они должны были раздеться во дворе, сложить одежду и отнести ее на площадку в кучу с другой одеждой, затем войти в барак, где раздевались женщины, сложить и вынести их одежду. Потом мужчины выстраивались, из них отбирали здоровых, сильных и хорошо сложенных – и начинали мучить. Избивали до крови, стегали нагайкой наиболее изощренным способом. Затем построенные вместе мужчины и женщины, старики и дети на поданный сигнал начинали движение. Они должны были перейти из лагеря № 1 в лагерь № 2, в камеры. На пути стояла будка. В ней сидел кто-то и кричал, чтобы сдавали ценные вещи. Люди надеялись остаться в живых – старались скрыть что могли. Но палачи находили все, если не при жизни, то после смерти. Кто подходил к будке, должен был поднять руки вверх – и так целый «хоровод смерти» проходил в камеры молча, с поднятыми руками. Перед зданием камер стоял еврей, выбранный немцами, так называемый «банщик», который звал всех в «баню», иначе вода остынет. Ирония: так, криками и побоями, вгоняли в камеры. *Как я уже отмечал, в камерах было тесно. Люди задыхались от самой толкотни.* Мотор еще плохо функционировал в новых камерах: несчастные мучились целыми часами, не погибая. Сам сатана не придумал бы более ужасных мучений. Когда раскрывали камеру, в ней нередко находили еще много полуживых, которых добивали прикладом, пулей или сильным ударом ноги. Часто жертв пускали в камеры на всю ночь и не заводили мотора. Теснота и духота делали свое, убивая большинство в ужасных мучениях, но многие оставались в живых, в основном выживали дети. Они были еще живы после извлечения из камер, но всех добивал револьвер немца. *Хуже всего было ожидание в очереди своей ужасной смерти на лютom морозе нагишом. Однако не менее ужасны были камеры*³¹⁹. С нескрываемой радостью палачи приветствовали иностранные эшелоны, поскольку сами депортации вызывали за рубежом подобную реакцию. Чтобы избежать подозрений относительно судьбы депортируемых, их вывозили в пассажирских поездах, разрешая брать с собой все необходимое. Эти люди прибывали хорошо одетыми, привозили много с собой продуктов питания и одежды. В поезде осуществляли обслуживание – и был даже вагон-ресторан. *У них с собой было много сала, кофе, чая и т. д.*³²⁰ И голая правда открывалась перед ними внезапно. Их вытаскивали из вагонов, и все происходило так же, как я описывал. На следующий день от них не оставалось и следа – только одежда, продукты питания и *работа, тяжелая работа при погребении трупов*³²¹. Количество транспортов увеличивалось с каждым днем, *поэтому появилось уже 13 газовых камер*³²². Иногда душили газом ежедневно до 20 000 человек. Мы слышали только крики, плач и стон. Люди, оставленные в живых для работ, в дни прибытия эшелонов не ели и все время плакали. Наиболее чувствительные, как правило, из образованных слоев, получали расстройство нервов и кончали самоубийством. Те, кто возвращался в бараки после работы с трупами, еще слыша в голове крики и стоны жертв, вешались. Таких случаев было не менее 15–20 ежедневно. Они не могли выдержать издевательств капо и немцев; они не могли переносить страданий.

Однажды прибыл новый эшелон из Варшавы, некоторые мужчины были направлены в качестве рабочих в лагерь № 2. Я узнал среди них много знакомых, но *не все годились для работы*³²³, один, по фамилии Кушер, не мог вынести мучений. Он бросился на своего мучителя-немца Маятса – обершарфюрера из лагеря № 2³²⁴. Это был палач и бандит. Кушер его

³¹⁹ Выделенные курсивом предложения отсутствуют в англоязычном переводе.

³²⁰ Выделенное курсивом предложение отсутствует в англоязычном варианте.

³²¹ Выделенный фрагмент отсутствует в англоязычном переводе.

³²² Выделенный фрагмент отсутствует в англоязычном варианте.

³²³ Выделенный фрагмент отсутствует в англоязычном варианте.

³²⁴ Вероятно, имеется в виду случай, произошедший 11 сентября 1942 г., когда еврейский узник М. Берлинер напал на Макса Биалу (закончилось его гибелью); возможно, речь идет о попытке нападения на Артура Маттеса. См. альтернативное описание в допросе М. Коритницкого.

ранил. Прибыл гауптштурмфюрер, мастеров отпустили, а всех остальных убили на месте ужасным способом – тупыми предметами.

Я работал в лесу при обработке дерева. Этот лес находился между первым и вторым лагерем. Через этот лес проходили эшелоны нагих детей, женщин, стариков и мужчин. Молчаливый поход смерти. Были слышны только крики бандитов. Несчастные молчали. Только время от времени мог заплакать какой-то ребенок. Плакал и замолкал. Палыцы бандита хватали худую шейку ребенка и давили в нем последние стоны. Все шли с поднятыми руками, раздетые и беззащитные³²⁵.

Между 1-м и 2-м лагерем были дома для украинцев. Они всегда были пьяными. Воровали все что удавалось из лагеря и продавали за водку. Немцы у них часто отбирали награбленное. Украинцы, сытые и пьяные, искали еще и других наслаждений. Когда мимо их домов проходили эшелоны нагих женщин, они выбирали среди еврейских девушек наиболее красивых, затаскивали в свои дома и жестоко насиловали. Потом отводили их в камеры смерти. Опозоренные бандитами, они удушались наравне с другими, в тесных камерах. Смерть мучеников. Бывали иногда реакции. Опишу один такой случай. Одна девушка выступила из шеренги. Нагая, она перепрыгнула через забор трехметровой высоты из колючей проволоки и побежала в нашем направлении. Это заметили украинцы и устроили погоню. Первый, который бросился за ней, был близко и поэтому не мог стрелять. Она вырвала из его рук карабин. Было вообще тяжело им стрелять, потому что вокруг стояли «вахы»³²⁶ и легко было кого-либо из них ранить. Все-таки кровь взыграла у преследователей. Прозвучал выстрел, которым был убит украинец. Девушка в беспомощности боролась с другими. Прогремел второй выстрел и ранил еще одного украинца, ему оторвало руку (по излечении он остался в нашем лагере и оставался в нем до последнего). В конце концов ее поймали, она дорого заплатила за все это. Ее избивали, оплевывали, били, только потом убили. Она была нашей безымянной героиней.

Прибыл эшелон из Германии. Все происходило шаблонно. При раздевании вышла одна женщина с двумя мальчиками. Она доказывала, что является чистокровной немкой и только по ошибке попала в вагон. Все документы в порядке, оба мальчика не были обрезаны. Женщина красивая, но страх сверкал в ее глазах. Она держала детей при себе, успокаивала и заверяла, что сейчас все выяснится и они вернутся домой к отцу. Она их поцеловала, а сама плакала. Предчувствие, ужасное предчувствие. Немцы приказали ей с детьми выйти из шеренги. Ей кажется, что она спасена. Она успокоилась. Но – о ужас! – решено, что она должна вместе с евреями погибнуть, потому что она слишком многое видела и может рассказать об этом миру. Понятно, что все держалось в большой тайне. Кто перешагнул порог Треблинки – тот должен умереть. И эта женщина с детьми шла вместе с другими на смерть. Дети ее плакали точно так же, как еврейские. В ее глазах виднелось отчаяние. Раса не имеет значения. Перед лицом смерти все равны. *Муж ее, наверное, погибнет на фронте. Она погибла в лагере*³²⁷.

Будучи в лагере № 1, я узнал, кем были эти евреи, которые имеют желтые нашивки. Это были люди разных свободных профессий и мастера, оставленные из первых эшелонов, которые построили Треблинку. Они надеялись на свободу, когда все кончится, но судьба распорядилась иначе. Во-первых, было решено, что кто перешагнет порог этого ада, тот должен погибнуть. Нельзя оставлять свидетелей, которые могли бы рассказать всему миру о месте варварских мучений. *Во-вторых, один случай отобрал у них шанс и бросил их в объятия смерти*³²⁸. Среди них находились ювелиры, они сортировали драгоценные камни, которых было очень много – целые ящики. Для сортировки и укладывания отвели отдельный барак без специаль-

---

³²⁵ Далее в англоязычном варианте начинается 8-я глава.

³²⁶ Имеются в виду либо посты, либо сами вахманы.

³²⁷ В англоязычном варианте эти фразы опущены.

³²⁸ Данное предложение отсутствует в англоязычном переводе.

ной охраны. Они пользовались доверием. Если даже они что-нибудь возьмут, так все равно со временем это будет принадлежать немцам. Украинцы в свою очередь при виде золота сходили с ума. Они совсем в этом не разбирались. Достаточно было дать им что-нибудь блестящее, и они были уверены, что это золото. Во время выселения они заходили в каждый дом и требовали золота. Это они делали, не поставив в известность немцев. Понятно, что без насилия не обошлось. Тогда им подсовывали что попало, они все брали. Лица их становились дикими и жадными настолько, что неприятно было на них смотреть. Они прятали награбленное тщательно, чтобы иметь что показать своим семьям в качестве военных трофеев. Некоторые из них были жителями близлежащих сел, другие имели поблизости девчат³²⁹, которым приносили подарки, часть из этих вещей они меняли на водку, будучи ужасными пьяницами. Когда они заметили, что евреи при золоте работают без контроля, начали их заставлять воровать золото, бриллианты и отдавать им. В случае отказа их бы убили. Ежедневно банда украинцев выносила из лагеря ценности. Заметил это немец. Естественно, всю вину возложили на евреев. Произвели обыск и нашли золото и другие ценности. Они не могли признаться, что делали это под давлением, потому что все равно им ничего не помогло бы. Начались пытки. *Закончился золотой сон птицы в клетке о свободе*³³⁰. Сейчас им было хуже, чем другим работникам. После этого случая осталась их половина, раньше их было 150. Оставшиеся в живых страдали от голода, их мучения были необычайными.

Вся площадь была усеяна кучами разных вещей. Понятно, что миллионы людей оставили миллионы разной одежды, белья и т. п. При этом каждый верил, что он обречен на страдания, но не смерть, потому и брал с собой лучшее, наиболее нужное. *Сумки были полные, полные чемоданы и мешки. Лучшие продукты питания*³³¹. На площади в Треблинке можно было найти все, что душа пожелает. Все было в большом количестве. Проходя мимо, я заметил целый сноп перьевых ручек, кофе, чая и т. п. Площадь была усеяна конфетами. Заграничные эшелоны привозили много сала. Эти люди верили, что будут жить.

При сортировке работали евреи. Все складывали, каждая вещь имела свое предназначение. Каждая вещь еврея имела свою цену и свое место, только они сами цены никакой не имели. Евреев заставляли воровать, чтобы потом отдавать все украинцам. Когда они этого не делали, те находили предлог, чтобы их убить. В случае, если евреев уличали в воровстве, их убивали на месте. Торговля продолжалась. Один прекращал, другой начинал. Так жили эти избранные счастливы. Одиночки среди миллионов, между молотом и наковальней. Однажды прибыл из Варшавы эшелон с цыганами³³². Было их 70 человек. Все они были жалкие и бедные. Мужчины, женщины и дети привезли с собой немного грязного белья, старые тряпки и самих себя. Когда они вышли на площадку, то очень обрадовались. Они думали, что находятся в очаровательном дворце, не менее обрадовались и их угнетатели. Уничтожили их так же, как и евреев. Через несколько часов наступила тишина – остались только трупы³³³.

Я работал в лагере № 1. Вел я себя там свободно. Несмотря на то, что я слишком много видел, все-таки вид задохнувшихся от газа в лагере № 2 был ужаснее. Я должен был остаться в лагере № 1. Об этом хлопотали строительный мастер Герман и чешский мастер-столяр. Они считали, что нет мастеров, равных мне, потому я был им временно нужен. В середине декабря

³²⁹ Действительно, между охранниками лагеря и жителями окрестных деревень шла активная торговля. В одном из польских послевоенных отчетов говорилось: «Недалеко от Треблинки лежит село Вулка-Окронглик. Хозяева из этого села посылали своих жен и дочерей к украинским стражникам, работавшим в лагере, и не скрывали возмущения, если эти женщины приносили слишком мало колечек и других ценностей» (см.: Гросс Я. Т. Золотая жатва. М., 2017. С. 41). См. также статью А. И. Шнеера в настоящем издании.

³³⁰ Выделенное курсивом предложение отсутствует в англоязычном переводе.

³³¹ Выделенные курсивом предложения отсутствуют в англоязычном тексте.

³³² Общее количество убитых в Треблинке цыган оценивается сегодня примерно в 2 тыс. человек. На эту тему см. также доклад Т. Х. Гринберга и М. И. Коритницкого.

³³³ Далее в англоязычном переводе начинается 9-я глава.

1942 г. был издан приказ, чтобы все прибывшие в лагерь № 2 вернулись обратно. Этот приказ не подлежал обсуждению. Даже не успев закончить обед, мы направились в лагерь № 2. Первое, что я увидел, – задохнувшиеся от газа жертвы, у которых зубные врачи вырывали искусственные зубы. Беглого взгляда на эту картину было достаточно, чтобы мне еще больше расхотелось жить. Зубные врачи сортировали эти зубы согласно их ценности. Вполне понятно, все, на что накладывали руки украинцы, оставалось у них. В лагере № 2 в течение некоторого времени я занимался ремонтом кухни. *Ее комендант ввел новые порядки. В это время эшелоны прибывали реже, и новые кадры на работу не прибывали*³³⁴. В это время работникам лагеря № 1 начали выдавать номера в виде треугольника из кожи. У каждой группы был свой цвет. Эти номера крепились на груди слева. Ходили слухи, что в лагере № 2 тоже появятся номера. Пока этого еще не было. В любом случае вводили такой порядок, чтобы никто из эшелонов, как когда-то я, не мог пробраться и спасти себе жизнь. Нам уже становилось очень холодно. Начали выдавать одеяла. За мое отсутствие в лагере № 2 создали столярную мастерскую. Передовым рабочим-столяром был варшавский пекарь. Он должен был сделать носилки для переноски трупов из камер к могилам. Это было очень простое устройство: две палки и доски в промежутках, прибитые гвоздями.

Гауптштурмфюрер и оба коменданта приказали мне построить прачечную, лабораторию и помещение для 15 женщин. Эти здания должны были быть построены из старого материала. В окрестностях разбирали еврейские дома. Я это узнал по номерам домов. Я подобрал себе рабочих и начал работать. Часть материалов я взял из леса. Во время работы время пролетало быстро. Так шли дни. Картина становилась обычной. Я стал безразличным. Но новые события опять начали выводить меня из равновесия. Это был период, когда Катень стала темой немцев³³⁵. Это нужно было им для пропаганды, и они это использовали. К нам случайно попала газета, и мы узнали об этих ужасных событиях. Под влиянием этих событий в это время в Треблинку прибыл Гиммлер³³⁶ и приказал сжечь все трупы убитых, а сжигать было что. Это варварство нельзя было никому другому приписать, как только немцам, т. к. немцы были единственными хозяевами отобранной у нас силой земли. Они хотели замести следы. Во всяком случае, необходим был способ уничтожения всего, не оставляя следов³³⁷. Началось сжигание. Пришлось раскапывать и вытаскивать из могил трупы женщин, стариков, детей и мужчин. Когда такую могилу раскапывали, оттуда исходил ужасный смрад – след полного разложения. При этой работе люди страдали морально и физически. И опять к нам, живым, вернулась та же, но еще более усилившаяся печаль.

Нас кормили плохо. Эшелоны не прибывали. Не было несчастных поставщиков. Из старых запасов пищу выделяли неохотно. Мы ели заплесневелый хлеб и запивали его водой. На

³³⁴ Выделенные курсивом предложения отсутствуют в англоязычном тексте.

³³⁵ Речь идет о событиях весны 1940 г., когда более 20 тыс. польских граждан были расстреляны НКВД, причем 4,4 тыс. из них были убиты непосредственно в Катыни. Их могилы были обнаружены немцами, в апреле 1943 г. они использовали этот факт в качестве антисоветской пропаганды, стремясь нанести удар по советско-польским отношениям. В течение долгого времени советская сторона отрицала причастность к убийствам, перекладывая вину на немцев. В настоящее время ответственность Советского Союза как признана политическим руководством России, так и является неоспоримым фактом в отечественной и зарубежной историографии.

³³⁶ Гиммлер Генрих (1900–1945) – рейхсфюрер СС, ответственный за реализацию политики «окончательного решения еврейского вопроса». О визите Г. Гиммлера вспоминали и другие узники (например, С. Вилленберг, Т. Гринберг, М. Коротницкий), однако в опубликованном служебном дневнике рейхсфюрера СС говорится только о посещении им Собибора.

³³⁷ Последние четыре предложения в тексте перевода подчеркнуты карандашом. Вся часть текста, начиная со строки про Катень, отмечена слева карандашом. Вероятно, работники комиссии намеренно искали подтверждения советской версии расстрелов в Катыни. Любопытно, что в сентябре 1944 г., т. е. через месяц после перевода воспоминаний Я. Верника, было опубликовано коммюнике польско-советской комиссии по расследованию злодеяний немцев в лагере смерти в Майданеке (Люблин). В нем уничтожение трупов напрямую увязывалось со стремлением замести следы, после того как советская сторона якобы «раскрыла правду» об истинных убийцах польских офицеров.

почве голода свирепствовал тиф. Больному не требовалось лечение или кровать. Пуля в лоб обрывала его жизнь.

Первые опыты сжигания трупов были неудачными. Оказалось, что женщины горят лучше мужчин, тогда женщин стали брать для разжигания. Эта работа была тяжелой, потому началась конкуренция между группами, кто больше сожжет. На специальных табличках ежедневно записывали количество сожженных³³⁸. Но результаты все же были неважные. Трупы обливались бензином и сжигались. Это стоило дорого, а результат был слабый. Мужчины почти не горели. При появлении самолета в воздухе трупы маскировались елками, работа прекращалась. Это было ужасное зрелище. Самое ужасное, что человеческие глаза когда-либо видели. Когда сжигали беременных женщин, то живот лопался, ребенок вываливался и таким образом горел на трупе матери. Все это не производило никакого впечатления на бандитов. Они смотрели на это как на машину, которая плохо функционирует и мало производит. Однажды в лагерь прибыл обершарфюрер со знаком СС и дал указания создать для нас настоящий ад. Это был мужчина около 45 лет, среднего роста, всегда улыбающийся, его любимое слово было «*tadellos*»³³⁹, от этого пошло его прозвище – *Безупречный*³⁴⁰. Лицо его, очень доброе, не выражало того, что крылось в его подлой душе. Он получал истинное удовольствие, когда смотрел на горящие факелы трупов. Это пламя для него было великим явлением. Он ласкал его взглядом, лежал около него, улыбался и говорил с ним. Этот ад он разжег таким образом: он приспособил машину, выкапывающую трупы, так называемый багер, которая вынимала за раз³⁴¹ 3 000 трупов. На бетонированных столбах 100–150 метров длиной укладывали решетку из железных рельс. Рабочие клали трупы целыми штабелями на решетках и поджигали. Я немолодой человек и много в жизни видел, но более ужасного ада сам Люцифер не был бы в состоянии создать. Может ли кто-нибудь себе представить такой длины решетку, на которой лежат 3 000 трупов людей, которые еще недавно были живы? Вы видите их лица, кажется, что через минуту эти тела сорвутся и проснутся от глубокого сна. А здесь по приказу разжигают факел, горящий живым пламенем. Если ты стоишь невдалеке, то кажется, что это спящие стонут, что дети сейчас же подскочат и будут кричать «мама». Страх и жалость охватывают тебя, но все же ты стоишь, работаешь и молчишь. Бандиты, стоя у пепла, смеются сатанинским хохотом, дьявольское удовольствие искрится в их глазах. По этому случаю они пьют водку, лучшие ликеры, закусывают вкусностями. Они гуляют и забавляются, греются от огня. Даже после смерти еврей дает пользу. Лютая зима, но здесь из печей веет жаром. Этот жар исходит от горящих еврейских тел. Греются от них бандиты, пьют, едят и поют. Костер постепенно угасает, остался только пепел, который удобрит эту безмолвную землю. Земля залита человеческой кровью и засеяна пеплом человеческих тел. Потом она будет плодородна. Если бы она могла говорить, она многое бы рассказала. Она знает обо всем и молчит. Дни шли, а бедные рабочие при трупах горевали, гибли, пухли. И день за днем сердца бандитов наполнялись гордостью и удовольствием. Они совершенствовали ад. Было ясно и тепло – горели факелы, следы казненных исчезали, наши сердца кровоточили. А обершарфюрер сидел у костра, смеялся, ласкал его взглядом, говорил ему «безупречный», видел в этом костре осуществление своих извращенных мечтаний и дерзаний.

Сожжение трупов удалось. Ввиду того, что немцы хотели выиграть время, началось строительство новых решеток. Команды увеличивались и сжигали по 10–12 тысяч человек одновременно³⁴². Был создан настоящий ад. Если смотреть на костер издали, он казался вулканом,

³³⁸ Это и предыдущее предложения были подчеркнуты карандашом в исходном документе.

³³⁹ «Безупречный» (нем.).

³⁴⁰ Выделенная фраза отсутствует в англоязычном переводе.

³⁴¹ Т. е. за одну смену или для одного костра.

³⁴² Это и предыдущее предложения в оригинале перевода подчеркнуты карандашом.

извергающим огонь и лаву. Все вокруг свистело и трещало. Вблизи были такие дым, огонь и жар, что нельзя было выдержать. Это продолжалось очень долго потому, что было около 3,5 млн трупов³⁴³.

С новыми эшелонами было мало работы. Их сразу же после казни в газовых камерах сжигали. Начали прибывать эшелоны из Болгарии³⁴⁴. Это были богатые люди, привозившие с собой большие запасы пищи: белый хлеб, копченое баранье мясо, сыр и т. д. Их так же уничтожали, как и всех. Мы пользовались их запасами и получали лучшую пищу. Болгарские евреи были сильные, хорошо сложенные и мужественные. Смотря на такого человека, не верилось, что через 20 минут его уже не будет. Этим евреям бандиты не разрешали так быстро умирать. Впускали в камеры небольшое количество газа и душили их на протяжении целой ночи. Долго мучились они, пока не умирали. Тяжелые муки им также предстояли перед входом в камеры. Им завидовали в их красоте, поэтому больше издевались над ними. После эшелонов из Болгарии начали прибывать эшелоны из Белостока³⁴⁵ и Гродно³⁴⁶. В это время я закончил строительство лаборатории, прачечной и помещения для женщин.

Как-то поздно вечером в Треблинку прибыл эшелон. Мы уже были заперты в бараках. Немцы и украинцы без нашей помощи занялись жертвами. Вдруг раздали крики и выстрелы. Целая очередь выстрелов. Мы не сдвинулись с места, но с нетерпением ждали рассвета. Каждый хотел знать, что произошло. На следующий день поле было усеяно трупами. Во время работы украинцы рассказали, что прибывшие сопротивлялись, когда их повели в камеры. Они начали трагическую борьбу, разбивали все вокруг. Разбили и ящик с золотом, находящийся при входе в камеру. Хватали палки и все что попало, сопротивлялись. Недолго продолжалась эта неравная борьба. Утром вся площадка была усеяна трупами, и около каждого лежало его средство обороны. Они погибли, а остальные оказались в газовой камере. Все они были изуродованы, некоторым поотрывали части тела. Утром все было кончено. Восставшие были сожжены, а мы еще сильнее убедились, что исхода и спасения для нас нет³⁴⁷.

В это время ужесточилась дисциплина. Построили караулку, увеличили количество постов и поставили в лагерь № 2 телефон. Нам не хватало сил для работы. Началась посылка

³⁴³ В одном англоязычном варианте цифра отсутствует, в другом говорится про 500 тыс. трупов.

³⁴⁴ Общее количество депортированных в Треблинку с территорий, подконтрольных Болгарии, оценивается более чем в 11 тыс. человек.

³⁴⁵ Белосток (Białystok) – польский город в Подляском воеводстве. Основан в XV в. Еврейская община известна в городе с конца XVII в. После начала Второй мировой войны город стал центром еврейского переселения из оккупированных немцами областей Польши, к 1941 г. еврейское население в Белостоке могло достигать 60 тыс. человек. С 27 июня 1941 г. по 27 июля 1944 г. оккупирован немцами. Расправы над евреями начались с первых же дней оккупации, а уже в июле было создано Белостокское гетто. В сентябре 1941 до 6 тыс. евреев из Белостокского гетто были перевезены в гетто в Пружанах, где впоследствии уничтожены. Первый этап ликвидации Белостокского гетто прошел в феврале 1943 г., он сопровождался казнями узников на месте и депортациями для истребления в Треблинку. Белостокское гетто также было местом транзита для узников, депортируемых из других гетто. 16 августа в ответ на новую попытку депортации в Белостокском гетто вспыхнуло вооруженное восстание. До 300 бойцов из числа узников гетто 5 дней сопротивлялись превосходящим силам немецких и коллаборационистских украинских карателей. Части удалось прорваться в окрестные леса, где они присоединились к партизанскому движению. После подавления восстания узники гетто были депортированы в лагеря, часть в трудовые, но большинство в лагерь смерти: Треблинку и Аушвиц-Биркенау. Окончательно Белостокское гетто было ликвидировано в сентябре 1943 г. Лишь около 260 белостокским евреям удалось пережить войну.

³⁴⁶ В оригинале перевода абзац слева выделен чертой карандаша. Последнее предложение подчеркнуто карандашом. Гродно – белорусский город. Основан в XII в. Первые сведения о еврейской общине относятся к XIV в. Накануне Второй мировой войны почти половину населения города, около 30 тыс. из 60 тыс., составляли евреи. 23 июня 1941 г. город был оккупирован германскими войсками. Сразу же начались репрессии против евреев. В ноябре 1941 г. в городе было создано два гетто общей численностью в 25 тыс. человек. Гетто № 2 было ликвидировано в ноябре – декабре 1942 г. Гетто № 1 уничтожено в феврале – марте 1943 г., большинство его узников были направлены для уничтожения в Треблинку. Красная Армия освободила правобережную часть Гродно 16 июля, а левобережную 24 июля 1944 г. Освободителей удалось дожидаться всего лишь около 180 евреям из Гродно и его окрестностей.

³⁴⁷ Далее в англоязычном варианте начинается 10-я глава.

новых людей из лагеря № 1. Но они не выдерживали, все были истощенными. Через несколько дней, когда немцы поняли, что евреи для работы не годны, они их уничтожали. Им жалко было для них пищи. Ко мне прибыл шарфюрер – столяр, чешский немец, о котором я уже писал. Он посоветовался со мной, как построить четырехэтажную наблюдательную башню, которую видел в Майданеке³⁴⁸. Когда я ему все объяснил, он был доволен. Он выразил свою признательность тем, что принес нам хлеба и колбасы. Я ему дал размер дерева и винтов и начал строить. Когда я начинал новую работу, я знал, что моя жизнь продлится на несколько недель. Пока во мне нуждаются – меня не уничтожат.

Когда я построил первую башню, пришел гауптштурмфюрер, выразил свое удовольствие и приказал вокруг лагеря № 2 построить еще таких три башни. Усилили охрану лагеря. Нельзя было переходить из одного лагеря в другой. Семь человек спланировали побег, они хотели бежать из лагеря через вырытый туннель. Четырех из них схватили. В течение дня их ужасно мучили – это было хуже смерти. Вечером по возвращении с работы всех собрали и на всеобщем обозрении этих четверых повесили. Один из них, Михель из Варшавы, перед повешением крикнул: «Долой Гитлера, да здравствуют евреи!».

Среди нас, работающих, были очень религиозные люди. Они молились ежедневно. Немец, заместитель коменданта по имени Король³⁴⁹, циник, подсматривал жизнь и обычаи этой группы, смеялся и иронизировал. Принес им даже для молитвы «талес» и «тфилин». Если кто из работающих умирал, он разрешал хоронить по религиозному обряду и ставить памятник. Я советовал откровенно этого не делать, потому что все равно, когда немцы насытятся этой картиной, то раскопают и сожгут. Меня не слушали, через короткое время убедились, что я был прав.

Я работал всю зиму, видел муки и смерть миллионов и дожил уже до первых теплых солнечных дней.

Было это в апреле 1943 г. Начали прибывать эшелоны из Варшавы³⁵⁰. Нам говорили, что в лагере № 1 осталось для работы 600 человек из Варшавы, что было правдой. В лагере № 1 свирепствовал тогда сыпной тиф. Больных убивали. Из варшавского эшелона к нам прибыло три женщины и один мужчина. Этот мужчина был мужем одной из прибывших женщин³⁵¹. Над женщинами издевались сильнее, чем над мужчинами. Выбирали женщин с детьми, приводили их к костру из трупов и, насладившись их испуганным видом, бандиты убивали их у костра и сжигали. Это повторялось ежедневно. Женщины дрожали, и их тащили полумертвыми. В паническом страхе бросались дети в объятия матерей. Матери просили пощады. От страха закрывали глаза, чтобы забыть на минуту, где находятся. Бандиты раскрывали рты от удовольствия и долго, долго держали жертв в напряжении. Пока одних убивали, другие ждали очереди. Иногда бандиты вырывали из рук матерей детей и живыми бросали в огонь, при этом они хохотали, призывали матерей к героическому прыжку в огонь за детьми и смеялись над их трусостью. *Тысячи таких ужасных картин я пережил*³⁵².

Из лагеря № 1 прислали нам еще людей для работы. Они были перепуганы и боялись с нами говорить. В лагере № 1 была страшная дисциплина. Когда они немного освоились, то рассказали нам, что в лагере № 1 началось сопротивление и готовится восстание, уже что-

³⁴⁸ Речь идет о концентрационном лагере / лагере смерти Люблин (Майданек), находившемся на окраине г. Люблин. Всего за 1941–1944 гг. здесь погибли не менее 90 тыс. узников. Отметим также, что здесь и далее в оригинальном переводе Майданек пишется на польский манер – «Майданку». Такое же написание встречается в документах и газетных публикациях июля – августа 1944 г., сразу по освобождении лагеря Красной Армией.

³⁴⁹ Вероятно, аберрация памяти. Заместителем коменданта являлся К. Франц.

³⁵⁰ Речь идет о периоде восстания в Варшавском гетто и его окончательной ликвидации.

³⁵¹ Примечание издателей [польского издания воспоминаний]: это понятно, тем более что эшелоны, о которых говорит автор, прибывали в период восстания в Варшавском гетто.

³⁵² Данное предложение опущено в англоязычном варианте.

то зарождается. Мы хотели договориться с лагерем № 1, но не представлялся случай. Кругом охрана и башни, пища в нашем лагере улучшилась. Каждую неделю была баня – и даже давали чистое белье. Потому что привели женщин и устроили прачечную.

Мы решили весной освободиться или погибнуть.

Тем временем я простудился и заболел воспалением легких. Всех больных убивали пулей или уколом, но я, по-видимому, был им нужен. Насколько можно было, они меня лечили: много стараний приложил еврейский врач. Ежедневно он меня осматривал, лечил и утешал. Мой немецкий шеф Лефлер³⁵³ приносил мне пищу: белый хлеб, масло, сметану. Когда он что-нибудь забирал у контрабандистов, он делился со мной. Весна, желание жить и помощь делали свое. В этих тяжелых условиях я выздоровел и должен был опять работать. Я закончил строительство наблюдательных башен.

Однажды прибыл ко мне гауптштурмфюрер в сопровождении коменданта лагеря и моего шефа Лефлера. Меня спросили, мог бы я построить блокгауз. Это должен быть дом из круглого дерева, предназначенный для караулки в лагере № 1. Когда я ему начал объяснять, как это делать, он обратился к своим коллегам и заметил, что я его быстро понял.

Стройматериалов не было. Мы вынуждены были изготавливать их сами. Я советовал сделать крышу из черепицы. Делали мы ее сами. Этим я облегчил работу людям, они перестали работать с трупами и помогали мне. Мы построили этот дом в лагере № 2 на пробу, для разборки. Он всем понравился. Гауптштурмфюрер и Лефлер гордились им перед своими коллегами, что это они его сделали. Через некоторое время это здание необходимо было разобрать и перенести в лагерь № 1. Руководитель строительных работ Герман и один из столяров не могли смонтировать такой домик, им легче удавалось убийство невинных, чем работа. Они опять обратились ко мне. Это было мне на руку, я мог прибыть в лагерь № 1 и там договориться с товарищами по судьбе. Для работы мне необходима была помощь. Хватило бы и четырех работников, я взял восемь. Лагерь № 1 я не узнал, когда пришел, – чистота и твердая дисциплина. Все дрожали при появлении немца или украинца. С нами не только не говорили, но и боялись на нас смотреть. Голодные, измученные, они имели все же свою тайную организацию, которая работала продуктивно. Все у них было распланировано. Один варшавский пекарь по фамилии Лейлайзен был связующим звеном между заговорщиками и работал у забора в лагере № 1. С ним тоже было тяжело договориться. Через каждый шаг стоял немец или украинец. Забор был густо обставлен елками, неизвестно было, что за ними происходит. Работники в лагере № 1 были все время под кнутом. Мы по сравнению с ними имели полную свободу. Нам разрешалось во время работы курить. Даже получали сигареты. Эту свободу мы использовали для наших целей. Одни из нас старались разговорить вахмана, а другие договаривались с людьми лагеря № 1. Таким образом мы вошли в состав комиссии тайной организации, которая дала нам надежду на освобождение или героическую смерть. Это все было очень рискованно при бдительной охране и большом количестве заборов. «Свобода или смерть» были нашим желанием. В это время я окончил строительство дома, после чего мы получили от гауптштурмфюрера ром и колбасу. Во время работы мы получали дополнительно ежедневно по полкило хлеба³⁵⁴.

В отличие от нашего, в лагере № 1 террор возрастал. Над рабочими господствовал Франц со своей собакой. Людей она разрывала живьем. Когда в первый раз я был в лагере № 1, я заметил группу мальчиков 13–14 лет. Они пасли гусей и выполняли другие мелкие работы. Были они любимцами лагеря. Особенно заботился о них гауптштурмфюрер, как отец. Иногда проводил с ними целые часы, играя, кормил, поил и одевал. Им давали лучшую одежду. Эти

---

³⁵³ Лефлер Альфред (1904–1944) – шарфюрер СС. Прибыл в Треблинку в августе 1942 г. и был приписан ко 2-му, «верхнему» лагерю. Погиб в апреле 1944 г. под Триестом, Италия.

³⁵⁴ Далее в англоязычном переводе начинается 11-я глава.

дети выглядели здоровыми, хороший уход и воздух дали возможность им развиваться. Я думал, что они останутся живы и с ними ничего не случится. Когда я прибыл, меня сразу удивило их отсутствие. Мне ответили, что когда начальник насытился ими, он их умертвил³⁵⁵.

После окончания работы мы вернулись в лагерь № 2 в полной надежде на освобождение, но конкретных данных у нас не было, и связующая нить вновь оборвалась. В лагере № 2 сжигали трупы месяцами, но их было столько, что не было возможности всех сжечь. Привезли еще две машины для выкапывания трупов. Установили еще больше решеток и ускорили работу. Почти весь двор был уставлен решетками, на каждой горели трупы. Были знойные летние дни, и жар исходил от горячих печей. Ад. Мы видели самих себя горящими на этих решетках. Мы ждали с нетерпением момента, когда силой откроем эти ворота³⁵⁶.

Опять прибыло несколько эшелонов, откуда – не знаю. Были еще два эшелона с поляками. Я их живыми не видел, не знаю, как к ним относились при раздевании и отправке в камеры. Их задушили газом, как и других. При работе мы узнали, что мужчины не были обрешечены, и слышали, как бандиты говорили, что проклятые поляки больше не будут участвовать в восстаниях. Наша молодежь в лагере уже теряла терпение, хотела начать восстание, но это было невозможно. Мы еще не организовывали нападения и побега. Не было контакта с лагерем № 1, но это продолжалось недолго. Мы опять связались с лагерем № 1.

---

³⁵⁵ В исходном переводе абзац выделен карандашной чертой слева.

³⁵⁶ В исходном переводе абзац выделен карандашной чертой слева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.